ПИОНЕР

12

Декабрь

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1936 г.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Владыка гор Аб-аб. *Е. Марков—рис. П. Митурича* 5
Пушкинские страницы 24
Дед Бородоед—*Мих. Лоскутов, рис. А. Каневского* 28
Лед. *Очерк - проф. Н. Н. Зубов* 34
Паноптикум 44
Карл Бруннер. *Повесть Бела Балаш, рис. Ю. Кискачи* 46
Друг народа Марат. Путешествие в века—*Б. Ивантер* 70
Известия Географического общества читателей журнала „Пионер" № 8 74
Синдбад-мореход. *Арабская сказка, перевел М. Салье. Рис. Ю. Кискачи* 89
Холмогорские коровы 108
ПОЧТА:
Муравьиные дорожки — *письмо Коли Гукленофа* 110
Мой ежик — *письмо Шуры Котельникова* 111
Вернулись на землю!—*письмо Гели Крастина* 112
Тайный ход—*письмо Бори Воробьева* 114
Сто этикеток—*письмо Тани Прозоровой* 114
Как я ловила бабочек—*письмо Ларисы Ястребовой* 115
За свободу—*стихи Вити Горского* 116
Спорт 119
Научный телеграф 122
Задачи, загадки, игры и фокусы 125

На обложке картина художника Г. Нисского „Зима"

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в издательство „Правда".

Адрес: Москва, 40, ул. „Правды", 24, комн. № 216.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

П 29
34

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

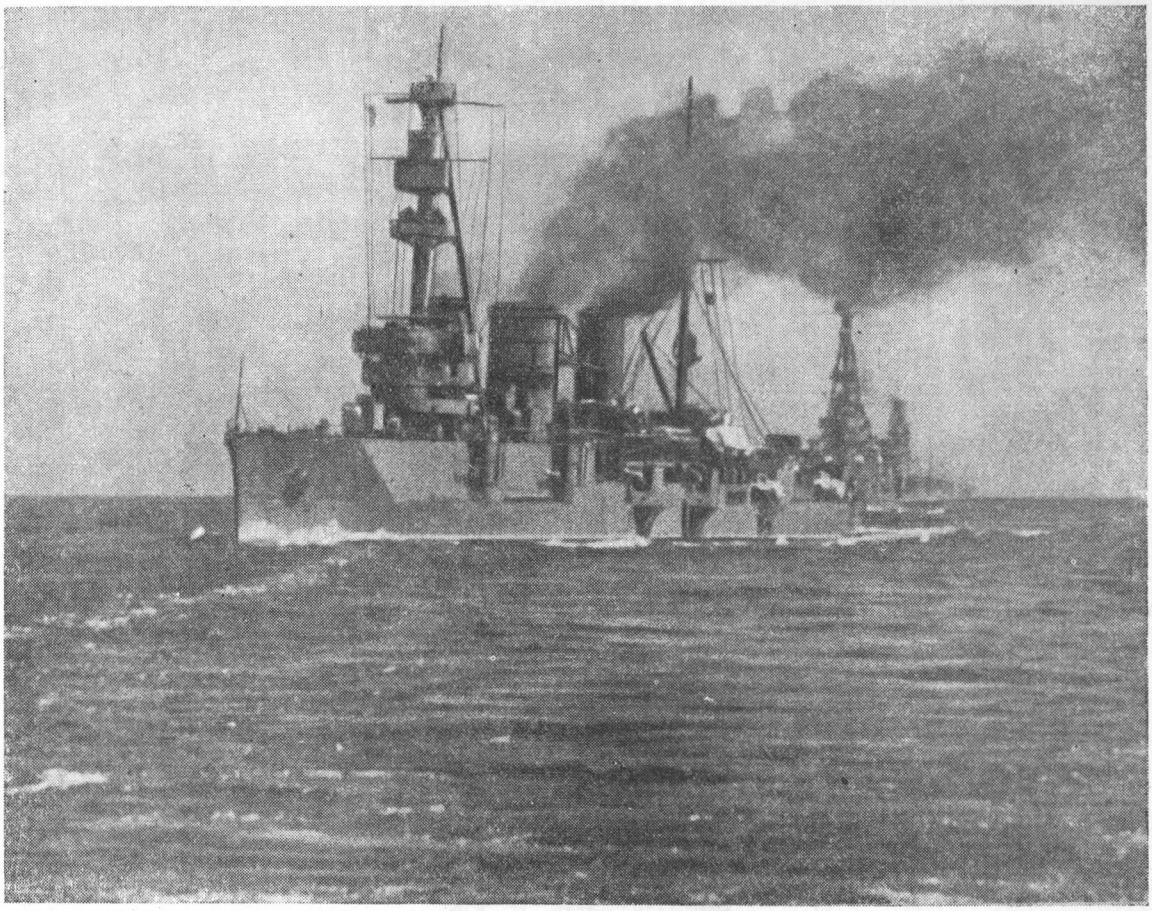
Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

№ 12
ДЕКАБРЬ
1936

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

В этом номере «Пионера» допущены следующие опечатки: На стр. 88 в заметке Юры Соколова вместо: «столицы Таджикской ССР — Ашхабада» — следует читать: **«столицы Туркменской ССР — Ашхабада».**

В незначительной части тиража на стр. 17, в первой колонке, 32-я и 33-я строки сверху, два раза напечатано: «глубиной, откуда никакой опасности нельзя», следует читать: **«глубиной, откуда никакой опасности нельзя было ожидать, загремел выстрел, другой».**



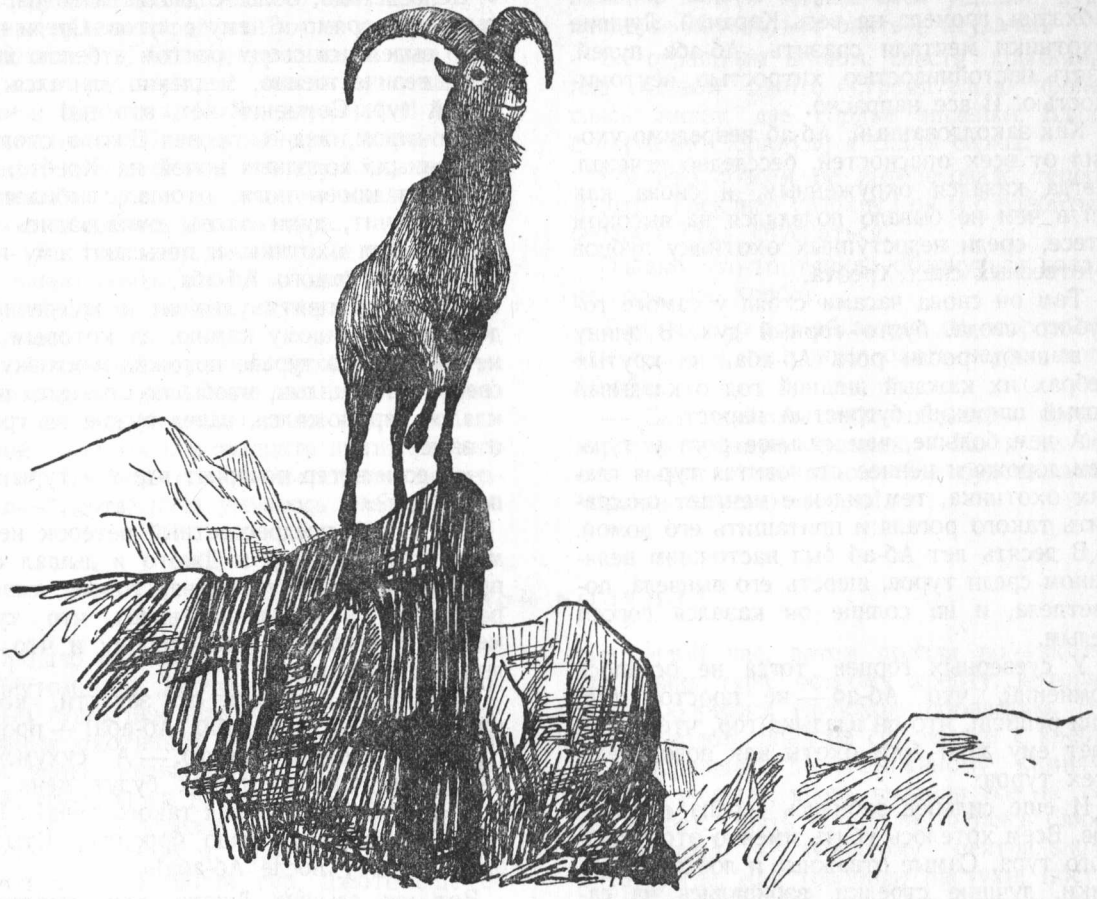
Советские корабли

Наши кулаки сжались, когда мы узнали, что фашистские пираты потопили теплоход «Комсомол». Воздушные бандиты летают над Мадридом и убивают бомбами женщин и ребят. Морские разбойники из той же фашистской шайки поджигают и топят мирные торговые корабли. Мы хорошо знаем, кто главные бандиты и убийцы, мы знаем, что в этой шайке говорят не только по-испански, но и по-немецки и по-итальянски. На четырнадцати языках говорили генералы четырнадцати армий, которые с нами сражались в гражданскую войну. И все они отступили с позором. Разутые и голодные, красноармейцы прогнали из пределов своей страны всех своих врагов. Теперь наша Красная армия в сотни раз сильней. На всех языках мира: по-испански, по-немецки, по-итальянски, по-польски, по-японски, по-французски — говорят миллионы наших братьев и друзей во всех странах.

Наша страна могуча, крепка и ответит ударом на любой удар фашистов—поджигателей войны.

Фашисты потопили «Комсомол», но его рейсом пойдут новые корабли. Мы построим новые торговые пароходы и теплоходы, мы построим новые военные корабли для охраны наших границ и защиты наших граждан. Советские корабли отобьют у фашистов охоту нападать на наши суда.

На снимке: советский крейсер Черноморского флота.



Владыка гор Аб-Аб

Е. Марков *Рис. П. Митурича*

Тур и человек

Аб-абу шел только четвертый год. Но он уже стал взрослым, огромным, сильным, красивым туром. Рога его еще не достигли ни длины, ни толщины рогов взрослых туров, но приняли свой настоящий вид и упругим полукружьем загибались назад и в стороны. Спереди на них выступали первые, мелкие бугры. На подбородке появилась широкая короткая борода.

Темный, почти каштановый, с черной спиною, на крепких толстых ногах, Аб-аб большей частью торчал на остроконечных утесах да над пропастями. Дух человеку захватывало, сердце переставало биться от одного вида страшных обрывов, над самым краем которых равнодушно стоял молодой тур. Высоко подняв голову, он походил тогда не на живого, а на высеченного из камня козла. К нему уже приглядывались турицы, его отметили зоркие пастухи-абхазы, знающие наперечет всех крупных абабов, как называют по-абхазски туров-козлов.

От гор Ачха и Санчары до грозного Псыша и великого Маруха не было тура крупнее Аб-аба. От земли до спины в нем было больше метра, огромная башка на упрямой толстой шее глядела вровень с лицом человека.

Слава о большом туре пошла по всей Абхазии, гремела на весь Карачай. Лучшие охотники мечтали сразить Аб-аба пулей, взять настойчивостью, хитростью, неутомимостью. И все напрасно.

Как заколдованный, Аб-аб невредимо уходил от всех опасностей, бесследно исчезал, когда казался окруженным, и снова как ни в чем не бывало появлялся на высоком утесе, среди недоступных охотнику зубцов и отвесных скал Хребта.

Там он снова часами стоял у самого голубого свода, будто горный дух. В длину и в ширь росли рога Аб-аба, на крутых ребрах их каждый лишний год откладывал новый широкий бугристый нарост.

А чем больше, чем сильнее рога у тура, тем дороже и ценнее становится тур в глазах охотника, тем сильнее мечтает он сразить такого рогаля и притащить его домой.

В десять лет Аб-аб был настоящим великаном среди туров, шерсть его выцвела, посветлела, и на солнце он казался совсем белым.

У суеверных горцев тогда не осталось сомнений, что Аб-аб — не простой тур Они решили, что он владыка гор, что белый цвет ему дали боги охоты как повелителю всех туров.

И еще сильнее забились сердца охотников. Всем хотелось убить именно этого редкого тура. Самые отважные и ловкие охотники, лучшие стрелки, взбирались на самые неприступные утесы, искали случая захватить врасплох Аб-аба, пытали свое охотничье счастье.

Молодой самурзаканец Джото, перебивший не один десяток туров, без промаха снимавший со скал своей знаменитой дальнобойной винтовкой черных серн-свистунов, твердо решил завладеть огромными рогами и шкурою Великого тура. Он поклялся не спускаться с гор, пока не добудет белого козла.

Много дней бродил Джото влево от Псыша, где в то время кочевал со своим стадом Владыка гор. Сколько раз видел он его среди нагромождений камня и ледников Хребта, изучил все тропки, по которым туры спускаются на кормежку и возвращаются обратно в скалистые крепи, сидел ночами у этих троп, чуть не замерзая от холода, поджидая жертву,—и все напрасно. Наконец, удача, казалось, улыбнулась Джото.

Ранним утром, едва из-за гор показался первый робкий свет, Джото, сидевший в засаде у тропы, заметил внизу, вдали туров.

Целое стадо, больше двадцати голов, подымалось прямо к нему с лугов. Среди них, ясно выделяясь своим ростом и белою шкурою, величественно, медленно двигался Великий тур. Сомнений нет, это он!

Не даром, видно, провел Джото столько бессонных, холодных ночей на Хребте, изранил в кровь ноги, отощал, выбился из сил. Значит, духи охоты смиловались над ним, решил охотник, и посылают ему прямо в руки самого Аб-аба.

Бесшумно приткнулся он к из'еденному дождями большому камню, за которым его не было видно турам, положил винтовку на свернутый башлык, чтобы не стукнуть прикладом, приложился, навел ружье на тропу и замер.

«А если ветер повернет вдруг и туры меня учуют?»

Но легкий предрассветный ветерок неизменно тянул снизу к Джото и дышал ему прямо в лицо. Чуть подняв голову, сквозь расщелину в камне, он видел, что туры медленно шагают в его сторону и что белый — между ними.

«Мурзакан сдохнет от зависти, когда узнает, что Джото убил Аб-аба! — проносилось в голове Джото. — А сухумские охотники? Они на руках будут меня таскать. Кто у нас убивал такого тура?.. После него и охоту надо бросить... Стыдно бить мелкоту после Аб-аба!»

Вот уж слышит Джото, как сыплются камни из-под ног неосторожных козлят, как фыркают и чихают турицы. Еще несколько мгновений и...

Куда девалась дрожь, охватившая Джото перед рассветом, после ночи, проведенной на ногах, без костра, на холодном ветру, у самых ледников! Лицо горит, но сердце бьется ровно. Джото крепко сжимает ружье и ждет.

Но что это? В лицо ударили холодные, мокрые, колючие росинки, глаза застилает быстро бегущая белая пелена. Она делается все гуще, все плотнее. Тропа в двадцати шагах исчезает в клубах белого пара. Джото стоит среди густого непроницаемого облака. Все пропало!

В своих мечтах Джото не заметил, как из соседнего бездонного ущелья выползло белое, туманное чудовище и, прижимаясь к скалам, обнимая каждый утес, каждый камень, быстро неслось навстречу затаившемуся охотнику. Туман!

Туры вдруг резко, отрывисто свистнули, затем еще и еще. Учуяли! Звонкий цокот копыт по камням быстро замер вдали.

Воздушное молоко стало светлеть. Туманная пелена заредела. Вот и тропу можно разглядеть. Облако прошло дальше.

Джото рассвирепел: ярость и отчаянье душили охотника. Опять неудача! И такая неожиданная! Проклятые духи словно нарочно издеваются над его трудами, над его терпеньем, будто на зло ему взялись спасать и оберегать белого тура.

— Так нет же, дьяволы! не убережете! все равно опять найду! — злобно проворчал абхаз и гневно стукнул прикладом о камень.

Потрясенный неудачей, дрожа от сырости и холода, который вновь его охватил, Джото с ненавистью глядел то на тропу, по которой только что в двадцати шагах от него прошел Владыка гор, то на скалистые вершины Хребта, куда умчалось стадо, то на зеленые луга и темные леса ущелий, куда придется спускаться опять с неудачей.

Со страшным шумом, свистя крыльями, над головой Джото стремительно пронеслись книзу две горные индейки. Вдали с кормежки юркнули в скалы серны.

Все это совсем не интересовало теперь Джото. Тоскливо вздохнул он и с разбитым сердцем стал спускаться.

Однако что-то тянуло обернуться назад, на горы, на Хребет.

Там, высоко под облаками, на остром обломке скалы, он увидел опять неуловимого Аб-аба.

— Сам шайтан тебя спасает! — погрозил ему кулаком охотник. — Но я не боюсь никаких шайтанов. Ты будешь мой, Аб-аб, клянусь матерью!..

Роковой выстрел

Прошло несколько дней.

Неутомимый Джото, уже с товарищем, молодым гудаутцем Махмудом, как и он, отчаянным охотником и превосходным стрелком, вновь поднялся на скалы за Аб-абом.

Ждать тура на тропе, где он раз заметил человека, бесполезно: он уже больше не пойдет этой дорогой. Новой тропы, по которой ходит Великий тур, Джото еще не нашел. Решили тогда охотники пробираться прямо к вершинам Хребта, где обычно проводит дни Аб-аб, и попытаться снять его пулею из дальнобойной винтовки Джото.

День только начинался, когда приятели уже ползли по скалам.

Оба абхаза были великие мастера лазать по горным кручам, переходить бездонные ущелья, взбираться на отвесные утесы, осторожно перескакивать через трещины ледников. Исползали они неприступную Арабику, брали скалы и провалы Псыша и Маруха, но даже у них оборвалось сердце, когда попали они в каменное царство Великого тура, куда до них нога человека не ступала.

Прошли благополучно скользкий, покатый ледник, весь в трещинах и провалах. Связавшись длинною веревкой, упираясь в лед окованными железом палками, они, как козы, прыгали через трещины, как пятнистая пантера, осторожно ступали между нагромождениями льда.

Им пришлось спускаться в глубокое отвесное ущелье, из которого выбирались они целый час, затем ползли по узкому, как спина тура, острому хребту, который вдруг оборвался глубокою пропастью. Пятились задом, пока не спустились с хребта и, пробравшись по засыпанному камнями узкому ущелью, вновь вылезли все на тот же хребет. Опять поползли, пытаясь ближе подобраться к зубчатому центральному хребту, где, как говорили пастухи, постоянно маячил белый тур. Тут снова попали на разрыв хребта, у которого остановились.

И вдруг они его увидели.

Охотники припали к холодным камням, скрываясь за их зубцами.

В пятистах метрах, словно выброшенный из бездны стальной пружиной, выскочил Великий тур. Всеми четырьмя копытами впился он в ничтожную макушку остроконечного камня, где, казалось, нет места даже для мыши, огляделся спокойно по сторонам и медленными, ленивыми скачками стал перепрыгивать с одного камня на другой.

Следом за великаном, из той же бездны, на тот же камень, прыгнул другой козел, тоже с огромными рогами, за ним — третий, четвертый, пятый, такие же. И теми же спокойными, величественными прыжками следовали за вожаком.

Зубчатый хребет, по которому скакали с камня на камень туры, шел параллельно утесам, на которых залегли смельчаки. До него не больше трехсот шагов. Джото мог на этот раз поздравить себя с удачей.

Ветер тянул от туров. Пять бородатых рогалей во главе с Аб-абом, не спеша, двигались к охотникам.

Вскочив на высокий остроконечный зубец, Аб-аб остановился. Следом за ним, каждый на своем камне, остановились и его бородатые спутники.

Туры чувствовали себя в полной безопасности среди грозных пиков и неприступных для человека скал, которые надежно их защищали: в эти заоблачные твердыни не заберется ни один враг.

И они спокойно, самоуверенно стояли на своих камнях, медленно пережевывали жвачку и, прищурив выпуклые глаза от ослепительных отблесков солнца с соседних снеговых вершин, будто погрузились в свои думы.

Громадный светлый Аб-аб, ближе всех стоявший к охотникам, точно запорошенный белым снегом, выделялся на темносинем горизонте, освещенный яркими лучами.

До него от охотников было не больше четырехсот шагов. Подобраться ближе — невозможно, еще раз так удачно встретиться — нет надежды.

«Надо стрелять и скорее!» — подумал Джото и осторожно нацелил винтовку. Махмуд взял на мушку другого козла. Чуть слышно щелкнул затвор.

Не этот ли ничтожный звук донесся до чуткого уха белого тура или случайный ветерок пахнул на него тяжелым запахом двуногих, только Аб-аб вдруг еще выше поднял голову, раздул ноздри и резко свистнул. Отрывисто свистнули в ответ другие козлы и насторожились.

Нельзя было терять ни секунды.

Раздался сухой, отчетливый треск винтовки.

И по всему Хребту, по всем извилистым ущельям, трещинам и скалам тысячеголосое эхо, то замирая, то усиливаясь, понесло раскатистые громы.

В то же мгновенье белый исчез за хребтом. Четыре других козла, ловко повернувшись на дыбках, размеренными, неторопливыми скачками бросились обратно и скрылись, прыгнув в пропасть на ту сторону.

Махмуд так растерялся, что не успел даже выстрелить.

— Убил, убил! — как безумный закричал Джото. — Видел, как он упал?

Но Махмуд крепко выругался:

— Ничего ты не убил... разве это тур? Это сам дьявол. Он и не упал, он просто соскочил с утеса.

— Да ведь оттуда даже тур не сойдет, ты же видел, что это за скала! На ту сторону хребет совсем отвесный... Нет, белый тур мой, мы его отыщем!

— И искать не стоит, Джото! Он опять улизнул.

Как ни убеждал своего друга Махмуд, Джото твердо стоял на своем и верил, что убил тура. Наконец, с трудом удалось ему уговорить товарища идти на розыски Аб-аба.

Решили спускаться в пропасть, отделявшую их от зубчатого гребня, за которым, как думал Джото, лежит Аб-аб, и по дну ее пробираться в обход на ту сторону.

Но едва сделали они несколько шагов — у Джото вырвалась из рук палка.

Он резко и быстро нагнулся, пытаясь ее схватить, но не удержался, сам сорвался со скалы и неудержимо покатился в бездну.

Отчаянный крик его на всю жизнь остался в памяти Махмуда. Он ясно слышал, как стукнулась о камни далеко внизу винтовка, как следом раздался глухой удар упавшего тела.

Махмуд застыл от ужаса, прижавшись всем телом к скале. А придя в себя, цепляясь руками и ногами за едва уловимые выступы, бледный, весь в поту, он еле выбрался назад, на хребет, и медленно пополз обратно.

Добравшись до ледника, который утром переходили они вместе с Джото, он остановился, едва держась на ногах от потрясенья и усталости.

С ужасом оглянулся Махмуд назад, на страшные вершины, где нашел свою смерть его несчастный товарищ, и первое, что он там увидел, был все тот же Великий Аб-аб.

Как белый призрак, стоял в небе неуловимый рогатый зверь и спокойно поводил головою из стороны в сторону. Рядом, на утесах, торчали его спутники.

Душа Махмуда перевернулась.

— Правду люди говорят: это не тур, это сам шайтан! — решил суеверный охотник.

Только к вечеру добрел он до кочевки пастухов. А на утро голова Махмуда стала белою, как шерсть Аб-аба.

— Горный дух перекрасил мне голову в свой цвет, чтоб я всю жизнь помнил, как хотел его убить, — говорил он с горечью, когда спрашивали о его преждевременной седине.

Охоту бросил он навсегда.

Первые дни на родине

К концу лета Аб-аб снова появился у Псыша и там, на привычных зубчатых скалах, терпеливо выжидал ухода пастухов, чтобы присоединиться к стаду и снова жировать на альпийских лугах.

Многие думают, что туры не могут развивать свои способности, свой опыт, что они родятся и умирают только с тем, что им дают их природные инстинкты, что они не помнят испытанного в жизни, бесследно забывают несчастья.

Но серьезный наблюдатель, хорошо знающий жизнь животных, не может согласиться с таким мнением.

Правда, животные от рождения обладают рядом недоступных человеку наследственных инстинктов, которые спасают их в первые, самые трудные и опасные дни жизни. Пока маленькие ножки туренка настолько слабы, что он не может спасаться бегством, каждый сосунок знает, что в минуту опасности он должен только затаиться, лежать смирно, замереть, ничем не показывать своего присутствия. Прижавшись вплотную к серому камню, вытянув по земле тонкую шейку, серенький пушок становится совсем незаметным и избегает опасности. А в это время мать открыто борется с врагом или уводит его далеко от затаившегося козленка.

Знают тоже козлята, что, идя за матерью, они должны попадать ей в след. Уморительно смотреть на маленького туренка, который старается подражать матери и с точностью зеркала повторяет шаги и все движения старой козы.

Но кроме таких врожденных инстинктов животные, а умные туры особенно, богаты еще и личным опытом, своими наблюдениями, большим запасом рефлексов.

Туры знают, что блестящая палка в руках человека вызывает гром — что-то опасное, что сильный запах людей, как и других хищников, предупреждает о их близости, что ночью люди не ходят, что тревожный свист индеек спасает от неожиданного нападения, что все опасное идет снизу, от леса и лугов, что на вершинах и в скалах спокойно и безопасно.

И только благодаря инстинкту и опыту, который неизгладимо остается в их памяти, который они перенимают друг у друга, туры еще живут в наших горах, еще сохранились среди окружающих их опасностей.

Стоя на своем заоблачном посту, под горячими лучами солнца, белый Аб-аб вдыхал чистый воздух Хребта, щурил умные глаза и медленно поворачивал рогатой головой из стороны в сторону.

Родился он на зеленой лужайке, среди суровых скал горы Ачха утром майского дня. Его мокрую нежную шкурку мать долго и тщательно вылизывала горячим языком. Глотнув воздуха, туренок беспомощно лежал среди обломков скал, от которых не отличался цветом.

Солнце стояло высоко в небе и обдавало новорожденного светом и теплом. Аб-аб чуть приоткрыл свои желтые глаза и быстро закрыл их от нестерпимого света. Зато тепло ему понравилось. Он растянулся на боку и лежал с закрытыми глазами.

Мать грубо толкала его носом, нежно лизала, даже тихо стонала над ухом, но Аб-аб долго лежал, как мертвый, словно набирался сил для жизни.

Временами коза отбегала, вскакивала на ближайшую скалу и осматривалась по сторонам, не грозит ли опасность малышу. Мать напрасно беспокоилась: место выбрано надежное! Сюда не заберется ни рысь, ни волк, ни медведь, ни пятнистый барс, самый страшный враг туров. С орлом-ягнятником легко справятся острые копыта матери. А пастухи со страшными громовыми палками, ходящие на задних лапах, еще не появлялись в горах.

Турица пощипала сочную молодую травку и, стоя в дозоре на скале, медленно пережевывала жвачку, не спуская внимательных глаз с козленка.

Солнце клонилось к западу. Козленок вытянул ножки, открыл глаза, поднялся, дрожа от слабости, и пискнул. Мать подошла и напоила его первым ароматным густым молоком.

Затем она тихонько отошла и ласковым мычанием поманила к себе сына. Робкими шажками направился он к матери, а та медленно, с остановками, отходила все дальше и дальше. Ему это показалось страшным. Он жалобно пискнул. На этот раз турица не ушла и снова дала ему покормиться. Потом она стала медленно подниматься в гору.

Еще не уверенный в своих силах, Аб-аб на слабеньких ножках неловко, но настойчиво и осторожно прыгал за матерью по камням, осыпям и травянистым скатам.

Надвигалась гроза. Коза ее чуяла. Поэтому она спешила добраться до знакомой пещеры под отвесной скалой.

Едва добрались они до скалы, как разразилась жестокая гроза.

В пещере стало темно, как ночью. Только узкий вход временами ярко освещался вспышками молний, которые то и дело рассекали небо. В глубине, на камнях, отражался их синий отблеск, на мгновенье вырисовывались лежащая коза, ее морда, терпеливо жующая жвачку, головка козленка, который близко прижался к матери и большими, испуганными глазами глядел в сторону входа. А оттуда гремели раскаты грома: казалось, рушатся горы, засекало дождем, с треском хлопались о камни огромные градины, изредка заскакивая в пещеру.

Турица с козленком заночевала в пещере.

К утру коза проголодалась. Но предрассветный резкий ветер, сплошной, будто снег, белый слой града на горах, бегущая повсюду холодная дождевая вода, сырость и туман могли погубить козленка. Она еще осталась в теплой пещере.

С востока, из-за дальних хребтов, показались первые лучи солнца. Оно быстро выкатывалось на ясное после грозы небо.

Белый пар пошел по ущельям и, медленно поднявшись, таял в воздухе. Дождевые ручьи иссякали на глазах, каменистая почва обсыхала и теплела.

Турица медленно привстала на передние колени, поднялась на ноги, встряхнулась всем телом и остановилась у выхода, осматриваясь по сторонам. Туренок тоже вскочил, куснул соски матери и стал следить за нею.

Пристальные немигающие глаза ее зорко оглядывались по сторонам, высоко поднятый нос чутко втягивал воздух, уши напряженно слушали.

Все благополучно.

Легким коротким мычаньем мать позвала козленка. Не спеша оставили они пещеру и начали спускаться.

Маленький козленок сегодня выступал куда смелее. Ноги его тверже упирались острыми копытцами в землю. За одну ночь он уже стал крепче, глаза осмысленнее глядели вокруг.

А кругом расстилалась необ'ятная ширь абхазских склонов Великого хребта.

От высочайших каменных пиков, торчавших в самом небе, до низины бурной Бзыби, окруженной вековыми лесами, влево и вправо, до горизонтов, тянулись широкие приволья, где жили и кочевали звери, где начинали и кончали свою жизнь туры.

Они спускались по крутому, почти отвесному обрыву. Коза медленно переступала ногами с одного камня на другой. Сын, на хвосте у нее, прыгал в ее след всеми четырьмя ножками, ловко балансируя, инстинктивно прижимаясь к скале, чтобы не сорваться в кручу.

Вдруг невероятный шум раздался над его головою. Что-то огромное, неясное со страшным свистом пронеслось, чуть не задев козленка громадными крыльями. Он замер, прижавшись к скале. Глаза закрылись.

Но шум умолк так же быстро, как народился. Снова тишина кругом. Он услышал, как спокойно фыркнула мать, и открыл глаза. Турица повернула к нему голову и снова фыркнула.

Надо думать, она по-своему об'яснила сыну, что напугавшая его горная индейка, пролетевшая вниз на кормежку, не только не страшна турам, но находится с ними в вековой дружбе.

Позже Аб-аб и сам узнал, что птицы вообще неопасны, что бояться их не надо, что страшен один громадный бородач-ягнятник, который бросается на молодых козлят, ворует их у зазевавшихся турих, сбивает крыльями со скал даже взрослых, но слабых и больных туров.

Впрочем, ягнятник не появляется внезапно: он долго кружит высоко в воздухе на распластанных крыльях и уж потом бросается на свою жертву. Внимательный и осторожный туренок всегда вовремя заметит тень парящего хищника и может спастись от его острых когтей.

Они благополучно спустились со скалы, и у ее подножья сын на ходу снова проглотил несколько капель молока, быстро дергая и трепыхая коротеньким хвостиком.

Но едва сделали они несколько шагов по узенькому горбу Хребта, как вверху, над ними, раздался глухой топот бегущего зверя. Сбитые ногами камни пролетели над головами.

Туренок бросился к ближайшей скале и упал без движения, вытянув шею, прижавшись к земле, боязливо поглядывая в сторону новой, неведомой опасности.

Турица подняла голову, потянула воздух и спокойно осталась на месте: она давно слышала шум, знала его причину и нисколько не беспокоилась.

На вершине скалы выросла фигура громадного тура с красивыми рогами, с тем-

ною широкою бородою, следом за ним — другая, такая же.

Оба тура легкими прыжками соскочили со скалы, с которой только что медленно и осторожно сошла мать с козленком.

Возле турицы они чуть задержались, обнюхались и теми же быстрыми скачками бросились вниз по Хребту, не обратив внимания на затаившегося козленка.

Долго слышен был шум их копыт.

Ночная гроза и их задержала. Теперь они спешили покормиться на лугах.

Маленький трус, оказывается, испугался своих родичей, инстинктивно затаившись при первом незнакомом шуме. И хорошо сделал: лучше сто раз быть осторожным по пустякам, чем один раз пропустить настоящую опасность.

Геройство для зверей непонятно, дико и странно. Высшее благо—жизнь—они стремятся сохранить во что бы то ни стало, пускай ценой трусости или бегства перед воображаемой даже опасностью. Все подозрительное, все неизвестное и незнакомое в глазах зверей опасно — они бегут от него, доверяют только тому, что определенно им привычно и понятно.

Огромный сильный медведь, не задумываясь, удирает от ребенка так же, как бежит от вооруженного охотника. Лев позорно спасается бегством от злобного маленького фокса.

Эту звериную мудрость твердо усвоил Аб-аб, ей он не раз был обязан спасеньем от неминуемой гибели.

Турица берегла силы козленка и не спускалась слишком далеко.

На первой же площадке с зеленою короткою травою она хорошо покормилась, звучно подрезая зубами сочную траву у самых корней. Туренок за это время и поспал, и поел, и даже пробовал резвиться, смешно прыгая вокруг матери.

Прошло пять дней со дня его рождения. Козленка уже не пугали кручи и скалы. Он спокойно проходил по узким карнизам над пропастями, ловко перепрыгивал небольшие трещины, мог быстро бегать, не отставал от матери, когда она шла даже скоком.

Неизменно к сумеркам мать с сыном возвращалась в свою пещеру, а с рассветом спускалась на кормежку к лугам. Пастухов еще не было, и туры спокойно паслись на своих пастбищах.

Многое перенял за это время от мудрой, осторожной матери туренок, многому научил его и собственный опыт.

Ягнятник

Шестой день жизни Аб-аба едва не оказался для него последним.

Мать рано закончила кормежку. Она медленно подымалась в гору и остановилась у скалы, чтобы отдохнуть и погреться на солнце. Осмотрелась: ниоткуда не видно ничего подозрительного. Она улеглась у скалы, вытянув вперед передние ноги. Медленно двигая челюстями, она пережевывала жвачку и в полудремоте то закрывала, то открывала глаза.

Козленок лежал сначала тут же. Затем он поднялся и подошел к обрыву, откуда с любопытством рассматривал далекое дно, по которому бежал серебристый ручеек. У воды ходил какой-то косматый черный зверь, заинтересовавший туренка.

Коза повернула голову, издала короткое мычанье, козленок нежно пискнул в ответ. Успокоенная мать снова задремала.

Увлеченный наблюдением за незнакомым зверем, Аб-аб не заметил, как по земле вокруг него стала скользить зловещая тень ягнятника. Круги ее становились все уже. Вот она покрывает уже туренка. Хищник над ним.

Но зоркость матери спасла Аб-аба. Она пронзительно, коротко свистнула, и Аб-аб стрелой бросился к ней.

В тот же миг на обрыв, где он только что стоял, опустился громадный ягнятник-бородач. Когтистые лапы, чуть-чуть не унесшие козленка, железною хваткою впились в край обрыва, бородатая белая голова с кроваво-красными глазами, с разинутым хищным клювом тянулась в сторону убегавшей жертвы, а растопыренные крылья грозно хлопали по воздуху.

Туренок замер у скалы, а турица, задрав кверху голову, быстро подскочила к орлу и, поднявшись на задние ноги, копытами передних хватила его со всей силы в грудь. Орел покачнулся. Она боднула его еще рогами. Он не выдержал удара, перевалился через край обрыва и, расправив огромные крылья, тяжело полетел прочь. Только несколько перьев хищника кружилось еще в воздухе.

Когтистые лапы, чуть-чуть не унесшие козленка, железной хваткой впились в край обрыва.

Коза глядела ему вслед, как вдруг учуяла запах и увидела косматого зверя, которым только что так заинтересовался ее козлик, чуть не погибший из-за любопытства.

Она громко свистнула.

Медведь находился под нею в ста метрах. Он неуклюже поднял свой острый нос. Турица, уже заметившая медведя, да еще стоявшая на краю отвесного обрыва, была недосягаемой добычей, он это ясно понимал. Еще раз взглянул на нее Мишка и снова равнодушно принялся за старое занятие: стал опять переворачивать камни, из-под которых ловко собирал жуков, червей и улиток.

Но турица, несмотря на обычное спокойствие и рассудительность, испугалась соседства с медведем.

Она решила пробираться к ночевке не коротким путем по узким тропам, а кружным, более надежным, на котором везде много места, чтобы выдержать бой с пернатым хищником, если он осмелится опять наброситься.

Позвав туренка, все еще лежавшего без движения у скалы, турица уверенно пошла в противоположную от медведя сторону, спустилась к самым лугам, покормилась, накормила сына и, не торопясь, к вечеру кружною дорогою подошла к пещере.

Инстинкт ее не обманул. Еще долго—пока они шли — высоко в воздухе на недвижных крыльях парил голодный ягнятник, высматривая добычу.

Подходя к пещере, мать учуяла запах какого-то родича. Действительно, там уже лежала другая турица, тоже с новорожденным козленком.

Вновь прибывшая дружески фыркнула. Последовал такой же ответ. Козлята обнюхали друг друга, познакомились, улеглись рядом, быстро заснули, а козы, медленно пожевывая жвачку, нето дремали, нето думали свои козьи думы.

Аб-аб уже настолько окреп, что турице можно было присоединиться к стаду.

Действительно, жизнь в стаде надежнее, опасностей меньше, там постоянно дежурят сторожевые туры, и с сильными рогами козлы могут отразить хищников лучше чем слабые козы. Нужно искать свое стадо.

Родное стадо

Над горами, на востоке, показалась чуть заметная бледная полоска света.

Коза поднялась, вскочил козленок и, по привычке невероятно быстро трепыхая коротеньким хвостиком, пососал молока.

Коза вышла из пещеры и уверенным быстрым шагом пошла под гору, сильно забирая влево, направляясь уже по другой дороге навстречу стаду, среди которого родилась и выросла.

Козленок бежал за нею, неуклонно стараясь попадать ей в след.

Это мудрое правило выработано вековым опытом турами и другими горными животными. Оно спасает их при быстром беге от опасности. Опытный вожак, не теряя спокойного внимания даже на полном карьере, ловко выбирает надежный путь среди самых опасных круч и карнизов. Стаду остается в точности повторять его движения и бежать за ним след в след.

Скоро впереди раздался сторожевой свист тура.

Туры бросили щипать траву и, подняв головы, глядели на подходящую турицу.

Аб-аб увидел множество туров. Здесь было три бородатых козла с громадными рогами, около десятка молодых козлов и коз разного возраста и столько же туриц с маленькими козлятами. У одной их было даже два, родившихся одновременно.

Аб-аб сначала держался у самых ног матери. Затем он быстро осмелел и ввязался в игру с ближайшим козликом одного с ним возраста.

Когда он подбежал к матери, возле стоял громадный козел с большими сильными рогами и черно-серой бородой — «отец» стада. Он с достоинством обнюхивался с матерью. Цветом шерсти он был светлее других козлов. Это означает у туров почтенный возраст, как седина у людей.

Аб-аб инстинктивно почувствовал свою близость к этому страшному бородачу, и с этих пор «отец» стал в его глазах особенно чтимым и могучим, а его сильный терпкий запах — родным и приятным.

День в стаде распределялся совсем не так, как в первые дни жизни Аб-аба, и это ему не понравилось.

Как только всходило солнце, стадо медленно, но неуклонно начинало подыматься выше и выше в горы и задолго до полудня

достигало скал. Расположившись тут на выступах, пригреваемых солнцем, туры спали, отдыхали, пережевывали жвачку, только дозорные маячили на обломках скал.

В первое время Аб-аб пробовал прыгать и резвиться днем, вскакивал на камни, бодался с козлятами.

Но он скоро понял, что день дается турам для отдыха и сна, а ночь — для кормежки и бодрствования.

Современем он понял также, что такой закон жизни создан для туров человеком, их самым страшным врагом, который отнимает у туров пастбища, убивает их громовыми палками.

И особенно твердо надо помнить этот закон, когда на пастбищах появляются пастухи со своими стадами. Они даже жилища устраивают на лугах, жгут костры и шумят: кричат и стреляют.

Пастухи пришли

Прошло несколько однообразных дней и ночей. Как всегда, стадо и на этот раз перед закатом спустилось на луга и медленным шагом, пощипывая молодую зеленую траву, подходило к границе леса, где среди кустов росли особенно вкусные и сочные растения, где нежные веточки ивняка, рябины, берез, ежевики привлекали туров, как острая приправа к пресному кушанью. На лугах стояли сумерки, ниже — в лесах и ущельях — наступила ночь.

Вдруг вожак стада, бородатый рогаль, высоко поднял голову, втянул носом воздух, прислушался и резко, отрывисто свистнул.

Все стадо остановилось. Все ответили таким же свистом. Козлята испуганно подскочили к козам, не понимая, какая опасность угрожает стаду. Но скоро даже глупые малыши сообразили, в чем дело.

Среди лесного мрака, на километр ниже туров, сверкал между деревьев красный свет костров. Звучали колокольчики на коровах, слышалось их густое мычание, ржание лошадей, доносились блеяние свец, визг и сердитый лай сторожевого пса, тянуло смрадным дымом, пригорелым бараньим салом.

В горах снизу вверх и звуки и запахи доносятся удивительно отчетливо, не то что сверху вниз.

Потому так далеко слышит и чует тур всякую опасность, которая надвигается снизу, от подножия гор. К счастью туров, скалистые вершины Хребта необитаемы. Оттуда не грозит туру никакой враг. Разве только смельчак-охотник заберется выше пасущихся ночью туров и встретит их на рассвете, при под'еме в горы, громом выстрелов. Но люди вообще так сильно пахнут, так неумело ходят по скалам, обрывая под собою камни, что только неосторожный или голодный тур прозевает их приближение.

Стадо стояло в молчании. Затем бесшумно отошло выше, на луга, и там прокормилось до конца ночи. За это время его встревожило и другое, необычное в горах явление.

Среди ночи невдалеке от пастухов вдруг раздался громкий протяжный вой. Верные спутники баранты — волки — тоже пришли за пастухами и нагло заявляли всему горному миру, что они здесь.

Не одни туры обеспокоились приходом пастухов.

Мимо стада прошмыгнули быстроногие серны, потревоженные в лесу, где проводили почти все время. Куницы, выбравшись на ночь из теплых гнезд в дуплах, пронзительными маленькими черными глазками старались разглядеть через деревья, что делается вокруг костров, и чутко морщили будто лакированные носы. Со всех сторон, припадая к земле, ползли на животе к становищу пастухов хитрые лисицы, замирали на удобном для наблюдения месте, внимательно вглядывались и вслушивались. Даже трус-медведь приблизился к огням, посмотрел, понюхал, посопел, но, как только заслышал первый лай собак, быстро повернул и в полгоры поспешно побежал прочь, не останавливаясь, пока не перевалил через несколько ущелий и хребтов.

Только хитрая и жадная пантера, развалившись на широком суку гигантского бука, зачуяв коров и баранту, спокойно лежала, понимая, что пришло «мясо».

Перед рассветом влетела она в самую середину ближайшей отары усталых овец и ударом лапы свернула шею самому крупному барану. Не смущаясь тревожным блеянием сбившихся в кучу овец и неистовым лаем оробевших овчарок, она с достоинством, не спеша, унесла свою жертву в ближайшее ущелье.

Запоздалые крики и выстрелы сонных пастухов не произвели на нее никакого впечатления.

А в это время стадо Аб-аба уже бросило луговые просторы и торопливо поднималось на скалы и утесы Хребта.

Жизнь для туров теперь стала труднее, тревожнее. Осторожность утроена. На луга спускались совсем в сумерки, и то лишь на верхнюю границу, покидали их до света. Даже лежа на неприступных скалах днем, туры не были в безопасности, все время приходилось быть настороже.

Гибель турицы

Раз около полудня тур-отец, стоявший дозорным на высоком базальтовом утесе, вдруг резко свистнул. Все стадо вскочило на ноги и стало смотреть туда же, куда глядел старик. Аб-аб тоже вытянул шейку.

Влево от стада, на километр под ним гора обрывалась уступами с небольшими лужайками зеленой травы. На одной из них турица, только что родившая козленка, беспомощно стоявшего перед нею на слабых ножках, вылизывала языком его шерстку.

К лужайке шел узенький хребет, обрывистый со стороны турицы и покатый на другую сторону.

По этой покатости, прикрываясь от турицы горбом хребта, медленно полз человек, и в руках его по временам блестела на солнце страшная палка. Коза не могла видеть подползавшего человека и продолжала вылизывать козленка.

Все стадо следило за человеком. Запах его мог донестись до турицы, предупредить об опасности. Но ветерок трепал бороды туров от турицы в сторону человека: при таком ветре даже его сильный запах не дойдет до козы.

Старый тур и все стадо стали резко, тревожно свистеть. Но и громкий свист сверху при неблагоприятном ветре не может долететь далеко.

Сколько ни свистели туры, коза ничего не слышала и спокойно оставалась на месте.

Только раз она вдруг тревожно подскочила к обрыву, на котором паслась, и огляделась. Но заметить спрятавшегося за гребнем охотника она, конечно, не могла и, успокоившись, снова подошла к козленку.

А хитрый охотник ползком по земле, прячась за каждый камень, за каждый выступ, подобрался уже на сотню шагов к турице, остановился, приподнял впереди себя страшную палку.

Старые туры поняли, что это значит.

Отец стада со всей силы в последний раз громко свистнул. Турица подняла голову — услыхала, но в то же время из палки показалось белое облачко, и турица упала без движения.

Громовой удар эхом разлетелся во все стороны, гулко переходя по скалам и ущельям, словно не одна, а десятки палок загрохотали кругом.

Все стадо опрометью бросилось бежать выше, в скалы. Остановившись на мгновение, туры видели, как человек, поднявшись во весь свой страшный рост, гонялся по лужайке за козленком, которого быстро поймал, накинув на него башлык.

Когда стадо забралось на недосягаемую для пастухов высоту, разлеглось на отдых и почти забыло о происшествии, старый тур с высоты дозорного камня острым глазом рассмотрел, как охотник теперь спускался по хребту к товарищам, уже не прячась, не пригибаясь к земле. На спине у него висела убитая коза, в руках он нес завернутого в башлык туренка.

С козой за плечами охотник добрался до места, откуда его могли заметить товарищи, находившиеся на лугах и мастерившие там деревянный шалаш.

Кругом бродили стада овец, коровы, лошади. После грубой и жесткой растительности приморских равнин Абхазии они с ожесточением накинулись на зеленую горную траву.

Пастух-охотник свалил груз на землю, приложил ко рту руки трубою и стал неистово кричать.

После нескольких громких призывов, начинавшихся, как и у волков, с низких нот «А-о!» и переходивших в отчаянно высокие и пронзительные «У-уй!», он замахал платком.

Во все горло запел он старинную абхазскую охотничью песню, слова которой давно забылись, искажены, но героический мотив хорошо известен всем охотникам Абхазии.

Охотника услышали на кочевке.

Со всех ног бросились оттуда в гору три молодых ловких абхаза и, обгоняя один другого, стали быстро приближаться к охотнику. Скоро они были возле него, взя-

По покатости, прикрываясь от турицы горбом хребта, медленно полз человек.

ли убитую козу и козленка и все вместе стали спускаться к шалашу. Охотник шел рядом, нес одно только ружье и, размахивая руками, рассказывал подробности охоты.

По старинным абхазским законам охоты, из тех людей, кто бросится на помощь охотнику, добежавший первым получает филейную часть добычи, второй — ляжку, третий — еще что-нибудь.

Старый тур видел все это из-под облаков.

Западня

Прошло несколько дней. Новая встреча с людьми опять показала Аб-абу, как поступают они с турами.

Проведя тревожную ночь на пастьбе у верхнего края лугов, туры, заметив в небе первую предрассветную светлую полоску, бросили кормежку, хотя не успели вволю наесться. Молча спешили они забраться повыше в горы. Особенно были голодны козы, кормившие козлят. Трава была сильно испорчена баранами, бродившими по лугам. Бараны оставляли за собой едкий, противный турам запах. Старые козы почти не ели такой травы.

Овцы и крупный скот заносят на пастбища разные глистные болезни, паршу, чесотку, ящур, которые передаются турам.

Туры инстинктивно избегают пастбищ, на которых пасется домашний скот.

Стадо проходило по нахоженной тропке вдоль обрывистого склона узкого ущелья, как всегда, один за другим на некотором расстоянии.

Вдруг с противоположной стороны ущелья, отделенной от стада страшной глубиной, откуда никакой опасности нельзя было ожидать, загремел выстрел, другой, третий, целых десять громовых шумов, наполнивших все ущелье потрясающими раскатами.

Стадо растерялось. Приостановилось. Туры засвистели, и стадо бросилось бежать.

Впереди, делая огромные прыжки, несся старик-отец. Но видно было, что бежать ему тяжело: он припадает на левую заднюю ногу. Шедший за ним следом третий по величине в стаде тур был на смерть поражен пулей и на глазах стада кубарем свалился в пропасть. Одна турица замертво упала на тропе, и бежавшим за ней турам приходилось через нее перескакивать. Ее козленок приостановился было возле матери, но при новом выстреле бросился за бегущими впереди турами. Другой козленок, поменьше, был убит недалеко от этой турицы, убит был еще трехлетний тур. И через них один за другим перескочило все стадо.

Сломя голову неслось оно теперь далеко от рокового ущелья, забирая круто вправо по грудам скал и осыпей, в сторону надежного, неприступного для человека ледника. Сильно отставая, бежала за стадом турица, козленок которой был убит на тропе. Коза жалобно блеяла, фыркала, звала козленка.

Мчавшийся за матерью как взрослый Аб-аб видел далеко впереди отца, который приближался к последней грани, к полуотвесной скале, на которой ждало туров спасение.

Он видел, как старик сделал могучий прыжок на скалу и вдруг не удержался, рухнул всем огромным телом и уже больше не вставал. Бежавшие за ним туры, не останавливаясь возле старика, вскакивали на скалу и поднимались по отвесам к леднику.

Когда Аб-аб с матерью примчался к месту, где лежал отец, он казался спокойно дремлющим на пригреве. Передние ноги были подогнуты, задние вытянуты назад. Голова с полузакрытыми глазами низко склонилась к земле и покачивалась. Из приоткрытого рта капала розовая пена, ляжка задней левой была вся в крови.

Он умирал: одна пуля пробила ему грудь, другая перебила ногу.

Аб-аб глянул на старика, но вспомнил, что прежде всего надо самому спасаться. Прыжками помчался он за матерью на скалу.

Туры не скоро пришли в себя от страха. В оцепенении лежали они на снегу. Только дозорные неустанно глядели по сторонам.

Перед закатом стадо поднялось. Туры направились через Хребет по знакомой дороге на северный склон. Там лежало еще много снега, но пастухи зато были далеко.

Старый тур был еще жив, когда по его кровавым следам бесшумно и мягко подползала к нему огромная пантера.

Приостановившись в нескольких шагах, как домашняя кошка перед прыжком, барс подобрал под себя лапы и легким пружинистым скачком бросился на тура. Тот бессильно повалился на бок. Раздалось довольное рычание зверя, хруст костей и чавканье. Барс до рассвета пожрал почти всего тура.

На северном склоне стадо пробыло недолго, около двух недель.

Тепло и дожди быстро растопили снег на лугах, и сюда тоже прикочевали пастухи со своими стадами.

Там, на южной стороне, были абхазы, здесь — карачаевцы, вот и вся разница. В остальном все у них было общее: тот же противный запах, те же громовые палки. Стадо и на этой стороне потеряло двух туриц и трех туров.

Но маленький Аб-аб и его мать были живы и вместе с оставшимися родичами все лето кочевали с одного места на другое.

Побывали они на покатой Санчаре, спускались даже раз ночью к знаменитому Красному нарзану выше истоков Лабы, пили целебную шипучую воду, но здесь было много скота, пришлось перебраться на Грибзу. И там тоже стояли кочевья пастухов.

В середине лета стадо забралось к самым вершинам Псыша и здесь пережидало тяжелое время, пока пастухи уйдут с гор и освободят пастбища. Соседние горные луга еще не были потравлены скотом, корму было много. К тому же в одной из расщелин каменных утесов они нашли соленый родничок. Все стадо ежедневно спускалось туда полизать осолоненные водой камни, проглотить глоток бодрящей горько-кислой воды. Здешние пастухи не пользовались почему-то громовыми палками.

Козлята за лето выросли, возмужали, по опыту и повадкам они почти не отличались от взрослых туров.

Маленькие острые рожки выпирали из головы Аб-аба, ноги превратились в стальные пружины, которые легко и высоко подбрасывали туренка на любую высоту, а мягкие, будто резиновые подушечки на подошвах и острый как бритва ободок копыт позволяли Аб-абу не скользить на самых гладких, отполированных льдами камнях, притыкаться ко всякому, чуть заметному выступу скалы.

Аб-аб, играя, бессознательно упражнял и тренировал ноги и мускулы, приучал дыхание работать ровно при самой быстрой скачке. Умная турица иногда сама пускалась вскачь по зубчатым скалам и отвесам, чтобы лишний раз приучить туренка бесстрашно и ловко прыгать в опасных и тяжелых условиях.

За это время ему пришлось на собственном опыте убедиться, как полезна турам дружба горных индеек, которых здесь водилось множество.

На одном из хребтов, спускавшихся в Абхазию, лежал прекрасный зеленый лужок, окруженный со всех сторон обрывами и скалами, на котором не было скота. Туры постоянно здесь кормились, иногда задерживались долго, часов до десяти утра.

Раз как-то туры особенно замешкались на лугу, не зная, что и здесь подстерегают их охотники.

Два дня подряд незамеченный турами опытный охотник терпеливо наблюдал за стадом с соседнего хребта в подзорную трубу. Он пересчитал всех туров. Особенно понравились ему красивые большие рога одного старого тура. Сообща с пастухами он разработал хитрый план, как окружить стадо и добыть рогаля.

Всех охотников, вооруженных ружьями, собралось семь человек.

Узнав повадки стада, они еще до рассвета быстро спустились с горы по глубокому ущелью, оставили двух человек под скалами, у нижнего края луга, двух направили в обход по ущелью, окружавшему туров с правой стороны, а трое с гостем во главе поползли по левому ущелью.

Люди все рассчитали по часам. Ровно в 9 часов утра с двух противоположных ущелий, между камнями и отвесными скалами у верхней границы зеленого луга, показались ползущие охотники.

Первым заметил их сидевший высоко на обрыве крупный серо-белый индюк. Семья его под скалой гонялась за насекомыми и щипала траву. Он громко свистнул.

Индюки и индейки на скалах тоже разглядели подкрадывавшихся охотников и засвистели.

Индюки, жировавшие ниже, не могли их видеть, но, взлетев, увидели людей и в свою очередь стали тревожно свистать.

Не ожидавшие этого охотники пригнулись было к земле, затаились, но обмануть зоркую птицу не удалось.

Вся молчаливая до того гора ожила, наполнилась пронзительным свистом. Туров уже не было: при первых звуках все стадо без рассуждения в карьер помчалось к скалам.

Остановившись на недоступной для человека высоте, они видели, как семеро охотников сошлись вместе, постояли, посидели, затем еще некоторое время бродили

по окрестным скалам, потом стали стрелять по индейкам, но удалось им убить только двух птиц.

Прошло тревожное лето, настал сентябрь, ночи стали прохладнее. По утрам на лугах лежала скрипучая, хрустящая под копытами ледяная корка. Из ущелий снизу все чаще поднимался густой как молоко туман, заволакивающий луга, скалы и вершины непроглядной пеленой. Стада коров и овец понемногу скучивались к кочевкам.

Наконец, в дождливый, серенький день стада стали спускаться с лугов, окруженные пастухами, которые вели в руках лошадей, нагруженных тяжелой кладью.

Выпал первый снежок и покрыл пастбища. После него, как хорошо знали туры, ни один пастух не останется в горах.

Ночью кругом уже не видно было ни одного огонька, не слышно было лая сторожевых овчарок, тупого мычания коров, покорного блеяния овец. Пастухи ушли.

Волки

Туры опять начали спускаться ночами на луга и паслись на них теперь гораздо дольше.

Солнце растопило снег, луга снова зазеленели. Дожди подогнали об'еденные скотом травы, вытравили запах баранты, убили заразу и болезни. Туры быстро от'едались и жирели в ожидании зимних холодов и бескормицы.

Скоро, однако, снег все чаще стал засыпать землю, все дольше лежал, не таял и, наконец, как-то сыпал весь день и всю ночь.

Маленький Аб-аб кормился еще молоком матери, но уже пробовал щипать и горькие травы. Подражая старшим, он усердно разгребал острыми копытцами снег и доставал из-под него зеленый корм. Кустарники у лесов особенно помогали турам бороться с голодом зимой.

Однажды, незадолго до заката, когда солнце еще не зашло, а месяц словно тусклый фонарь стоял уже в небе, стадо мирно паслось у опушки леса.

Вдруг сторожевая турица тревожно свистнула. Все насторожились, стали свистеть и бросились опрометью в горы.

В ту же секунду раздался громкий предсмертный крик молодого тура.

Неосторожный тур слишком далеко отошел от стада и за ветром не учуял, как между кустами незаметно подползли к нему тени двух волков. Они его вмиг зарезали.

Три других серых бандита, не сумевшие так же ловко подобраться к турице с Аб-абом, ринулись за убегающими турами.

И тут маленькому Аб-абу пригодились его крепкие ноги и сильные мускулы.

Впервые пришлось ему мчаться по глубокому снегу, в котором вязли ноги и задерживались быстрые скачки.

А сзади по пятам гнались голодные звери. Турица не покидала сына. Она скакала рядом, готовая сразиться с разбойниками, и все время ободряла туренка тихим мычанием.

Аб-аб прыгал, что было силы, сознавая, что сзади гонится смерть, что пощады не будет.

Бежать, однако, становилось все труднее. Ноги ударялись в мягкую, размокшую за день под снегом землю и не находили необходимого для скачков упора. Между копытцами забивалась вязкая грязь, ноги становились все тяжелее. А волки быстро сокращали расстояние, уже нагоняли отставших от стада беглецов.

Вдруг тонкий слух Аб-аба различил звонкие удары копыт о твердую скалу мчавшихся впереди туров и звук падавших из-под их ног каменьев. Туренку не хотелось погибать. Он напряг последние силы, прибавил ходу. В скалах было его спасение!

И он попал, наконец, в свою стихию.

Как на пружинах стал перелетать он с одного утеса на другой и оставил волков далеко позади. Аб-аб был спасен.

Волки остановились, тяжело дыша, высунув кровавые языки. Потом они подняли острые морды к бледной луне и вдруг зловеще, тоскливо завыли.

Снизу ответили их серые товарищи. И среди горной тишины зазвучал дикий хор волчьих голосов. Потом все смолкло.

Серые тени медленно скрылись среди деревьев.

Лавина. Медведь

Пролетели быстро детские годы Аб-аба, полные случайностей и опасностей.

Сколько сверстников его, таких же крепких козлят, как и он, погибло раньше времени!

Осторожность умной и опытной матери,

строгое соблюдение правил и требований звериной мудрости, уменье использовать и не забывать свой личный опыт сохранили жизнь Аб-абу. Он превратился в могучего Владыку гор, в «отца» самого большого и крепкого стада туров Абхазии.

Солнце склонялось к западу, когда Аб-аб и его четыре бородатых спутника покинули зубчатый гребень и осторожными прыжками спускались с отвесной скалы к лугам.

Ни один зверь, кроме тура, не мог бы пройти этой дорогой. Скала казалась совершенно отвесной, и выступы, на которые опирались цепкие копыта туров, со стороны были совершенно незаметны.

Присоединившись к стаду, Аб-аб провел с ним ночь на пастбище.

На утро, когда туры подымались на скалы, старик заметил, что небо на северо-западе, за Хребтом, особенно мрачное и темное.

Все предвещало близкую непогоду, и туры это чувствовали. Серые мутные тучи заполнили небо, закрыли солнце, в горах стало холодно и темно.

Некоторые молодые козы хотели было спуститься вниз, к лесу, чтобы там, под густыми пихтами, укрыться от грозы. Но Аб-аб решил иначе. И он был прав. Лучше намокнуть среди скал, чем погибнуть сухим в лесу, где буря и молнии зажигают и валят деревья, где укрываться в таких случаях — все равно, что идти на самоубийство.

Гроза разразилась.

Налетел холодный ураган, закрутил, завыл. Небо раздирали молнии. Гремели и хлопали оглушительные громы. Полил дождь, по скалам забарабанил крупный град. Горы затянуло серой густой завесой. А внизу, в лесу, то здесь, то там вспыхивали бледные снопики огня, трещали громовые удары, валились деревья, горели пихты, зажженные молниями.

Все стадо боязливо жалось к отвесной скале.

Новый раскат грома над головой Аб-аба невероятной, чудовищной силы потряс всю гору. Он не прекратился как обычно. Усиливаясь, превращаясь в какой-то адский рев и гул, он несся с ужасающей быстротой на стадо.

Лавина!.. Обвал!..

В то же мгновение мельчайшая снежная пыль, потоки грязи, воды и камня пронеслись над головами туров.

Обвал только краем задел скалу, под которой укрывались туры, а всей массой пролетел с ними рядом.

Целые горы камней, снега, льда и земли широкой полосой легли через зеленые луга и застыли у границы леса.

Жалобно мычали две турицы: два молодых их козлика с перепугу не разобрали в чем дело, бросились бежать и погибли в грозной лавине.

Приближалась опять зима, луга покрылись снегом, и Великий тур перевел свое стадо на другую сторону Хребта, в лесистую долину Загдана, в верховья Большой Лабы.

Вековые пихты давали приют, укрывали туров от непогоды, а под снегом и на пригревах туры находили обильную пищу.

Туры обычно проводят зиму впроголодь и сильно тощают. Но стадо Аб-аба из года в год спускалось в эту привольную тихую долину, богатую кормом, а к весне возвращалось в Абхазию, где рано зеленела трава.

Однажды весной Аб-аб вел стадо на родные луга.

Прошла зима с лишениями и непогодой, давно пронеслось бурное свадебное время, когда самцы-туры жестоко бьются из-за самок. Двух козлов, пытавшихся схватиться с Аб-абом, он забил рогами до смерти, одного скинул в бездонную пропасть, и больше никто не посмел тягаться с силачем-туром.

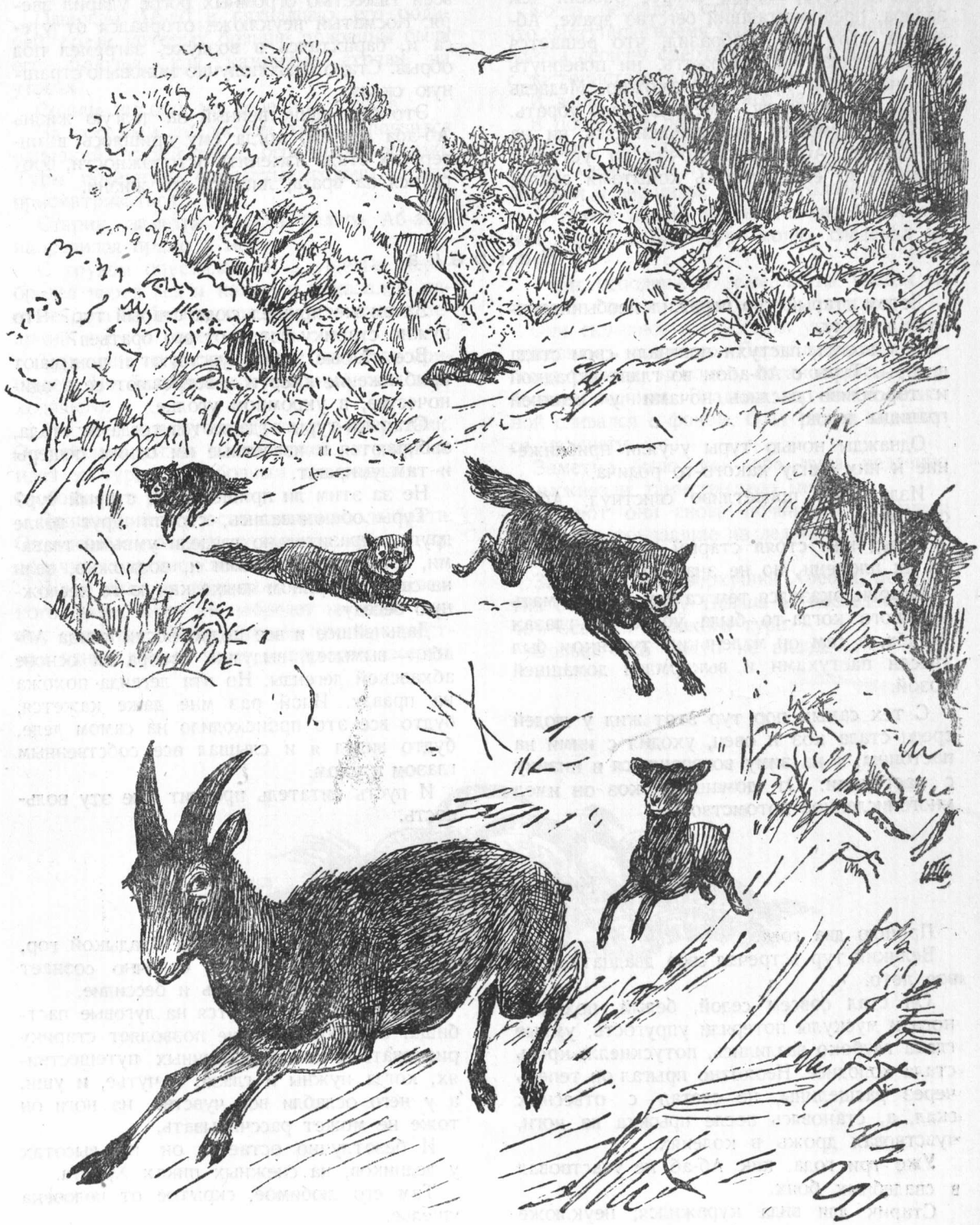
Теперь, гордый победами, окруженный козами и многочисленным потомством, Аб-аб, перейдя снежный перевал, спокойно спускался к лугам.

Оставался последний опасный, крутой спуск с полуотвесной скалы.

Аб-аб во главе стада сосредоточенно прыгал с уступа на уступ. Туры след в след скакали за ним, сильно напирая друг на друга. Вот и первая зеленая площадка. Один поворот скалы над отвесным обрывом — и они дома.

В это мгновение осторожный Аб-аб неожиданно заметил в нескольких шагах впереди, на ничтожном уступе, куда он должен был прыгнуть, прижавшегося к скале косматого медведя.

Заслышав топот нагонявших его туров, трусливый медведь растерялся, затаился на месте, понимая, что на этой дороге встреча двух зверей несет смерть одному из них. Медведь только что покинул зимнюю берлогу в скалах и тоже направлялся на луга.



... сзади по пятам гнались голодные звери.

Всегда осторожный, скорее робкий чем задира, предпочитавший бегство драке, Аб-аб на этот раз сообразил, что решается судьба стада: ни задержать, ни повернуть его на такой круче невозможно. Медведь преграждает дорогу — медведя надо убрать.

Не раздумывая, не задерживаясь ни на мгновение, Аб-аб перескочил на уступ к медведю и, едва касаясь копытами скалы, всей тяжестью огромных рогов ударил зверя. Косматый неуклюже оторвался от утеса и, барахтаясь в воздухе, загремел под обрыв. Стадо благополучно миновало страшную скалу.

Это был единственный за долгую жизнь Аб-аба случай, когда ему пришлось в интересах стада изменить осторожности, броситься на врага, лишить его жизни.

Встреча

Летом старый тур пережил необыкновенную встречу.

Как всегда, пастухи пригнали свои стада в горы. Туры с Аб-абом во главе украдкой и торопливо паслись ночами у верхней границы лугов.

Однажды ночью туры учуяли приближение к ним снизу какого-то родича.

Издали он приветливо свистнул. Аб-аб ответил.

Перед ним стоял старый бородатый тур из их племени, но не знакомый им.

Старик оказался тем самым туром, мать которого когда-то была убита на глазах Аб-аба, а сам он маленьким туренком был унесен пастухами и выкормлен домашней козой.

С тех самых пор тур этот жил у людей среди стада коз и овец, уходил с ними на пастбища, а на зиму возвращался в низину с пастухами. От домашних коз он имел многочисленное потомство.

Зачем же пришел сюда старый тур? Что нужно старику-козлу от его братьев?

Все старые звери чувствуют и понимают приближение смерти и встречают ее в одиночестве, в укромном уголке.

Старики-туры отдаляются тогда от стада, забираются в известные им одним пещеры и там умирают.

Не за этим ли пришел сюда старый тур?

Туры обнюхивались, стояли друг возле друга, выразительно глядели умными глазами, шевелили хвостами и, возможно, вели на своем зверином языке какую-то несложную беседу.

Дальнейшее и все подробности конца Аб-аба — вымысел, выдумка автора на основе абхазской легенды. Но эта легенда похожа на правду. Иной раз мне даже кажется, будто все это происходило на самом деле, будто видел я и слышал все собственным глазом и ухом.

И пусть читатель простит мне эту вольность.

Конец Аб-Аба

Прошло два года.

Великий тур встречал свое двадцать первое лето.

Он стал совсем седой, белый, похудел, ноги и мускулы потеряли упругость, умные глаза глубоко ввалились, потускнели, кровь стала холоднее. Неохотно прыгал он теперь через расщелины, не слетал с отвесных скал, а, становясь после прыжка на ноги, чувствовал дрожь в коленях.

Уже три года, как Аб-аб не участвовал в свадебных боях.

Старик для вида куражился, неуклюже дыбился, показывал, будто хочет отогнать соперников. Однако никто не боялся старика, никто не принимал его вызова. Былая слава пережита.

Он все еще считает себя Владыкой гор, «отцом» стада, но сам отлично сознает свою дряхлость, слабость и бессилие.

Аб-аб уже не спускается на луговые пастбища. Осторожность не позволяет старику рисковать в опасных ночных путешествиях, когда нужны и глаза, и чутье, и уши, а у него ослабли все чувства, на ноги он тоже не может рассчитывать.

И безотлучно остается он на высотах у ледников, на снежных пиках Хребта.

Там его любимое, скрытое от человека ущелье.

Дно поросло травой, которой кормился Аб-аб. Крошечное прозрачное озерцо отражало глубокую синеву неба и поило старого тура водой с соседнего ледника.

Однажды Аб-аб и пятнадцать его родичей, среди которых больше половины были его сыновья, как каменные стояли на утесах.

Солнце высоко, на небе ни облачка.

На соседнем скалистом хребте появился одинокий старый тур с огромными рогами. Туры повернули бородатые головы, стали присматриваться.

Старик, заметив издали белого Аб-аба, направился прямо к нему.

С трудом опустился он в ущелье, перебрался через лед и камни и показался, наконец, на зубчатом хребте, где стоял Великий тур со своей родней.

Туры еще не догадывались, кто этот пришелец. Но белоснежный старик узнал подходящего.

Это шел к нему его брат, его сверстник. Он прожил жизнь среди людей, а умирать идет к турам. Свободным он родился — свободным и умрет!

Пришедший тур остановился возле брата. Он впервые попал к подножью неба, в заоблачное царство свободных туров.

Выше скал, у ледников, на границе вечного снега, куда не забредет ни одно живое существо, безвозвратная тропа, известная одним турам, ведет к пещерам смерти.

Когда бессилие старости говорит туру, что наступило время умирать, спокойно тур идет в пещеру смерти и там, вдали от всех, с достоинством кончает свою жизнь.

И день этот для Аб-аба наступил.

В последний раз взглянул он на зеленую Абхазию, на темные леса и безбрежные степи Северного Кавказа, оглядел скалы, ледники и вершины, мотнул головой и ровным тихим шагом пошел по своей последней дороге... Брат-тур молча следовал за ним.

Туры неподвижно замерли на утесах и только глазами провожали стариков.

Они скрылись в глубоком ущелье. Опять показались на скалах. Перешли крутое снеговое поле и, наконец, остановились у отвесного ледника. Владыка гор своей белизной сливался с фоном, брат резко выделялся на снегу.

Заметно было, как оба тура медленно разыскивали таинственную пещеру.

Но вот они снова появились, вскочили на утесы, торчавшие из ледника, и застыли без движения.

Закат окрасил верхушки Хребта, позолотил белую шапку Псыша и последним лучом осветил Великого тура.

Больше его никто не видел.

Мой портрет

(Mon portrait)

Стихотворение А. С. Пушкина

Перевод с французского С. Ильина

Вы просили мой портрет,
Верный подлинной натуре.
Он готов, в нем фальши нет.
Тут я весь — в миниатюре.
Я любитель пошалить
С самых первых, младших классов,
Но не глуп — к чему таить,
Корча постные гримасы?
Нет на свете болтуна
Иль педанта из Сорбонны,
Чья природа так шумна,
Как шумна моя персона.
Рост, увы, не величав
И похвал себе не слышит,
Русый волос мой курчав,
А лицо — здоровьем дышит.
Мил мне света пестрый блеск,
Не терплю уединенья,
Презираю споров треск
И скучаю за ученьем.
Смех веселья, гром балов
Для меня всего милее,
Да еще... Довольно слов,
Помолчим: ведь я в лицее!
А теперь уж — чей портрет,
Должен каждый догадаться,
Я таким родился в свет
И таким хочу остаться.
На проказы — сущий бес,
С дерзкой миной обезьяны,
Образец для всех повес,
Вот вам Пушкин — без обмана!

Пушкин отлично владел французским языком. Он не только читал и разговаривал на этом языке не хуже настоящего француза, но мог на нем и свободно писать. Не даром товарищи звали его «французом». Несколько стихотворений он написал по-французски. С одним из них, в новом стихотворном переводе, мы вас и знакомим.

Стихотворение («Мой портрет») написано Пушкиным в 1814 г., когда он учился еще в Царскосельском лицее. В то время ему было всего 15 лет.

В стихотворении есть строчка: «Иль педанта из Сорбонны». Педантом называется придирчивый, мелочный формалист. Сорбонна—высшее учебное заведение в Париже.

Портреты Пушкина

Мы любим Пушкина не только как замечательного поэта: он дорог нам и как человек. И нам очень хочется знать, какой был Пушкин в жизни, как он выглядел. Мы с интересом всматриваемся в его портреты.

Здесь собрано восемь портретов Пушкина и два снимка со скульптур. Рисунок Серова и статуэтка Теребенева сделаны после смерти Пушкина, остальные портреты и скульптура Витали сделаны при жизни. На всех портретах Пушкин выглядит по-разному. Почему это? Прежде всего потому, что эти портреты писались в разное время. С тех пор как Кипренский и Тропинин писали портреты Пушкина, до работы скульптора Витали прошло одиннадцать лет. Пушкин за это время пережил очень много. Особенно тяжелым был 1836 год, когда Пушкина травили и царь и так называемый высший свет.

Кроме того у Пушкина было очень подвижное, живое лицо. Выражение его совершенно менялось в зависимости от настроения. И один художник видел его таким, а другому он позировал уже с иным выражением лица.

Но во всех портретах Пушкина видны глубокий ум и смелость мысли. Даже если не знать, чей это портрет, то это вдохновенное лицо привлекает внимание каждого.

Вот вы знакомы если не со всеми, то со многими произведениями Пушкина, знаете его жизнь,—каким вы представляете себе его? Как вам кажется, какой портрет лучше всего рисует Пушкина, которого вы любите? Может быть, кто-нибудь из вас тоже сделает по-своему портрет Пушкина.

«Себя, как в зеркале, я вижу,
Но это зеркало мне льстит»,—

написал Пушкин Кипренскому, художнику, нарисовавшему этот портрет. Современники Пушкина считали, что Пушкин на этом портрете хоть и похож, но прикрашен.

Портрет этот написан Кипренским с натуры в 1827 году.

Когда появился портрет, написанный Кипренским, друзьям Пушкина захотелось его размножить. Они заказали знаменитому граверу Уткину выгравировать этот портрет. Уткин хорошо знал Пушкина и верно схватил в гравюре черты его лица. Ближайший друг Пушкина Иван Иванович Пущин в своих «Записях» говорит, что гравюра Уткина—самый верный портрет поэта.

Этот портрет написал в том же, 1827 году другой замечательный русский художник—Тропинин. Пушкин приходил позировать Тропинину в его мастерскую в Москве, на Ленивке.

Работая над портретом Пушкина, Тропинин сделал два эскиза. Вот один из них. Он отличается от портрета. По рисунку видно, как Тропинин добивался того, чтобы как можно вернее передать пушкинские черты.

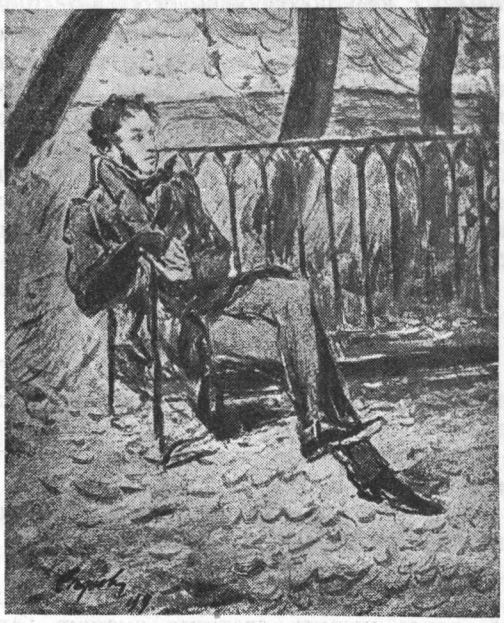
Портрет работы французского художника Жака Вивьен. Сделан с натуры.

Пушкин на Невском проспекте, в Петербурге. Эта зарисовка из альбома Челищева. Она сделана после возвращения Пушкина с Кавказа, вероятно в 1829 году.

В тридцатых годах в России жил итальянский скульптор Витали. Он сделал бюст Пушкина по заказу его друзей.

Скульптор Иван Теребенев сделал эту статуэтку уже после смерти Пушкина в 1837 году. Но ее можно считать подлинным изображением Пушкина, потому что Теребенев лично знал Пушкина.

Акварельный портрет работы художника Соколова. Портрет этот напоминает портрет Кипренского. Возможно, что Соколов сделал свой рисунок по этому портрету. Но мы все же помещаем портрет Соколова: ведь все-таки он сделан при жизни Пушкина и притом художником, который его лично знал.



Пушкин в селе Михайловском.

Этот рисунок сделал художник Серов в 1899 году, к столетию со дня рождения Пушкина. Серов изучил все портреты Пушкина, сделанные при его жизни, и нарисовал его таким, каким он его себе представлял. Это—одно из лучших изображений Пушкина.

Дед-Бородоед

Рис. А. Каневского

Мих. Лоскутов

Дед Анисим Григорьевич, по прозванию Бородоед,—фантазер и выдумщик из колхоза «Трудовые дни», Белогрудского сельсовета, Маляевского района. Мы даем еще несколько рассказов из его беспокойной и непоседливой жизни. Деревня уже уснула: друг Федя видит восьмой сон, счетовод Флор Саввич не щелкает счетами, куры давно уселись на насест, а дед еще бродит по дорогам: он идет с поля в деревню...

Воздушная собака

Поговорить дед большой любитель. Да только с кем поговоришь особенно? Фома Егорыч—не разговорщик. С ним слова не свяжешь. Приходит он сторожить поле, на смену Бородоеду, поздно к ночи. Он садится и зевает. Зевает и молчит. Нет, не разговорщик Фома Егорыч.

Дед машет рукой и идет в деревню. Уже темно, — и ни души на улице не видать. Последние огни в окнах гаснут. По улице идет какая-то заблудшая коза.

— Ме... — говорит она.

— Вот тебе и ме,—произносит дед.

Он останавливается напротив козы.

— Вот тебе и ме... — говорит он. — Ты кто такая? Коза? Ну и что же ты думаешь?..

Но коза ничего не думает. Коза удаляется в сторону и исчезает в воротах.

— Ну то-то! — кричит, однако, ей дед вдогонку. — Знаешь, с кем говоришь... с колхозным сторожем.

Дед сворачивает в проулочек. В конце его, возле церкви, светится окошко. Это поповский дом.

Дед некоторое время смотрит на освещенное окошко и, постояв в раздумье, шагает дальше. Потом останавливается и опять смотрит назад. Наконец, он возвращается, заходит в сени и толкает дверь.

Поп Серафим сидит, щелкает счетами и разговаривает с попадьей. В темных углах сидят древние старушки и о чем-то шепчутся. Сам отец Серафим тощ и глух, как тетерев. Он строго косится на Анисима Бородоеда.

— Гражданину попу, во имя отца и сына и святого духа,—говорит дед и садится тихо в сторонке.

— Ну, пришел чудодей заморский. Как, все еще в колхозниках?—спрашивает поп.

— Да, отец Серафим, еще не вышел,— скромно отвечает дед и вздыхает.

Попадья сердито смотрит на деда и возвращается к своим делам.

— Ну, а ты как?—спрашивает, наконец, дед священника.

— Чего как?

— Все еще попом? Али как?

Поп опять отрывается от счетов и глядит на деда.

— А кем же мне быть, окаянный?!

— Нет, я ничего, — смиренно отвечает дед Бородоед. — Мало ли. Я думал, может, вышел. — Дед вынимает махорку.

— Поп теперь, известно, должность неинтересная, — говорит он, сворачивая папироску.—Может, решил чем еще заняться.

— Чем же я должен заниматься, духовное лицо?! На балалайке что ли играть?! — кричит отец Серафим.

Дед подходит к лампе и прикуривает.

— Нет, почему же на балалайке, — говорит он. — Есть другие подходящие профессии: вот вагонным кондуктором, например. Или учителем гимнастики...

Дед садится на место.

— Есть такая хорошая должность еще— в бане контролером, — говорит он. — Вот красота, право, — работы не ахти много, а баня — всегда под боком.

— Может, мне еще волосы остричь, да в колхоз к вам, в трактористы пойти, а?!

— А чего ж не в трактористы. Ты и в самом деле, плюнул бы на все это. Что ж бог, бог. Тебе что с ним — кашу варить? Или стал бы ты в хоровом кружке петь. У нас кружок будут составлять... Да, должно быть, кстати, придется церкву под кружок занять. Больно тесно стало...

Поп свирепеет и плюется. Дед умолкает и задумывается.

— Хотя тебя, пожалуй, не примут в кружок, отец Серафим. Ты еще в кружке напакостишь чего-нибудь. Человек ты хороший, но все же вражеского классу...

— Не слушай его, отец, — машет рукой попадья.

Они с попом отворачиваются и начинают стучать счетами.

— Я пришел, — говорит дед, — узнать одну вещь непонятную. Стали мне сны сниться...

— Какие же сны? — косится поп.

— Да всякие... Вот сижу я на высоком столбе. А вокруг меня предметы летают. Да предметы все несуразные: рояль например. Кочан капусты. Газета «Известия ЦИК». А рояль человеческим голосом говорит. «Что же, — я говорю, — рояль, тебе от меня нужно?» А она: «Я, — говорит, — тебя хочу вовлечь в общество «Друг детей»...»

— Дураку и сны дурацкие снятся, — говорит попадья. — Нет, чтобы душевного чего-нибудь приснилось.

— А то еще ты, матушка, снишься. Рожа у тебя петушиная, и все ты клюнуть меня норовишь...

— Рояль—это к хорошим приметам,— перебивает одна старушка.— Это — приятное видение.

— Да ты скажи: в самом деле, сны, аль придумал? — говорит поп.

— Право, батюшка, не знаю. Я и сам теперь не разберусь: то ли на самом деле, то ли выдумал?..

Попадья плюется. Дед не спеша подымается и уходит.

Идти больше некуда, как домой. В темноте дед разыскивает свою хату и с шумом входит в сени.

Нащупав дверь, он чиркает спичку. Перед ним на полатях спит старуха. Он внимательно рассматривает ее широко раскрытый рот и зажигает еще одну спичку. Но старуха поворачивается к нему спиной и продолжает спать.

Тогда дед снимает сапоги и ложится. Однако всякие необыкновенные мысли лезут ему в голову. Он кряхтит, ворочается, снова зажигает спичку и ложится.

— Др...р, але... — говорит он вдруг в темноту.

— Ты что? — просыпается старуха.

Дед приподымается.

— Нет, ничего, — говорит он. — Ты не спишь? Телефон, слышь, будут нам ставить. Вот оказия...

— Да спи ты, старый балабола! — кричит старуха и снова поворачивается на другой бок. — Тебе-то что,— ворчит она, уже засыпая. — Твое дело с палкой трех-трех...

«Вот баба какая обыкновенная,— думает старик. — Телефон ее не трогает. Видно, удивительней чего надо».

— А еще, слышь, ероплан к нам привозят, — говорит он. — Сторожить поля в скором будущем с его будем.

— С ероплана? — говорит старуха.

Она недоверчиво приподымается на локте.

— Известное дело. Не пешком же ходить, — говорит дед.

— А собака?

— Что ж. И собака на ероплане. Обыкновенная вещь. Оно даже громчее, сверхуто: гав, гав... Граммофон, мол, как есть, не спит. Колхозный пес, воздушная собака.

Воздушная собака ему очень понравилась. Он даже встает и кряхтит от удовольствия. Он уже думает, что в самом деле «ероплан» скоро пришлют... Но старуха уже спит. Тогда дед тоже ложится. Засыпая, он видит во сне воздушную собаку: Граммофон летит по воздуху, с крыльями и хвостом машет.

«Надо будет Феде Копейкину обязательно рассказать, — думает дед, опять просыпаясь. — Вот дела-то, чудеса...»

Странник

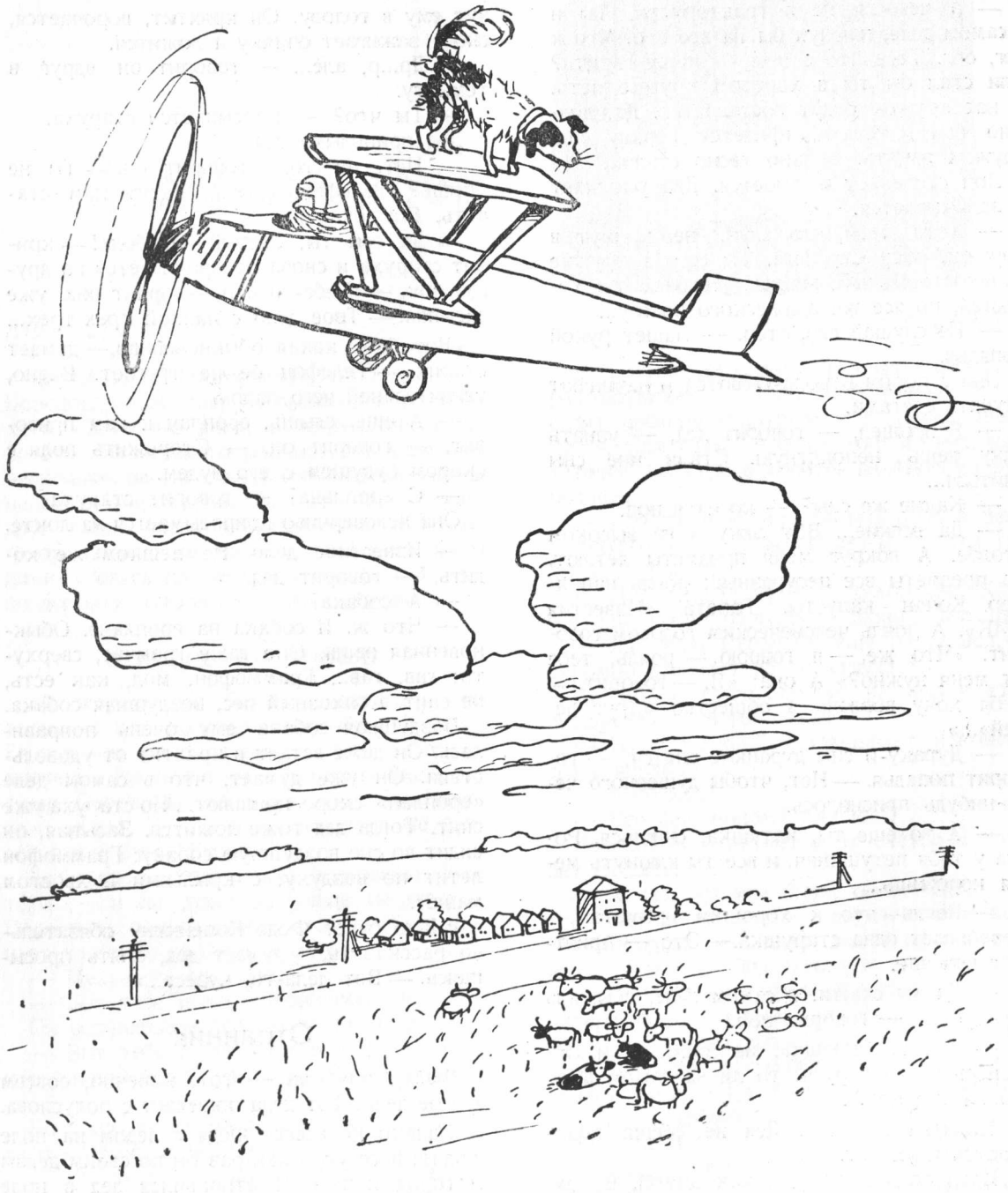
Федя Копейкин — тот, конечно, совсем другое дело. Тот деда понимает с полуслова.

Однако не всегда Федя с дедом на поле ходит; в то утро как раз он по своим делам в город пошел. И отправился дед в поле с одной собакой Граммофоном.

Ходит он по межам и поверх колосьев щурится. «До чего ничего кругом особенного, — думает он. — Хоть бы ворюга какой али просто прохожий. О жизни спросить». Сторожевое дело известно какое — обошел кругом, посидел, снова обошел.

Сел он под кленом, свернул папироску. Села и собака.

— Заседание продолжается, — сказал



«...И собака на ероплане. Обыкновенная вещь. Оно даже громчее, сверху-то: гав, гав...»

дед и закрыл глаза. — Вопросы не имеются?

Он открыл глаза; собака лежала, высунувши язык, и молчала. Стояла рожь, гречиха. Было жарко.

«Вот сейчас открыть глаза, а там...» Он опять закрыл глаза. «Что там? — спросил он.—Ну мало что. Ну, допустим, слон идет. Или дом о трех этажах стоит».

Он открыл глаза. Слона не было. Но было все-таки странное явление: шел какой-то человек по-за гречихой и как-то особенно пригибался и снова выпрямлялся.

— Кгм, — крякнул дед. — Словно грибы собирает.

Он встал и пошел навстречу.

По тропинке шел удивительный человек в соломенной шляпе, босиком и с большим мешком за плечами. Он время от времени останавливался, подпрыгивал на одной ноге, дрыгал головой, говорил что-то и шагал дальше.

Такое явление не могло, конечно, не заинтересовать Анисима Григорьича: он сперва посмотрел на человека с одной стороны, потом заглянул с другой — ясно, невероятный человек. Человек же посмотрел на деда страшными глазами, дрыгнул опять длинной волосней и зашагал мимо. Но тут дед, разумеется, не мог отстать при таких обстоятельствах.

— Ты скажи прямо, — наконец молвил он прохожему. — Может, занемог? Или недоволен чем в жизни?

Человек остановился.

— На земле занемог, а на небе бог. Долог человек, да короток век, — сказал он, подпрыгнул опять и пошел дальше.

— Ах ты!—крикнул дед.—Вот чудо-юдо, сушеные уши!

Он даже хватил шапкой о землю от восторга.

— Уши — не уши, — гаркнул человек,— а горят человечьи души! Р-р-р, гав, гав!..

И при этом он так подпрыгнул, что дед даже шарахнулся. Пес тоже отскочил и гавкнул.

— Да ты подожди хоть сигать-то! Собаку пугаешь, — сказал дед.

Он схватил прохожего за рукав.

— Расскажи делом. Кто ты таков? Может, артист? Или об'елся чего?

— Я небесный гость, по имени Черный Голован, иду из далеких стран. Свят, свят, свят господь бог наш...

Осмотрел его дед и вдруг обратил внимание на мешок.

— А это у тебя что? Никак гречиха? Ну-ка, подожди, где это ты надергал, дорогой человек, давай проконтролируем.

Человек дрыгнул ногой и пошел было дальше.

— Нет, постой, небесный гость. Гречиху-то обсмотрим. Трясись не трясись.

Он взял прохожего крепче за рукав. Человек перестал подпрыгивать.

— Я иду из святой земли, из города Иерусалима, божий человек.

— Вон как? — ахнул дед. — Неужто из самого из Иерусалима?

— Из самого. Странник я.

Дед снял шапку и перекрестился.

— Ну-к странный человек. Ты бы прямо и сказал. Садись-кось. Закурить хочешь?.. Граммофон, на место!

Странник сбросил мешок и сел рядом с дедом. Они свернули по папироске и затянулись. Дед молча докурил папироску до конца и сплюнул.

— Ну, давай, — сказал он.

— Чего?

— Давай. Рассказывай.

— Чего ж рассказывать-то?

— Всего. О жизни. И опять же побольше. Божественного тоже... Я божественное с детства страсть как люблю слушать. Ну чего молчишь? Как из себя городишко Иерусалим? Трамвай, небось, тоже ходит?

— Нет, трамвая нету, не видал.

— А телефон, небось, существует? У нас, вот, знаешь, тоже телефон проводят. Страсть...

Так они посидели некоторое время, странник рассказывал, дед ахал. Дед дал страннику махорки. Они еще посидели, покурили. Странник встал и пожал старику руку.

— Ну, я пойду, хороший человек, — сказал он, — мне сюда надо.

— Как пойдешь, — удивился дед, — что ты, голова! Я тебя в сельсовет обязан представить. Потом ты мне еще должен про божественное рассказать. Как же я тебя могу отпустить?.. А мешок ты мне дай...

Человек начал было дергаться опять, но дед только рукой махнул.

Только он махнул рукой, глядь: в гречихе лошадь стреноженная топчется. Поставил он мешок на землю. Побежал за лошадью, оглянулся: странник в сторону подался. Он вернулся и поймал странника.

— Ах ты незадача! — сказал он, почесав в затылке. — Личность ты больно уважаемая, что с тобой делать? Ну, вот что: айда вместе лошадь ловить. Ну, ну давай, а то вот Граммофон сидит, собака ученая.

Граммофон поднялся и зарычал. Подоткнул странник полы рясы, и пошли они за лошадью. Гоняли ее, гоняли, наконец, выгнали на дорогу. Взял дед хворостину, погнал коня перед собой.

— Ну, рассказывай, — сказал он страннику. — Да ты не больно спеши. Я побольше хочу послушать.

Но тут такое получилось: как только лошадь в одну сторону начнет с дороги прыгать, странник в другую подается. Что будешь делать?

Так они и вошли в деревню, этакой процессией.

Дед остановился подумать.

— Вот что, — сказал, наконец, он. — Тут вот какое изобретение: полезай на коня. Ну, ну, полезай! Ничего такого нет. Тебе больше даже почета верхом ехать. Иисус тоже верхом ездил.

Посмотрел странник на Граммофона и взобрался верхом на коня.

— Рассказывай! — крикнул дед и погнал лошадь шажком.

Однако лошадь была стреножена и потому не шла, как обыкновенно, а прыгала, словно блоха. Это страннику не понравилось.

— Давай, — сказал дед. — Чего там!

— Было такое знамение недавно, — начал странник, ерзая на лошади, — в лесу, на ракитовом пне, обнаружилась икона чудотворца Мирликийского. Слышь?

— Икона? Господи, благослови, что же это такое может значить? — сильно заинтересовался дед, придерживая лошадь.

— Да-с, икона. Вот подходят к ней, а она и говорит... Да ты стой, не шибко гони, окаянный!

— Эт-то икона так говорит? Чего ж это она так?! — изумился дед и даже остановился на месте.

— Не икона. Я тебе говорю: не гони, дьявол старый! Печонки отобью. Пожалел бы божьего человека: лошадь-то стреножена.

Но тут конь, как нарочно, вдруг пошел подпрыгивать, да подпрыгивать, так что дед даже изумился, как странник не свалится. А тот ухватился за гриву обеими руками, давай кричать.

— Ну, ничего, подожди,—сказал дед,— конь сейчас успокоится. Ты его ногами в бока не подпирай, он от этого фантазирует.

Так они проехали некоторое время. Только странник начнет рассказывать — конь давай прыгать — ничего не получается.

— Конь-то колхозный, — сказал дед. — Не нравятся ему твои рассказы. Это я такой мужик, старой закалки.

Они опять остановились.

— Вот что, — сказал дед, подумав, страннику. — Ты не обижайся на меня, но я тебя привяжу таким особенным манером. Ты не обращай никакого внимания. Знай рассказывай...

Перевязал он ноги странника под лошадиным брюхом и притянул потуже. Пошли. Спереди Граммофон, потом лошадь со странником, сзади всех—дед с мешком и хворостиной.

— Вот знатная процессия! — восхитился дед. — Прямо египетская церемония. Ну, валяй. Что икона-то сказала?

— ...А сказала она, что скоро придет день страшный и с неба каменный град посыпется. И побьет этот град всех колхозников, от мала до велика... Вот.

Дед опять придержал лошадь, подумал.

— Слушай, — спросил он, замедлив ход, — ну, а который сторож если в колхозе, того тоже побьет?..

— Тоже, без разбору.

— Фу-ты, вот пакость, — почесал в бороде дед. — Слушай, а это тоже икона сказала, или ты сам врешь?

— Мне врать нечего, я посланец божий...

Дед еще попридержал коня, и они некоторое время шли молча.

— Ну, а неужто так сразу всех до смерти, камнями? — спросил дед. — Небось, которых поколотит просто немного. Ну, по затылку, там, огреет раза два и отпустит, а?

— Сразу! Сразу! — закричал тут странник необыкновенным голосом. — А потом в пещь огненную бросит! И пойдет по земле глад, мор и плач человеческий и такое пойдет...

Тут странник схватился за голову и стал рассказывать такие вещи, что заплакал. Действительно, и дед до того расчувствовался, что, шмыгнув два раза носом, вдруг махнул рукой и тоже заплакал.

Странник заголосил сильнее, дед пустил коня еще медленнее.

— Ну давай, давай, рассказывай, — сказал он только.

Так они шли, а когда стали подходить к деревне, то и совсем почти остановились.

— Ну, отвяжи, — сказал здесь странник. Зачем тебе странного человека под статью подводить?

— Что ты? Милый человек? — удивился дед. — Град градом, а за колхозную гречиху у нас сельсовет существует. Что же касаемо рассказов, — большое спасибо: давно столько не слушал всласть...

И погнал дальше. Так они и вошли в деревню, этакой процессией: странник на лошади плакал, дед за ним, с мешком, тоже носом шмыгал, только одна лошадь не плакала, да и то потому, что она не слышала, чего дед слышал. Известно, лошадь — существо не шибко понятливое.

ОЛЕНЬИ БЕГА

Зимой по занесенной тундре оленьи нарты — самый быстрый, а иногда и единственный вид транспорта. Хороший, быстроногий олень — гордость воспитавшего его колхозника. Поэтому оленьи бега — это целый спортивный праздник. Со всей тундры, из самых далеких селений, собираются на бега участники и зрители.

На снимке: старт оленьих бегов в Архангельске.

Л Е Д

Проф. Н. Н. Зубов

Оружие полярника

Арктика — замечательная страна. Там что ни шаг — приключения.

Но арктические исследователи — странные люди. Они очень любят слушать и читать о чужих приключениях, а сами, когда собираются в Арктику, стараются сделать так, чтобы их собственное путешествие обошлось без приключений.

Поэтому и я, когда мне в 1932 году пришлось готовиться к маленькой арктической экспедиции, больше всего думал о том, как бы обойтись без приключений.

Арктика начинается на Севере там, где зимой и летом, на суше и на море встречаются снег и льды. А где льды, там сжатия, туманы, дрейфы, обледенения, холод, голод, цынга... тут начинается борьба со льдами и в этой борьбе редко удается обойтись без приключений.

Единственное верное оружие полярного исследователя — это знания.

Когда мы узнаем о льдах все, — Арктика будет окончательно покорена и арктические приключения останутся только в описаниях былых походов.

Но пока что мы знаем о льдах еще мало и поэтому часто приходится терпеть поражения и отступать.

Самый сильный в мире ледокол, «Ермак», в 1899 году пошел к северному полюсу напролом. На широте 81 градуса 27 минут «Ермак» встретил такие тяжелые льды, что погнулись шпангоуты — толстые стальные ребра корабля, промялись борта, и ледокол пошел в Англию на ремонт.

И не мудрено: перед «Ермаком» лежали огромные, на десятки, а может быть, и на сотни километром, поля толстого, 3—4-метрового льда, твердого, как кирпич.

Ни проломать, ни сдвинуть с места эту кирпичную стену ледокол не смог. Ведь «Ермак» весит всего 10 тысяч тонн, а каждый квадратный километр трехметрового льда весит около 3 миллионов тонн.

Но из этого вовсе не следует, что ледокол обязательно должен отступить перед всякими ледяными полями. Наоборот, бывает, что даже деревянное судно смело пробивается сквозь ледяные поля, и льды только немного задерживают его ход, не причиняя никакого вреда.

Все дело, оказывается, в температуре. При температуре в 0 градусов лед становится мягким, как снег, его можно сжать рукой, он рассыпается, как мокрый сахар, превращается в ледяную кашу, и плавание в такой каше совершенно безопасно. Но как только температура падает, лед становится крепче. При температуре — 10 градусов лед уже как кирпич. Становится еще холоднее — лед делается еще крепче. Когда в сильные холода вода в бухте покрывается прозрачной звенящей корочкой льда, бывают случаи, что этот лед, тонкий как стекло, прорезает борта деревянных судов. Значит, чтобы уверенно плавать во льдах, необходимо учитывать температуру льда и окружающей воды. Но этого мало. Нужно знать и другие свойства льда: законы его образования, движения, таяния. Нужно внимательно изучить условия ледовых плаваний, еще важнее научиться по отдельным признакам угадывать характер и качество окружающих льдов и предсказывать заранее, где, когда и какие льды должны появиться, и как они будут себя вести при различных условиях. Это важно и для командиров ледоколов и для капитанов обычных пароходов, а особенно это важно для исследователей, которые собираются проникнуть в глубь Арктики, да еще вот так, как собирались мы в 1932 году.

Рискованная экспедиция

Корабль, на котором я в качестве начальника экспедиции готовился к арктическому походу, — не ледокол и даже не пароход — это крошечный, деревянный парусно-моторный бот «Книпович» чуть-чуть побольше московского речного трамвая. Длина — 25 метров, водоизмещение — 100 тонн, мотор — 125 лошадиных сил, эки-

паж — 16 человек, запас топлива — на 30 суток и продовольствия — на 40.

И вот на таком судне мы решили обогнуть с севера Землю Франца-Иосифа.

До нас этим путем прошли только два судна — «Фрам» Нансена и «Св. Анна» экспедиции Брусилова. Оба продрейфовали с востока на запад с тяжелыми льдами, причем «Фрам» благополучно выбрался из дрейфа, а «Св. Анна» так и погибла во льдах.

Но нас это не пугало. Мы были совершенно уверены, что выполним свою задачу. Однако, на всякий случай, мы были готовы и к отступлению, поэтому держали в секрете наши настоящие планы. Сказали просто, что идем для океанографических работ и вернемся сразу, как только встретим тяжелые льды. При этом мы никого не обманывали. Именно так мы и собирались сделать. Но в том-то и заключался секрет экспедиции, что, по моим расчетам, осенью 1932 года в районе Земли Франца-Иосифа и севернее ее не могло быть тяжелых льдов. А раз не будет тяжелых льдов — не будет и тяжелых приключений.

Подготовку к этой экспедиции я начал много лет назад. Год за годом внимательно и терпеливо я изучаю льды, течения и ветры, собираю все сведения о льдах, которые удается достать полярным исследователям, сравниваю их и учусь делать предсказания, а при случае проверяю эти предсказания на практике.

Арктические льды — пловучие льды. Почти всюду под ними океан, глубина которого местами доходит до 5 километров, а раз это так, значит, арктические льды никогда не бывают неподвижными. Ветры и течения все время немного перегоняют их с места на место. Льдины то налетают друг на друга, то расходятся в стороны, открывая широкие разводья. Ледяные поля то увеличиваются, смерзаясь из отдельных льдин, то уменьшаются, раскалываясь на куски. Эти куски отрываются, уплывают в открытое море и там быстро тают. Иногда льды под напором ветра наступают на сушу, громоздятся высокими барьерами вдоль берегов, иногда, наоборот, от берегов отрываются огромные ледяные поля. В холодные, тяжелые для полярных мореплавателей годы границы льдов спускаются далеко к югу, а в благоприятные годы, наоборот, теплые морские течения пробиваются далеко к северу, разрушают льды, и тогда в Арктике освобождаются огромные пространства чистой воды.

Как раз в 1932 году так и случилось. Гольфстрим принес в Арктику много теплой воды. Подсчитав количество этой воды, ее температуру, мы заранее знали, что к осени льдов в Баренцевом море будет мало, кромка отступит и можно будет забраться далеко на север даже на маленьком судне.

Оставалось только проверить эти расчеты, и 18 августа 1932 года мы на «Книповиче» вышли из Мурманска.

Навстречу льдам

Баренцово море встретило нас штормом. А шторм, да особенно на таком суденышке, как «Книпович», — не большое удовольствие: ходить и стоять трудно, сидеть неудобно, даже полежать спокойно и то нельзя: все время перекатывает по койке с боку на бок. Мне пришлось много поплавать, но за все время я встретил только одного человека, который говорил, что любит качку, да и тот врал. У нас на «Книповиче» любителей качки не нашлось, заниматься исследованиями в шторм почти невозможно, поэтому мы спрятались под берег у полуострова Рыбачьего и простояли там до 20 августа.

Наконец, шторм немного стих. Мы опять вышли в море, пошли полным ходом на север и 27 августа по левому борту увидели кромку тяжелого льда.

Многие думают, что кромка — это плотный ледяной барьер, резкая линия, по одну сторону которой лежит чистая вода, а по другую — лед. Далеко не всегда так бывает. Обычно еще за несколько километров от ледяных полей появляются отдельные льдины. Чем ближе к сплошному льду, тем гуще они становятся, но как бы ветер ни сжал и ни спрессовал лед, в кромке всегда есть ледяные острова, мысы, есть бухты, заливы и проливы, в которые может войти любое судно.

И какой бы шторм ни бушевал над океаном, в пловучих льдах всегда тихо, как в хорошо защищенной гавани. Лед всегда убивает зыбь. Не даром, чтобы не расплескать воду из ведер, зимой в них кладут ледышки, а летом — деревянные кружки. А нам как раз нужно было избавиться от качки. Дул шторм, «Книпович» болтало, и на чистой воде мы никак не могли перелить нефть из бочек в цистерны.

И хотя мы обещали вернуться, если встретим тяжелые льды, мы сделали как раз наоборот: повернули на запад, навстречу льду и вошли в кромку.

Географические ошибки

Стоять в кромке было спокойно, но мы торопились и, поскорее распрощавшись со льдами, пошли на восток, к Земле Виктории. Тут мы обнаружили, что Земля Виктории — сплошная географическая ошибка: во-первых, она оказалась не там, где ей полагается быть, во-вторых, она оказалась гораздо меньше, чем показано на карте, а, в-третьих (об этом мы знали и раньше), Земля Виктории — самый западный из советских арктических островов, но ни разу еще над этим островом не развевался советский флаг.

Мы решили задержаться немного, чтобы исправить географию. Обошли остров кругом, сделали промеры и внесли поправки в карту. Этот остров, как черепаха, покрыт сплошным ледяным щитом. Таких островов-черепах много в Арктике, но эта черепаха—хвостатая: на северной стороне острова Виктории из-под ледяного щита торчит земляной мысок. Мы высадились на него, подняли советский флаг и со спокойной совестью пошли дальше.

30 августа без приключений мы подошли к Земле Франца-Иосифа с запада, повернули и пошли прямо на север.

Льдов не было. Только отдельные айсберги попадались нам навстречу, а айсберг — не всегда страшный сосед. Конечно, если налететь на него с полного хода, — не поздоровится никакому кораблю. Но если смотреть внимательно по сторонам, не подходить к айсбергу слишком близко и не тревожить его, он не может причинить никакого вреда. Наоборот, айсберги иногда приносят морякам большую пользу. Каждый айсберг — это прекрасный лоцман. Ведь лед очень глубоко сидит в воде, только одна седьмая часть ледяной горы поднимается над поверхностью моря, а, значит, там, где айсберги плывут по воде, может спокойно плыть и любой корабль: ему нечего бояться мели. Если же айсберг стоит неподвижно (такие айсберги называются стамухами), — значит, тут начинается мель. По расположению и по высоте стамух, как по вехам, моряки судят о величине и о форме мели и строят свои расчеты.

Но стамухи служат не только вехами. Они оказывают полярным мореплавателям еще одну, очень важную услугу. Даже самые тяжелые ледяные поля, налетая на стамухи, раскалываются, дробятся, теряют свою страшную силу, а, значит, там, где стоят стамухи, можно укрыться под их защитой от ледяных сжатий. Поэтому айсберги нас не пугали. Мы шли все дальше на север, но только 31 августа, за 82-й параллелью, мы, наконец, встретили кромку и на этот раз выполнили свое обещание — ушли от нее на восток.

В полночь 2 сентября мы обогнули мыс Флигели, самую северную точку Советского союза, свернули на юго-восток и пошли к Белой земле.

Белая земля не даром носит свое имя. Это действительно белая земля—сплошной ледник, спускающийся со всех сторон прямо в море. Мы прошли вплотную мимо островов Белой земли и нигде не увидели ни кусочка обыкновенной, черной земли.

По пути нам еще раз пришлось немножко исправить географию. Нансен, открывший в 1895 году Белую землю, пометил на карте два острова: Евы и Лив, которые он назвал в честь своей жены и дочери. Оказалось, что это один остров. Мы назвали этот остров Евалив и пошли дальше.

Удивительный материал

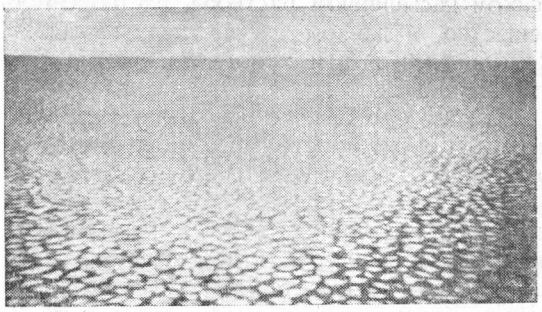
Недалеко от Белой земли нам стали встречаться маленькие льдинки, и, странное дело, чем дальше мы шли на юг, тем гуще становились льды.

Нам уже приходилось то и дело изменять курсы, выбирать дорогу, а то и вовсе с разгону перебивать ледяные перемычки. «Книпович» делал это неплохо, корма у него сидит глубоко, нос мелко, поэтому он как настоящий ледокол с разгону влезает на льдины и давит их своей тяжестью. Правда, тяжесть эта невелика, но и льды, преграждавшие нам путь, были не слишком крепкими. Здесь, у Белой земли, еще сказывалось влияние теплых течений, а мы ведь знаем уже, что теплый лед всегда податливей холодного.

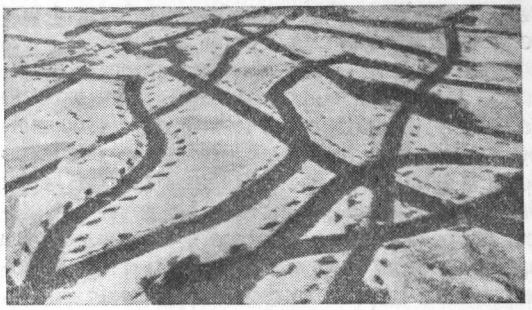
Это — замечательное свойство, но не единственное замечательное свойство льда. Лед вообще замечательный материал. Мы все его видели, привыкли к нему, но постоянно забываем самое удивительное свойство льда — то, что он плавает.

Лед — это вода, от холода превратившаяся в твердое тело.

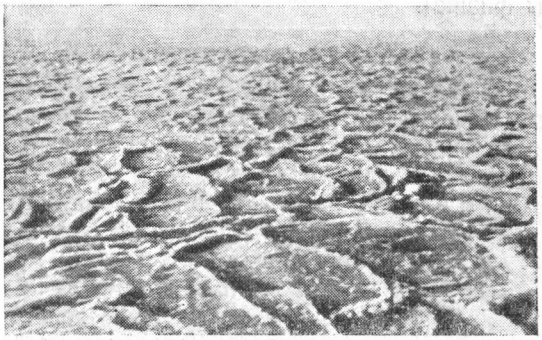
Но мы прекрасно знаем, что все тела при нагревании расширяются, а при охлаждении сжимаются. Это закон, обязательный для



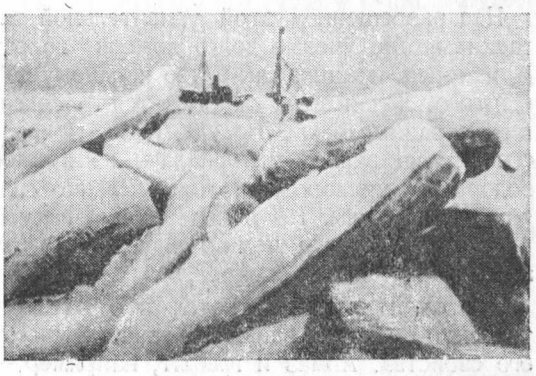
В холодную тихую погоду при слабом волнении на поверхности моря появляется блинчатый лед.



Это следы, оставленные тюленями на ровном льду, запорошенном снегом.



При ветре блинчатый лед смерзается в ледяные поля, украшенные причудливыми узорами.



От действия ветра и течений льдины ломаются, нагромождаются друг на друга и, смерзаясь, превращаются в торосы и ропаки.

В бухтах, защищенных от ветров и зыби, лед замерзает ровно, как на озере.

Летом к кромке торосистых льдов подходят промысловые суда. Охотники выходят на лед и бьют тюленей.

твердых, жидких и газообразных тел, а вот вода не подчиняется этому закону.

Во всех учебниках физики просто написано, что вода — исключение. Но трудно даже представить себе, какое огромное значение имеет это исключительное свойство воды для всего живого на земле. Ведь если бы вода вела себя как всякое другое вещество, тогда бы лед не плавал, а тонул. Тогда промерзли бы все реки, пруды и озера, промерзли бы моря и океаны, и никакая жизнь в них не могла бы развиваться. А значит, не было бы жизни и на земле, потому что и наши предки, и предки всех животных, и предки всех растений зародились когда-то в океане.

Загадка льда

Над разрешением этой удивительной загадки многие ученые долго ломали голову и, наконец, пришли как-будто к одному об'яснению. Лед и вода, оказывается, — совершенно разные вещи. Правда, и лед и вода состоят из одного материала — из атомов водорода и кислорода, которые крепко спаяны в молекулы. Но в воде эти молекулы расположены иначе чем во льду. Вот в этом и заключается весь секрет.

Химики прекрасно знают, что от внутреннего строения вещества зависят многие его свойства. Алмаз и графит, например,— один и тот же чистый углерод, но молекулы алмаза и графита расположены по-разному, и в результате графит и алмаз совершенно не похожи друг на друга: у алмаза одни свойства, у графита — другие. Точно так же отличаются по своим свойствам лед и вода. Одно из этих свойств — удельный вес. У воды он больше, у льда меньше, и в этой разнице как раз и кроется загадка незаконного поведения воды. Оказывается, вода на самом деле не вода, а раствор льда. Ледяные молекулы растворены в воде точно так же, как, например, растворяются в ней молекулы соли. Правда, при нагревании лед превращается в воду, при охлаждении вода превращается в лед, но до тех пор, пока это превращение не произошло, вода остается водой, лед остается льдом и каждое из этих веществ сохраняет свои свойства.

Подсчитано совершенно точно, что в кипящей воде 16 процентов ледяных молекул. При охлаждении процент их увеличивается. В воде, температура которой 0 градусов, — уже 37 процентов ледяных молекул — это насыщенный раствор льда в воде, и, как во всяком насыщенном растворе, растворенное вещество, в данном случае лед, выпадает кристаллами и эти кристаллы быстро растут.

Если все это так, то поведение воды об'ясняется очень просто. Вода охлаждается и, охлаждаясь, ведет себя совершенно законно—сжимается. Но ведь охлаждаем-то мы не воду, а ледяной раствор и в этом растворе одновременно со сжатием воды все больше и больше появляется легких ледяных молекул. Когда температура доходит до 4 градусов, ледяных молекул становится столько, что удельный вес раствора начинает уменьшаться. При 0 градусов раствор насыщается, выпадают кристаллы льда, потом вся вода превращается в лед, и лед при дальнейшем охлаждении ведет себя совершенно нормально и соблюдает все законы физики.

Ледяной термометр

Все это очень сложно, но на самом деле при образовании морского льда дело происходит еще сложнее. Ведь морская вода соленая, а у соленой воды есть свои свойства. Соленая вода не замерзает при 0 градусов, и чем гуще раствор соли, тем ниже температура замерзания этого раствора.

Можно сделать такой опыт: налить в стакан воды, размешать в нем чайную ложку соли и выставить на мороз. Вода начнет замерзать, и чем сильнее будет мороз, тем скорее в стакане намерзнет толстая корка льда. Но сколько бы мы ни держали стакан на морозе, все равно на дне его останется немного незамерзшего рассола до тех пор, пока температура не опустится до — 22 градусов. При этом замечательно, что наш стакан может служить термометром: чем сильнее будет мороз, тем толще будет ледяная корка. Чтобы понять, как работает наш термометр, стоит только отковырнуть кусочек льду и попробовать на язык — лед будет пресным. Но раз лед пресный, а количество воды и соли в стакане не изменилось, значит, рассол на дне стакана стал гуще. Так оно и есть на самом деле. И этим свойством морской воды пользуются иногда для добывания соли. Напускают морскую воду в заводи, зимой скалывают и увозят лед, и если морозы достаточно сильны, то на дне заводи остается густой, насыщенный раствор соли, из которого уже не трудно выпариванием выгнать остатки воды. Этот насыщенный раствор замерзает только при очень сильных морозах.

Точно так же можно добыть пресную во-

ду из морской. Для этого нужно заморозить воду, снять с нее ледяную корку и растопить. Но с одного раза этого не сделаешь, особенно если замораживать воду на сильном холоду.

Мы уже видели в опыте со стаканом, что при сильных морозах лед образуется быстро, и хотя мы на вкус не почувствовали соли во льду, оказывается, что между кристалликами пресного льда все-таки застревают капельки соленой воды. Лед окружает их со всех сторон, и они остаются во льду, вкрапленные в него по всей толщине.

Бывает и так, что сильный мороз, градусов в 40, сразу схватывает морскую воду, и тогда она замерзает вместе с рассолом и на гладкой поверхности льда выпадают кристаллики соли. Полярные путешественники очень хорошо знают это явление, потому что идти на лыжах и везти сани по такому льду — все равно, что по льду, посыпанному песком.

Вот эта соль, так или иначе вмерзшая в морской лед, и делает его совершенно не похожим на пресный. Пресный лед—один и тот же по всей своей толщине, а морской лед — как сыр со слезой. В нем повсюду запрятаны капельки россола, которые почти никогда не замерзают. И точно так же, как рассол в нашем стакане, эти капельки могут служить термометром. Чуть посильнее мороз, лишняя вода из них вымерзает, рассол становится гуще, но стоит температуре хоть немного подняться, сейчас же рассол растворяет лед, и капелька становится больше.

Вот поэтому некоторые путешественники встречали в полярных льдах удивительное по красоте явление. Иногда ночью им попадались куски льда, которые изнутри светились замечательным голубым светом. Пока не знали о том, как образуется и как построен морской лед, невозможно было об'яснить это явление, а теперь все стало ясным. Вместе с каплями рассола в лед вмерзли крошечные светящиеся животные, которые продолжают жить и светиться во льду.

Вот поэтому же теплый морской лед всегда бывает рыхлым и слабым, и даже такой корабль, как «Книпович», может легко пробиваться сквозь него, не рискуя испортить свои деревянные борта.

Пак

Мы знали это, распихивали и расталкивали льды, давили перемычки и благополучно спускались к югу.

В полдень 2 сентября наступил самый решительный момент в нашей экспедиции. До сих пор мы шли и знали, что у нас за спиной. В любую минуту мы могли повернуть назад на север и уйти от опасности. Мы знали, что льдов там нет и не может быть. А здесь перед нами лежал остров Грээм-Белль, который тянется с севера на юг на 40 миль. Обходить этот остров даже по чистой воде на «Книповиче» нужно несколько часов, а за это время ветер может прижать льды к острову, запереть пути отступления — и тогда не миновать приключений.

Но быть так близко от цели и вернуться, не выполнив своей задачи, было бы слишком обидно. Мы обсудили положение, посоветовались и решили сделать то, чего до нас никто и никогда еще не делал: мы вошли в лед с севера.

Лед становился все гуще и гуще. Кругом появились торосистые поля и вместе со льдом пришел холод. Ведь каждая льдина, каждая глыба льда — это целый склад холода. Не даром, чтобы запасти зимний холод, набивают погреба льдом.

Холоднее стало и в воздухе и в воде, и лед стал крепче, «Книпович» уже с трудом перебивал перемычки, и мы старались идти зигзагами по разводьям, но и разводья у нас на глазах быстро затягивались тонкой ледяной коркой — склянкой.

Все чаще и чаще проходили мимо нас полосы густого тумана — это влажный ветер, охлаждаясь отдавал льдам свою влагу. Туман сгущался, видимость становилась хуже, но несмотря на это все чаще и чаще мы видели на льдах свежие медвежьи следы. Мы прошли еще несколько часов и, наконец, уперлись в тяжелый лед, безнадежно непроходимый для любого корабля, будь то хоть самый сильный ледокол. Перед нами сплошной полосой стоял страшный полярный пак.

Мне и раньше приходилось видеть тяжелые непроходимые льды, но тут я впервые увидел настоящий полярный пак. Изуродованные, беспорядочно нагроможденные друг на друга льдины огромным полем тянулись до самого горизонта. Перемешанные как густая каша и смерзшиеся в сплошную массу, эти льдины носили на себе следы зимних полярных бурь и сжатий.

Такое поле, сдвинутое с места ветром, несет в себе страшную силу. Это огромный таран в сотни миллионов тонн весом. И если два таких тарана надвинутся друг на друга с самой маленькой скоростью, — все равно

края их не выдерживают: ломаются, разлетаются на куски, грохочут и трещат.

Вот тут, глядя на полярный пак, вставший перед носом «Книповича», мы вспоминали Вайпрехта и Пайера, которые открыли Землю Франца-Иосифа и первые зимовали там.

Описывая зимние сжатия льдов у берегов своей зимовки, они говорили, что им казалось, будто белые полярные дьяволы рассердились, подняли шум, завывают, свистят и гремят.

Но весь этот грохот бывает только зимой. Летом края ледяных полей подтаивают, становятся мягкими как мокрый сахар и, сталкиваясь друг с другом, только шипят как головешки, брошенные в воду. Поэтому даже в самый страшный шторм летом во льдах стоит удивительная тишина.

Но пройти сквозь пак невозможно и летом, и когда он встал у нас на пути, на борту «Книповича» запахло приключениями.

Но мы еще надеялись обойтись без них. Мы с самого начала предполагали, что можем встретить тяжелый пак в этом районе. Он всегда образуется и сохраняется вдали от теплых морских течений и теплых речных вод, впадающих в океан. И восточное побережье Грээм-Белля—как раз подходящее место для образования пака: здесь море закрыто от проливов Земли Франца-Иосифа (через которые немного, но все-таки проходят теплые течения) и открыто на восток, до самой Северной земли; ветры гонят оттуда льды и сжимают их в пак.

Помощники моряков

Все это мы знали, но мы очень хорошо знали и другое. Мы знали, что у полярного мореплавателя есть замечательные помощники в борьбе со льдами — ветер и приливно-отливные явления. Ведь мы были в океане, а в каждом океане непременно бывают приливы и отливы. Огромная приливная волна все время вдогонку за луной носится по морю вокруг земного шара, налетает на материки, разбивается, сворачивает с пути, но всюду, где есть достаточная водная поверхность, приливная волна соединяется снова и достигает довольно большой высоты. Там, где проходит эта волна, море вздувается, а раз оно вздулось, значит, поверхность его в этом месте стала больше. На эту увеличившуюся поверхность уже не хватает ледяной покрышки, лед трескается и расходится во все стороны, как по швам.

А тут на помощь приходит ветер. Он давит на всю огромную поверхность ледяного поля, цепляется за каждый торос, за каждый бугорок, даже за каждую снежинку, примерзшую ко льду. В каждой отдельной точке такие усилия ветра ничтожны, но, сложенные все вместе, они вырастают в огромную силу, и эта сила незаметно сдвигает ледяное поле с места и постепенно начинает его разгонять.

Мы надеялись, что приливы сломают, а северозападный ветер, силу которого мы испытали на себе, когда шли к Земле Франца-Иосифа, отгонит пак от Грээм-Белля. Мы свернули к берегу в поисках прохода, но не нашли его. Пак сплошной стеной подходил вплотную к берегу. Это был, как говорят моряки, сплошной береговой припай, пробиться через который было невозможно. Тогда мы свернули на восток и пошли вдоль кромки, внимательно оглядывая каждую трещину. И пройдя несколько миль, в самом деле нашли разводья и повернули на юг. Наши расчеты оправдались и здесь.

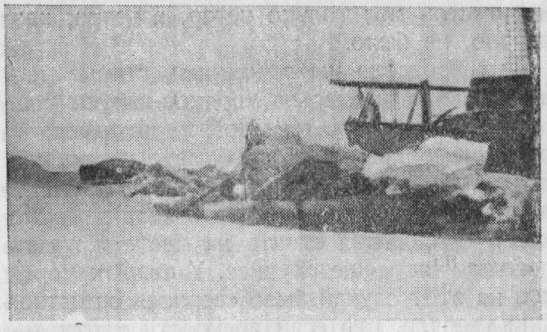
Но мы и здесь ни на минуту не забывали о том, что полярный лед—страшный враг, а полярный ветер — ненадежный помощник. Он каждую минуту может измениться, по-новому двинет льды, и тогда стоит «Книповичу» оказаться между ними, — он треснет как орех. И единственное, что нам останется, — это идти пешком на Землю Франца-Иосифа. Даже для хорошо снабженных людей такое приключение не слишком приятно, а особенно неприятно было бы оно для нас: ведь у нас не было ни спальных мешков, ни саней, ни теплой одежды. Поэтому мы старались держаться поближе к берегу. А наши охотники вышли на лед и убили двух медведей, чтобы не умереть с голоду, если придется надолго застрять во льдах.

Но нам повезло. Погода продержалась тихая, мы спускались все южнее, и третьего сентября, когда горизонт очистился, мы ясно увидели на северозападе страшный, но уже пройденный остров Грээм-Белль, а прямо на западе — Землю Вальчика.

Льды стали реже, мы уже могли как угодно выбирать путь и, свободно вздохнув, проложили курс на мыс Желания, самый северный мыс Новой Земли.

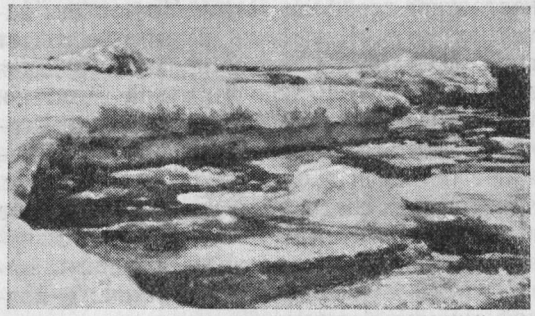
Ледяной мешок

Неожиданно на 79 градусе северной широты лед снова стал уплотняться. Это был битый лед. Любой ледокол свободно прошел бы по нему, но для «Книповича» и этот лед был слишком тяжелым.

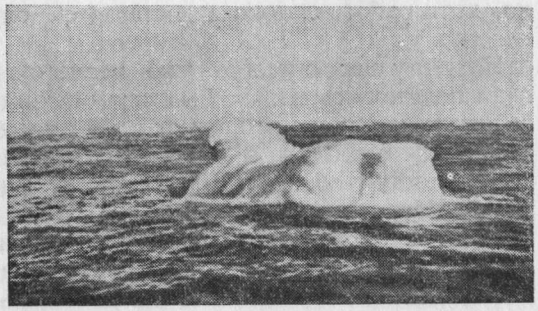


Многолетний торосистый лед смерзается в тяжелые непроходимые поля пака.

Этот айсберг переворачивался несколько раз. На нем ясно видны углубления, промытые волнами, когда этот айсберг плавал в другом положении.

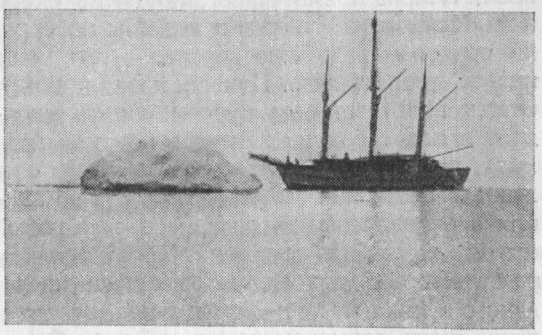


У кромки ледяного припая и тяжелых льдов всегда плавают льдины, отломанные волнами.



А это остаток айсберга — маленькая льдина, обтаявшая со всех сторон.

Это большой столообразный айсберг. В Антарктике встречаются столообразные айсберги больше ста километров длиной.



Это небольшой айсберг, севший на мель,—стамуха. С корабля на эту стамуху забросили якорь и стоят как у берега.

Опять пришлось выбирать дорогу между льдинами и отыскивать разводья. Потом поднялся ветер, перегруппировал льды, и, вместо того чтобы идти вдоль разводий, «Книповичу» все чаще и чаще приходилось перебивать ледяные перемычки, преграждавшие путь. Потом пришлось свернуть в сторону, на запад, но и там лед оказался слишком тяжелым, и тогда, хотя мы знали, что чистая вода где-то недалеко на юге, нам из-за льдов пришлось склониться немного к северу.

А погода становилась все хуже. Спустился густой туман, видимость стала плохой, сильный ветер опять по-новому перегруппировал льды, и нам пришлось совсем туго. То и дело «Книпович», чтобы выбраться к чистой воде, с полного хода налетал на льдину, отходил назад и снова налетал с разгона до тех пор, пока не пробивал себе дорогу. Мы, как говорят ледокольщики, «форсировали лед», и «Книпович» делал это неплохо, хотя работа ледокола доставалась ему нелегко.

Нефти у нас осталось уже немного, а льды поддавались плохо. Был случай, когда за шесть часов мы прошли только 5 миль, а тут еще сломалась и оторвалась дубовая доска ледовой обшивки, и нам стало еще труднее бороться со льдами.

Единственно, что нас спасало, — это приливные разжатья льдов. Мы ждали их по часам и, как только льды начинали расходиться, бросались в первую попавшуюся щель.

Вот так мы забрались в ледяной мешок. Вошли в узкое разводье, увидели большое пространство чистой воды — видимость из-за тумана была плохая, не больше мили — и уже думали, что выбрались из льдов совсем. Пошли прямо на юг, но очень скоро нос «Книповича» уперся в лед. Мы повернули вправо — лед, еще правее — лед, еще правее — опять лед... Пришли назад к входу. Опять пошли старым курсом. Опять уперлись в лед, свернули налево в поисках прохода, но и там оказался лед. Свернули еще левее — лед, еще левее — опять лед! Мы опять оказались у входа в мешок, который к тому же забило льдинами. Тогда, кое-как растолкав эти льдины, мы выбрались из ледяного мешка и, хоть нам и очень не хотелось, снова пошли на север, к Земле Франца-Иосифа.

Но и из этого ничего не вышло. Льды обступили нас со всех сторон, и мы не знали, куда податься. Хорошо еще, что кругом был битый лед, а не сплошные ледяные поля, нето нам пришлось бы плохо. Выручить нас теперь мог только ветер, а ветра, как на зло, не было.

Тут поневоле мы вспомнили старые парусные суда и старых моряков-парусников. Теперь моряки не любят штормов, а прежние больше всего на свете не любили штиля. Когда качает несколько суток подряд — это, конечно, скучно и неприятно, но когда приходится стоять на месте и ждать погоды — это еще скучнее. У старых моряков на этот случай было «верное» средство. Они уверяли, что если поскрести мачту, — непременно поднимется ветер. Мы тоже попробовали, но сколько ни скребли, ничего не вышло. Тогда, чтобы не сидеть сложа руки, мы выгрузили бочки из трюма, перелили остатки нефти в цистерны, а наши охотники убили еще двух медведей.

Наконец, барометр стал падать и поднялся ветер. Он дул с северозапада, льды медленно пошли на юговосток, и «Книпович» пошел вместе с ними. Это был самый настоящий дрейф во льдах. Но тут мы заметили, что «Книпович» немного обгоняет льды. На высокие борта судна ветер давил сильнее, чем на низкие и плоские льдины, и мы решили использовать эту разницу. Подняли кливер — маленький носовой парус — и предоставили наш корабль самому себе. Капитан лег спать: он устал за последние дни, рулевой ушел от штурвала, и «Книпович» замечательно управлялся один.

Это было удивительное плавание: в полной тишине, брошенный на произвол ветра, «Книпович» казался каким-то волшебным кораблем. Точно «Летучий голландец» без единого человека на палубе, «Книпович» отыскивал дорогу между льдами, поворачивался, останавливался, потом забирал ход в маленьком разводье, подходил к льдине и шел по ее краю до тех пор, пока не натыкался на трещину. Тогда медленно и постепенно он раздвигал льды, вклинивался между ними и выбирался к новому разводью.

Медведи-предсказатели

А ветер дул все сильнее и сильнее. Это был хороший признак для нас, но по-настоящему мы обрадовались, когда увидели белых медведей, которые один за другим торопились мимо нас куда-то на северовосток. Раз медведи бегут, значит, льды разойдутся. Ведь медведи — полярники, и они тоже не любят приключений, а для них приключения начинаются тогда, когда кругом нет льдов. Не даром летом, когда льды тают, медведи

забираются на берег или даже на большие айсберги.

Но если бы медведи просто убегали от ветра, куда глаза глядят, — в этом бы еще не было ничего удивительного. Удивительно то, что они, оказывается, прекрасно учитывают законы движения полярных льдов, и когда поднимается ветер, медведи по своему опыту заранее знают, как перегруппируются льды. Если ветер дует с моря на кромку, они спокойно продолжают охоту, если же ветер дует в сторону открытой воды, — медведи бегут, но бегут не навстречу ветру, а поперек его. Они знают, что льды вытянутся поперек ветра плотными полосами, между которыми будут широкие каналы чистой воды, а промышлять на этих полосах медведям и удобно и безопасно.

Правда, и моряки часто пользовались этим замечательным свойством льда, но сами моряки не могли об'яснить, отчего происходит такая перегруппировка.

Теперь мы знаем, в чем тут дело, и оказалось, что ничего удивительного нет в этом явлении. Если мы бросим в пруд палку, она непременно встанет поперек ветра. Если оставим в море судно без машины, без парусов и без руля, оно станет боком к ветру — «лагом», как говорят моряки. Точно так же и любая льдина непременно повернется к ветру «лагом» — своей самой длинной стороной.

И когда над битым льдом дует ветер, все льдины медленно поворачиваются к нему боками и начинают плыть. При этом мелкие легкие льдинки плывут быстрее крупных, обгоняют их, забивают промежутки между ними. Так получается плотная полоса, ограниченная с одной стороны самыми крупными льдинами, а с другой — прижатыми к ней льдинами всех размеров, вплоть до самых мелких. Сбившиеся в такую полосу льдины уплотняются, освобождают пространства чистой воды и образуют широкий канал вплоть до новой полосы крупных льдин. А когда ветер прекращается, мелкие льдины быстро останавливаются, а крупные еще долго плывут с разгона, льды разрежаются, перемешиваются, как домино на столе, и плавают в беспорядке до тех пор, пока снова не поднимется ветер и опять не сгруппирует их в полосу.

И пока ветер не прибьет битый лед к сплошному полю и не спрессует его, льдины плавают по морю, перестраиваются и так и этак, налетают друг на друга и обламывают друг о друга свои острые края. И если такое путешествие битых льдов затягивается, все льдины становятся круглыми или овальными, как лепешки.

Вот это свойство льдов и спасло нас.

В полдень 6 сентября разводья стали вытягиваться и скоро сделались настолько широкими, что мы дали ход мотору и уже через три часа вышли на чистую воду.

После удивительного спокойствия льдов мы снова попали в шторм. Огромные холодные волны заливали наше судно с кормы. Зато ветер здорово помогал нам, и 8 сентября мы увидели Новую землю.

Здесь море было свободно ото льдов. И хотя топлива у нас осталось на 8—9 дней, мы снова пошли на север к Земле Визе. После этого нам уже нечего было делать в высоких широтах Арктики.

Мы выполнили все свои задания: собрали сведения о льдах, добыли образцы грунтов и морских животных, сделали химические анализы воды, измерили температуры и глубины там, где никто и никогда до нас этого не делал.

Мы выполнили и «секретную» задачу нашей экспедиции: на практике проверили свои расчеты и обогнули с севера Землю Франца-Иосифа.

Спокойно можно было возвращаться домой. Погода стояла средняя, два дня дул шторм в десять баллов. Он задержал нас на несколько часов, но мы уже знали, что теперь-то все равно вернемся без приключений. Когда мы добрались до своей пристани, у нас остался еще запас топлива на целых... два часа!

Так кончилось наше ледовое приключение.

Что это за приключение? — спросите вы.

Но ведь я же предупреждал, что не люблю приключений. Впрочем, если разобраться, разве это не замечательное приключение, что 16 человек на крошечном деревянном судне прошли за 82-ю параллель, совершили небывалый, даже для ледоколов, полярный рейс, и вернулись из похода с запасом знаний, необходимых для новых побед на полярном фронте? Единственный недостаток этого приключения — то, что оно кончилось благополучно, но именно так и должны кончаться все приключения всех советских полярников.

Наше правительство первое в мире широко развернуло науку о севере, о течениях, об островах и о льдах — и результаты этой огромной работы уже сказываются.

Суда под советским флагом не только уверенно идут в Арктику, но и возвращаются оттуда с победами.

П А Н О П

Парад, алле! Представление продолжается. Перед вами новые экспонаты паноптикума доктора Каррабелиуса!

Доктор Каррабелиус никогда не нарушает своих обещаний. Никогда!

Перерыв был по не зависящим от дирекции обстоятельствам, главным образом из-за странного характера редактора этого журнала. Редактор утверждает, что мой паноптикум читателям неинтересен. Кто этому поверит? Я, доктор Каррабелиус, еле допросился, чтобы он меня выпустил в сегодняшней программе.

На этой странице выступает носатая обезьяна с острова Борнео. И с таким замечательным носом эта обезьяна два месяца ждала, пока ее выпустят к читателям. Позор! Прошу читателей сказать свое слово по этому вопросу.

Т И К У М

Вы видите на этой странице спокойно спящего доктора Каррабелиуса. Почему я сплю спокойно? Потому что меня охраняет краса и гордость паноптикума — южноамериканский муравьед. Мы оба уменьшены: муравьед — в шесть раз, я — в двенадцать. Поэтому можете судить, какие мы на самом деле.

С почтением доктор Каррабелиус.

Карл Бруннер

Окончание

Бела Балаш *Рис. Ю. Кискачи*

6-я глава—о прекрасных автомобилях, о черных ночных деревьях и о карлушином желании, которое исполняется

Карлуша долго еще блуждал по улицам. Он избегал темных переулков и выбирал большие площади, широкие проспекты, где было светло и оживленно, где было много народу: здесь полицейские могли его и не заметить. В толпе казалось, что Карлуша идет не один, а с кем-то из прохожих.

На душе у Карлуши стало немного легче. Несмотря на все страхи, которые он пережил, у него осталось теплое, хорошее чувство: «Милый, умный песик!» — думал Карлуша, вспоминая с благодарностью о собаке.

Карлуша шел по людным улицам, где было много ресторанов. Оттуда доносилась веселая музыка. Автомобили катили один за другим непрерывной лентой.

Карлуша знал марки всех автомобилей. Он отгадывал их сразу по радиатору. Тут были крейслеры, фиаты, восьмицилиндровый штейер, опель, вандерер, адлер, даже длинный, низкий панчиа проплыл мимо. Множество широких бюиков. Красавец линкольн под'ехал к тротуару: его легко было отличить по борзой собаке. Но желтую минерву не всякий узнал бы сразу. Новые форды, ситроен... на них Карлуша даже и не смотрел. Черный лакированный рольс-ройс тоже не привлекал его внимания. А вон тот голубой, что остановился напротив, у отеля? Этого, пожалуй, не угадал бы и Франц. Но Карлуша уже видел однажды такой автомобиль. Он его внимательно осмотрел и даже расспросил шофера. Это был испано-суиза... Немногие имеют такую машину. Только самые богатые. В ней не меньше двенадцати цилиндров, и катится она, как по бархату. Слышно только тихое жужжанье и больше ничего. Вот это машина!

На таком автомобиле Карлуша прокатился бы с удовольствием. Эти машины ведь не всегда будут принадлежать толстым капиталистам.

«Мы тоже отнимем у богачей эти чудные машины», — думал Карл. Он уже давно умел обращаться с тремя скоростями и тремя педалями, а как-то раз даже помогал мыть машину.

Вдруг Карлуша заметил, что начался дождь. Он словно очнулся от сна. Он так загляделся на автомобили, что забыл даже о своей беде и теперь вдруг сразу почувствовал, что голоден, очень устал и хочет спать. Но об еде нечего было и думать. Вот поспать где-нибудь, пожалуй, удастся. Может быть, найдется местечко, куда можно будет спрятаться на ночь.

Подул холодный ветер. Карлуша озяб.

«Тиргартен[1] близехонько, — размышлял Карл. — Там, конечно, найдется куст, под которым можно незаметно улечься».

Карлуша еще никогда не пробовал спать под кустами. Правда, мама ему как-то рассказывала про свою поездку с друзьями в горы, когда им пришлось спать ночью в лесу. И как это было чудесно! Светляки мерцали в траве и сквозь ветки деревьев, а в высоком темном небе поблескивали звездочки. Карлуша давно уже мечтал провести ночь в кустах, под открытым небом. И вот совсем неожиданно это желание исполнялось.

Но кусты в Тиргартене были, повидимому, вовсе не приспособлены для спанья. Они были слишком малы, чтобы укрыть человека. Редкие листья не защищали, и дождь проходил через них насквозь, земля была сырая и к тому же такая шишковатая и неровная, что на ней невозможно было лежать.

Карлуша долго бродил по темному Тиргартену. Наконец, он понял, что единственные спальные места были под скамейками: там было суше и не было кочек.

Карлуша заполз под скамейку, но не мог сразу закрыть глаз. Тревожно шумели де-

[1] Тиргартен — зоологический сад.

ревья, и тяжелые капли дождя стучали по скамейке, над карлушиной головой. Он печально думал о светлячках, которых видела мама, и о звездах, которые тогда мерцали в вышине, сквозь ветви деревьев. Он еще никогда не видел светляков. Здесь, в саду, их не было. Мокрые деревья стояли неприветливо. Одинокие фонари, излучавшие дрожащий желтый свет, робко жались между темными толстыми стволами. Над черными кронами деревьев со стороны трамвайной станции пылало красное небо. Быть может, там был пожар.

Карлуша не боялся темноты. Но эти черные деревья корчили рожи. У них были носы, глаза, бороды и руки. Они шевелились под ветром, как будто кивали и подмигивали ему. Иногда Карлуша вздрагивал: за широкими черными стволами ему мерещились полицейские.

Карлуша слышал грохот проходящих мимо поездов городской железной дороги. Где-то играл джазбанд. Затем раздался звук, похожий на выстрел. Это ехали пожарные. Послышались звонки и рожки: где-то был большой пожар. Ветер донес чей-то крик... потом громко запел пьяный. А деревья все шумели, и дождь стучал по скамейке. Потом зазвонил колокол.

Вдруг Карлуша вспомнил о своем Ваньке-встаньке. Как это он мог совсем забыть о нем! Карлуша сунул руку в карман и вытащил своего маленького железного фронтовика.

«Плим-плим-плим...» — тихо зазвенел колокольчик в железной груди... Казалось, он говорил: «А мы все-таки вместе. И оба хорошо выспимся. Плим-плим. Спокойной ночи. Я тоже тут. Мы не знаем, где наша мама. Но она сейчас, наверное, думает о нас».

Карлуша крепко стиснул в руке маленького Ваньку-встаньку, прижал его к лицу и сразу успокоился.

Слеза покатилась по его щеке. Веки опустились, и легкая дрожь пробежала по озябшему телу. Потом он уснул.

Когда Карлуша открыл глаза, он не сразу вспомнил, где находится. Ему вдруг показалось, что он в бамбуковом лесу, который он видел однажды в какой-то книге. Наконец, он понял, в чем дело: да ведь это трава, обыкновенная трава! Она стояла так близко у его глаз, что казалась огромной. Тяжелые капли росы повисли на стебельках. Божья коровка ползла вверх по стебельку и остановилась перед серебряной каплей. Может быть, она захотела пить? На божьей коровке было семь темных точек. Такие попадаются часто. Вот одиннадцать точек — это большая редкость.

Карлуша поднялся. Он продрог, и у него болела спина. Он начал растирать руки и ноги, чтобы немного согреться. Потом отряхнулся, почистился и сел на скамейку.

Так! Он, значит, всю ночь проспал одинодинешенек под открытым небом. И вовсе это не так страшно. В его классе никто, верно, этого и не пробовал. Они бы здорово струсили! Карлуша улыбнулся. Он был немножко горд.

Который же теперь час? Ночью он слышал бой часов. А теперь они почему-то не хотят бить. Должно быть, очень рано. Солнце еще не взошло. Сквозь темные вершины деревьев брезжил серый рассвет. Но светлые дорожки, усыпанные гравием, уже видны: множество длинных черных улиток ползает вокруг.

Карлуша был очень голоден. Но вдруг на кусте сирени запела какая-то птичка. Такого пения Карлуша еще никогда не слышал. Это пел соловей. Карлуша даже про голод забыл. Потом наверху, в гуще ветвей, засвистал дрозд. Сначала тихонько, точно спросонок. Потом со всех сторон откликнулись другие птицы, и вскоре образовался настоящий хор.

Но вот зазвонили трамваи. Проехал городской поезд. Тут Карл опять почувствовал голод и ему вспомнилась мама. Что с ним теперь будет? Какой-то дрозд уселся напротив Карлуши на скамейку, помотал хвостиком и засвистал так, точно хотел ему что-то сказать. Карлуша, наморщив лоб, мрачно посмотрел на глупую птицу).

Он встал и пошел. Надо было раздобыть чего-нибудь поесть и отправиться на поиски матери.

7-я глава—о встрече с теткой Мари и о том, как Карлуша узнает, что ему делать.

Улицы были еще пусты. Карлуша шел быстро, хотя у него не было определенной цели. Но он знал, что медленно бродить по улицам опасно. Любой шупо может задержать его и спросить, что он делает в такой ранний час. Если же сделать вид, что торопишься, то каждый подумает, что его кто-нибудь послал по спешному делу.

Первое, что попалось ему навстречу, была большая машина нового типа для мытья улиц. Такой машины Карлуша еще не видел: вода била на три метра в стороны. Узкую улицу можно было вымыть, проехав один раз в одну сторону. Карлуше захотелось даже стать под струю. Сегодня ведь ему совсем не придется умываться, а он к этому не привык.

Тут и там начали открываться ворота Дворник вышел на тихую улицу с ключом в руках. Он взглянул на небо, поинтересовался погодой, поежился от холода и потер руки. Почти все дворники делали то же самое. Потом они здоровались друг с другом через дорогу и, прежде чем снова войти в дом, вытаскивали из жилетного кармана толстые серебряные часы, чтобы еще раз проверить время. Потом появились первые фургоны с молоком и овощами. «Скоро и Хельмут выедет со своим фургоном: «Генрих Хош — хлеб хорош», — подумал Карл. — Вот бы его встретить!» — Но вблизи Ильзенштрассе Карлуше нельзя было показываться.

В одном из окон первого этажа подняли штору. Толстая непричесанная женщина в сорочке, вытирая полотенцем уши, выглянула на улицу. При этом она сделала такие глаза, точно удивилась, что уже светло. К окну подошел мужчина без пиджака. Он намыливал кисточкой лицо.

Появились прохожие и велосипедисты. Все они спешили на работу. Только тем, у кого не было работы, незачем было спешить.

Вскоре взошло солнце. Улицы оживились. На окнах магазинов подняли жалюзи. Карлуша немного успокоился. Ужасы прошедшей ночи показались ему сном.

Он остановился перед гастрономическим магазином. В эту минуту как раз подымали жалюзи.

На витрине были выставлены чудесные вещи! Ветчина и ливерная колбаса. Паштет из печонки и паштет из дичи. Салями в серебряной обертке, брауншвейгская колбаса и франкфуртские сосиски. Из масла был сделан целый дом с воротами, окнами, крышей и трубой. Были всякие сыры: и тильзитский и эменталер и груды красного эйдэмского сыра. Пучки редисок, красные и белые. И спаржа и яблоки.

Карлуша подошел ближе и, глотая слюну, представил себе, как все это должно быть вкусно. Увы! Все это было доступно только для богатых.

В это время мимо магазина проходила женщина. На вид ей было лет сорок. Она была высокого роста, с широкими бедрами и крепкими плечами. Женщина несла в руках корзинку и мимоходом взглянула на витрину.

Она сразу заметила мальчика, который стоял у окна, прижавшись носом к стеклу. Несколько секунд она с интересом смотрела на него и уже хотела двинуться дальше. Но тут она заметила, что его локти в грязи, а к куртке пристали соломинки и сухая трава.

Женщина внимательно разглядывала мальчугана: его штанишки на коленях были сырые, словно мальчик валялся на голой земле, да и руки были сильно испачканы. Очевидно, сегодня он не умывался.

Грузная женщина с кошолкой озабоченно нахмурилась и тихонько тронула мальчика за плечо.

— Послушай, малый, — ласково сказала она.

Карлуша вздрогнул, быстро повернулся и отступил на шаг. Все его тело напряглось, готовое к прыжку и бегству. Но перед ним стоял не полицейский. Испуганно и недоверчиво смотрел он в лицо женщины. Бывают же и женщины-сыщики! Это он знал. Правда, он представлял их себе несколько иначе. А эта женщина с круглыми щеками и маленьким улыбающимся ртом, видно, была неплохим человеком. Но осторожность надо соблюдать всегда.

— Не бойся меня, — наклоняясь к нему, мягко сказала женщина, — ты ведь сын Гедвиги Бруннер? А?

Карлуша молчал, отворачивая лицо. Ему вовсе не понравилось, что ей было все известно. Карлуша покосился направо, чтобы установить, свободен ли путь к бегству. Еще два шага, и он окажется в толпе. Карлуша сделал вид, будто его что-то заинтересовало, и скользнул вправо.

Но женщина пошла за ним.

— Ты же знаешь меня, мальчуган, — зашептала женщина. Она нагнулась почти к самому его уху, — ты ведь видел меня у матери. Две недели назад, в субботу. Не помнишь? Ты еще показывал мне своего Ваньку-встаньку.

Карлуша снова взглянул на нее. Правда, знакомое лицо. А вдруг он ошибается? Карлуша пытливо смотрел на женщину. Он видел ее, правда, всего только один раз. Это была действительно та самая женщина, которой он показывал своего Ваньку-встаньку.

Женщина внимательно разглядывала мальчугана.

— Неужели ты меня не узнаешь? — тихо, но нетерпеливо переспросила женщина.

Карлуша молча кивнул головой и опустил глаза. Он больше не боялся ее, но ему было стыдно.

Женщина взяла его за руку, оглянулась с опаской и зашептала в самое ухо.

— Отчего у тебя такой грязный вид, мальчуган? Разве твоя мать о тебе не заботится? Что с ней случилось?

Карлуша еще ниже опустил голову и молчал. Его глаза наполнились слезами. Он знал, что ему нечего стыдиться. И все-таки он покраснел: ему пришлось просить помощи у чужих людей.

— Бери корзинку и пойдем отсюда! — тихо сказала ему женщина. Сунув мальчику в руку корзинку, она схватила его за другую руку и потащила за собой.

Карлуша поднял голову. Мимо них спокойно проходили два полицейских.

Карлуша молча прошел с женщиной несколько кварталов. И вот они снова в Тиргартене, недалеко от того места, где он ночевал под скамейкой. Тиргартен был полон народа. На его скамейках сидели няньки с детьми. И никто, никто не знал, что он провел здесь ночь.

Они нашли пустую скамейку. Здесь никто не мог услышать их разговора. Они уселись, и женщина вынула из корзинки булочку.

— На, поешь-ка сначала.

— Спасибо, — сказал Карл и подумал: «Генрих Хош — хлеб хорош». Женщина ни о чем не расспрашивала. Она только очень серьезно, очень внимательно смотрела на него, сдвинув брови. Но в ее круглых ка-

рих глазах было столько участия и теплоты, что Карлуша, еще не доев булочки, начал рассказывать.

Она молча слушала. По ее спокойному лицу никто бы не догадался, как близка ей была судьба Гедвиги Бруннер. Временами она оглядывалась, нет ли кого-нибудь поблизости, не может ли кто-нибудь их услышать.

Когда Карлуша кончил свой рассказ, она дала ему вторую булочку. Потом она помолчала еще некоторое время, пристально глядя прямо перед собой.

— Слушай внимательно, мой мальчик,— просто и ласково заговорила она наконец.— Все будет хорошо. Мы скоро найдем твою мать. Гедвига не потеряется... Ну слушай. Я тетя Мари. Ты поживешь у меня некоторое время. Я служу кухаркой у богатых людей. Им я скажу, что ты мой племянник из провинции. Понимаешь? Бедный сирота. Скажем, что дом у вас сгорел или что-нибудь в этом роде, и ты теперь один, без крова, в целом свете.

— Это так и есть, — тихо сказал Карл.

Тетушка Мари строго взглянула на Карла.

— Не говори ерунды, мальчуган! Ты не один на свете. Сын Гедвиги Бруннер не может быть один. Он повсюду найдет товарищей, которые его поддержат. — Она ласково погладила его и тепло улыбнулась.

— Короче говоря, — продолжала она,— мы выдумаем какую-нибудь печальную историю. Моя барыня обожает такие истории. Ей надо только каждый день говорить, как она красива и добра. Ну, а теперь нам пора идти, а то мой обед сегодня не поспеет вовремя. Какое имя тебе дать, малыш? Карл пусть останется, а то легко проговориться. Значит, Карл... Карл Бреннер. Понял? Не Бруннер, а Бреннер. Только одна буква другая. Это легко запомнить. А если все-таки проговоришься или напишешь иначе, то будем считать это простой ошибкой — и только. Значит, запомнил, идет?

Карлуше стало легко. Он почувствовал к этой тетушке Мари такое доверие, что сразу успокоился. Они скоро найдут маму. «Гедвига так просто не потеряется» — это было главное.

— А где ты до сих пор жил, Карл Бреннер? — спросила тетка Мари и подмигнула правым глазом, отчего ее лицо стало веселым и лукавым. — Ты ведь должен знать, где ты жил, не так ли?

— В Фюрстенвальде! — бодро ответил Карл. — Мы туда ездили с мамой.

Тетка Мари, улыбаясь, кивнула головой.

— Ты бойкий мальчишка! Сразу понимаешь, в чем дело. Идем скорее! Для начала ты должен сегодня внимательно слушать и заметить, что я буду тебе рассказывать, — говорила она по дороге.

Моего хозяина зовут барон фон Пангенхорст. Он от'явленный наци. Но ты должен всегда молчать и быть вежливым. Если что-нибудь заметят, мы погибли. Понимаешь?

— Понимаю, — серьезно сказал Карл. Он чувствовал, что это будет нелегкая и невеселая жизнь. Но он решил держаться так, как сказала тетушка Мари. Она не должна из-за него страдать. Его сердце переполнилось благодарностью. Он тронул большую, сильную руку тетушки Мари. Она ответила ему крепким пожатием.

— Только держись, Карлуша! — сказала она глубоким, грудным голосом.

Они шли по шумным аллеям Тиргартена. Няньки и бонны громко разговаривали друг с другом, шумели дети.

Но вот Карлуша с тетушкой Мари вошли в аллею, где стояла тишина, несмотря на то что все скамейки тоже были заняты. Здесь сидели только мужчины. Это были безработные. Они сидели молча, уставившись в одну точку. Карлуша знал, что это означает. Он хорошо понял тяжелый вздох тетушки Мари, когда она взглянула на длинный, тихий, печальный ряд этих людей. Она отвернулась и сказала вполголоса:

— Я не могу больше этого видеть!

Карлуша не без любопытства думал о новом доме, в котором он теперь будет жить. Он едва дождался, пока тетушка Мари закупила все необходимое к обеду.

— Ну вот мы и дома! — услышал он наконец.

С первого взгляда Карлуша немного разочаровался. Он представлял себе дом совсем иначе: он думал, что это будет огромный домище в шесть этажей, с колоннами, фонтаном и башнями. Но дом, в котором жили эти богатые бароны, был даже меньше чем дом на Ильзенштрассе, 24. В нем было только два этажа с редкими большими окнами. Перед домом был разбит маленький красивый палисадник. Но все здание казалось старым, и стены его были совсем темные, почти черные.

Зато, когда Карлуша вошел в дом, впечатление его резко изменилось. Первое, что его поразило, была тишина. На Ильзенштрассе и в других домах даже на самой лестнице всегда что-нибудь происходило:

где-то стучали, что-то выколачивали, бегали, суетились... Хлопали двери, кричали дети, лаяли собаки, и фрау Фогель наводила порядок.

Здесь было тихо и прохладно, как в церкви святой Гедвиги. А лестница! Широкая, вся из белого мрамора, как в музее, где Карлуша был со своим классом две недели назад. На высоком цоколе стояла черная бронзовая женщина и держала в руке красивую лампу.

Они шли по длинному коридору с целым рядом белых дверей по одной стороне. Все они были закрыты. На стенах в коридоре висели рога оленей, диких коз и другие интересные вещи. Карлуша не успел их как следует рассмотреть, потому что тетушка Мари тянула его за собой. Они прошли через две стеклянные двери, и, наконец, тетушка Мари открыла маленькую белую дверцу и втолкнула его внутрь.

— Это моя комната, — сказала она. — И я надеюсь, ты тоже будешь здесь жить. Первым делом, мальчуган, надо хорошенько помыться и почиститься. Какое счастье, что мы никого не встретили! Вот тебе щетки, почисть как следует куртку, штаны и башмаки.

Тетушка Мари все приготовила и налила воды в таз. Она казалась взволнованной и говорила быстро и торопливо.

— В доме есть старый слуга. Ты его будешь называть господин Иоганн. Ты должен его слушаться. Я уже позабочусь о том, чтобы он тебя не слишком обижал. Есть у нас еще фрейлейн Лизбет, горничная, тоже хорошая штучка. Здесь кругом враги. Но даже во сне ты не должен выдать себя; не должен проговориться, кто ты такой и какие у тебя мысли. Смотри, держись, Карлуша! А теперь скоренько приведи себя в порядок. Сказав это, она вышла из комнатки.

Карлуша добросовестно исполнил все, что ему было сказано. Он даже нашел гребенку, которую тетушка Мари забыла ему дать. Через несколько минут Карлуша был готов: вымыт, причесан, почищен... Тетушка Мари все еще не возвращалась. Он стал разглядывать комнату.

Это была крошечная каморка, примерно такой же величины, как их кухня на Ильзенштрассе. «Если у них такая лестница,— подумал Карл, — то они могли бы дать тетушке Мари комнату побольше».

В ней помещались кровать, маленький стол и два стула. «Где же буду спать я?»— подумал Карлуша и тут же решил: «А все-таки здесь лучше чем в Тиргартене, под скамейкой!»

Раздались шаги, и в дверях появилась тетушка Мари. Карлуша едва узнал ее. На ней был белый фартук и белый чепец, как у конфетчиц на фабрике «Ширм и Клээр». А за ее спиной стоял длинный, худощавый господин.

У него были коротко остриженные седые волосы и чисто выбритое лицо. Бледные впалые щеки по временам дрожали. Он слегка горбился. На нем был надет наглухо застегнутый темнозеленый костюм с серебряными пуговицами. Старик выглядел больным и важным.

— Вот и малый, — начала тетушка Мари. — Поздоровайся, мальчик.

Карлуша вскочил и поклонился. Он решил, что это барон.

— Меня зовут Карл Бреннер, — громко и отчетливо сказал Карл и еще раз поклонился, — я из Фюрстенвальда.

Он вытянул руки по швам и взглянул старику прямо в маленькие черные глазки. Старик кивнул головой. Карлуша ему, видимо, понравился.

— Это господин Иоганн, — продолжала тетушка Мари.

«Ага, — подумал Карл, — сколько же важности в самом бароне?»

— Иди сюда! — тихо сказал господин Иоганн. У него был слабый, болезненный голос, и когда старик говорил, всегда казалось, будто он стонет.

— Идем к госпоже баронессе, — простонал Иоганн и быстрыми шажками засеменил впереди. Тетушка Мари следовала за ними.

Они прошли множество комнат. Карлуша не успевал разглядеть всего, что было на пути. Он еще никогда не видел таких громадных комнат. Они больше чем их класс, в котором помещалось 40 человек.

Все трое подошли к маленькой двери. Перед ней висела портьера. Господин Иоганн взял Карлушу за плечо, повернул его и боязливым, озабоченным взглядом скользнул по его прическе, рукам, одежде, башмакам... Затем он отряхнул с себя воображаемую пыль, хотя на темнозеленом костюме нельзя было обнаружить ни одной соринки. Наконец, он тихонько откашлялся, сгорбился, подобострастно улыбнулся и тихо постучал. Из комнаты донеслось тонкое, визгливое тявканье, и дверь открылась. Маленькая белая китайская болонка подползла к двери и затявкала на Карлушу тоненьким голос-

— Вот этот бедный малыш, уважаемая госпожа баронесса, о котором я вам только что рассказывала.

ком. Она была так жирна и сыта, что не могла бегать и только помахивала пушистым хвостом.

Потом Карлуша увидел много больших зеркал и во всех этих зеркалах много женщин. Вскоре он заметил, что в комнате, перед трельяжем, сидит только одна дама, и ее-то он и увидел трижды в тройном зер-

кале. Она сидела к ним спиной. Сзади стояла парикмахерша и причесывала ее. Дама не обернулась.

Господин Иоганн и тетушка Мари поклонились этим отражениям в зеркале. Карлуша сделал то же самое. Тетушка Мари сказала:

— Вот этот бедный малыш, уважаемая госпожа баронесса, о котором я вам только что рассказывала!

Эти слова были сказаны таким плачущим голосом, что Карлуша удивленно взлянул на тетушку Мари. Но сейчас же вспомнил, что это совершенно необходимо.

Три дамы в трех зеркалах начали говорить. Это были три молодые красивые дамы: одна напротив, вторая сбоку и третья в полоборота. У них была белоснежная кожа. Вместо бровей над глазами виднелись две кривые линии. Все эти три дамы были баронессой Пангенхорст.

— Это ты, бедный, маленький сирота? — начала она певучим голосом, как священник на воскресной проповеди. — Тебя зовут Карлуша? Не так ли? Я слышала о твоем несчастье. Мне Мари рассказала. Не отчаивайся, дитя мое. Бог тебя не оставит... Этот локон над ухом слишком велик, — тем же тоном бросила она попутно парикмахерше. — Бодрись, дитя мое. У меня ты обретешь свой дом. Добрый боженька привел тебя ко мне. Твое юное, чистое сердце в нашем христианском, националистическом доме должно... узнать, что такое святая человеческая любовь.

Карлуша поклонился. «Настоящая канарейка», — подумал он.

— Теперь нам не надо брать вторую горничную, — опять простонал господин Иоганн. — Мальчишка может помогать на кухне и при уборке.

— Ты будешь воспитан здесь в духе священной любви, — повторяла опять «канарейка». — Твое детское сердечко, дитя мое... Дайте мне помаду.

Парикмахерша подала ей с туалета губную помаду в золотой оправе.

— Да, ты будешь воспитан для честной работы на пользу народа и отечества, — продолжала она, подкрашивая губы. Она подняла красивую, гордую голову и оглядела себя в зеркале.

В этот момент Карлуша услышал, что тетушка Мари как-то подозрительно сморкается. Он искоса взглянул на нее. Тетушка Мари утирала передником глаза.

Но Карлушу это уже не удивляло.

— Он может ходить еще на почту, — сказал господин Иоганн. — Он может чистить серебро и поливать цветы в зимнем саду. Он может чистить охотничье оружие господина барона.

Господин Иоганн говорил все быстрее и горячее.

— Он может чистить платье и обувь. Он научится протирать окна и мыть автомобиль. Он может носить пакеты. Он может после кофе обносить гостей сигарами. Он может... он может...

Но тут голос господина Иоганна осекся. У старика начался припадок кашля, и он не мог больше говорить. Тогда начала тетушка Мари, словно неумышленно передразнивая его:

— Он может колоть дрова и носить уголь. Он может полы натирать и ковры выколачивать...

Она слегка подмигнула Карлуше правым глазом, и на ее лице промелькнуло насмешливое выражение. Но тут же она опять сделала свое лицо угодливым.

Дама встала и направилась к Карлуше. Она была высока и стройна. На ней был смешной пестрый капот, а под ним белая, шолковая пижама. Точно кукла из витрины Вертгейма! [1].

Она остановилась перед Карлушей и, наклонив голову, принялись его рассматривать:

— Мило! — сказала она наконец, словно выбирала платье в модном магазине. — Тебе нужно сшить красивую ливрею, Карлуша.

Она повернулась к господину Иоганну, который уже перестал кашлять и вытирал выступившие на глаза слезы, и добавила:

— Обшить ливрею желтым галуном. Он пойдет к цвету его глаз. Распорядитесь немедленно, Иоганн.

Она погладила Карлушу по лицу. Аромат духов ударил ему в нос. Рука была мягкая и нежная, но Карлушу почему-то вдруг затошнило.

Баронесса улыбнулась и сказала:

— Он будет со мной выезжать.

Тетушка Мари опять начала сморкаться:

— Как вы добры, госпожа баронесса, — сказала она всхлипывая. — Поблагодари свою благодетельницу, Карлуша, и поцелуй ручку.

— Спасибо! — опустив глаза, прошеп-

---

[1] Вертгейм—крупнейший универсальный магазин Берлина.

тал Карлуша и нагнулся над белой ароматной рукой, чтобы ее поцеловать.

— Будешь носить красивую ливрею с желтым галуном. И на автомобиле будешь ездить с барыней, — сказала тетушка Мари и вытерла глаза. — Такого доброго сердца, как у баронессы, такого благородного сердца больше и на свете нет. Я так и знала!

— Идемте, — сказала баронесса. — Мы представим нашего маленького грума господину барону.

На другое утро Карлуша должен был показать, что он умеет делать. Поехать на прогулку с госпожей баронессой ему не пришлось, потому что не была готова ливрея.

Он смотрел в окно, когда «канарейка» садилась в двухместный бюик кремового цвета. Карлуша стоял у окна и следил за автомобилем. Вдруг за его спиной раздался звонкий голосок:

— Карл! Ведро вынеси!

В полуоткрытой двери стояла фрейлейн Лизбет. Она стояла так прямо, словно метлу проглотила, и строго смотрела на Карлушу.

Фрейлейн Лизбет была самой строгой особой во всем доме. Она, правда, не произносила ни одного громкого слова. Напротив, она говорила всегда тихо, но ее боялись все в доме. Даже «канарейка» и та побаивалась ее. Фрейлейн Лизбет служила еще родителям барона и гордилась старинным родом Пангенхорст: она не терпела никакого беспорядка и плохих манер.

Она была маленькая и худенькая, но высоко держала голову, словно всегда хотела до чего-то дотянуться. Черное платье, белый передник, белая наколка, острый нос, острый подбородок, острые локти. Карлуша подумал, что об нее можно уколоться, если подойти к ней близко.

Фрейлейн Лизбет выглядела как строгая классная дама. В ней была какая-то неприступная важность.

Когда тетушка Мари подвела к ней Карлушу, она холодным взглядом оглядела мальчика, не меняя выражения лица, и сказала тонким и благовоспитанным голоском:

— Жаль, что он не черный. Графиня фон Керконен привезла из Парижа маленького негра-грума. Это произвело очень хорошее впечатление!

— Может быть, его можно выкрасить черной краской? — сказала тетушка Мари таким серьезным тоном, что Карлуша в первую минуту даже испугался.

В этот момент отворилась кухонная дверь, ведущая в коридор, и господин Иоганн просунул в нее свой подбородок.

— Карл, почисти дверные ручки! — сказал он.

Фрейлейн Лизбет подняла голову еще на полсантиметра выше и бросила удивленно холодный взгляд на господина Иоганна.

— Карл! — сказала она спокойно и с достоинством: — Сначала вынеси ведро, а затем можешь приняться за чистку серебра.

Господин Иоганн втянул голову в плечи и злобно замигал маленькими черными глазками. Фрейлейн Лизбет ответила ледяным, равнодушным взглядом:

— Карл! Уже десять часов! — тихо и важно сказала она.

Она выиграла битву. Господин Иоганн отступил побежденный.

Когда Карлуша с пустым ведром снова вернулся на кухню, он услышал с улицы звон колокольчика, который показался ему знакомым.

Если бы Карлуша в эту минуту выглянул из окна, он увидел бы проезжавший мимо ограды фургон с хлебом. На нем была надпись: «Генрих Хош — хлеб хорош», а на козлах сидел Хельмут.

Хельмут остановился у двухэтажного дома с темными стенами. Он еще раз звякнул колокольчиком, спрыгнул с козел и вытащил корзину с хлебом.

В это время вошла в кухню тетушка Мари.

— Сбегай вниз, Карлуша, — сказала она, — булочник привез хлеб.

Но сперва Карлу надо было вымыть руки.

Хельмут стоял в под'езде, держа корзину и нетерпеливо всматриваясь в тихий прохладный вестибюль с бронзовой женской фигурой и широкой мраморной лестницей.

Он увидел только старого швейцара Вабера, выходящего из своей квартиры; на нем как всегда, была фуражка, обшитая золотыми галунами, которая была ему велика.

— Пожалуйста, передайте хлеб, — сказал Хельмут швейцару Ваберу. — Я сегодня очень тороплюсь. Скажите, что деньги я получу завтра.

Швейцар Вабер кивнул головой, Хельмут передал ему корзину и вскочил на козлы.

— Поехали, Лола, добрая Лола! — крикнул он лошади. Лола пошла рысью.

Когда Карлуша вышел на улицу, фургон «Генрих Хош — хлеб хорош» заворачивал за угол.

Карлуша, взяв хлеб, снова вернулся в кухню. Он был бледен и взволнован.

— Тетя Мари! Погляди-ка, — зашептал он, показывая металлическую пластинку на корзине, — этот Генрих Хош живет ведь в нашем доме! А хлеб, наверное, привез Хельмут! Это мой друг!

У тетушки Мари застряла в соусе ложка. Она испуганным взглядом окинула кухню: не слышит ли кто-нибудь?

— Мальчик! — тихо, но строго сказала она.—Ты из Фюрстенвальда и никого здесь в городе не знаешь! Понял? Пусть твой друг не возит нам больше хлеба. Я сегодня же откажу этому булочнику.

И она вдруг громко сказала:

— Карл! Ты уже вычистил картошку?

Фрейлейн Лизбет проходила по кухне.

Карлуша подошел к окну и, взяв ведро картошки, посмотрел на улицу с грустью и тоской.

Вплотную у окна стояли леса до самой крыши. Дом ремонтировался. Внизу был сад, а за оградой—улица. В конце улицы он увидел зеленый хлебный фургон «Генрих Хош — хлеб хорош». На козлах сидел Хельмут.

Карлуша еще раз услышал знакомый колокольчик, и сердце его больно сжалось.

Карлуша долго не получал ливреи, потому что на ней два раза перешивали галуны. Они не нравились «канарейке». Вкус у баронессы был «высокохудожественный», как выражалась фрейлейн Лизбет.

Наконец, все было готово. Но без желтого галуна. Темносинее сукно с голубой шнуровкой. На серебряных пуговицах — герб баронов Пангенхорст.

— Ты всегда должен помнить, что носишь славный герб баронов Пангенхорст,— торжественно изрекла фрейлейн Лизбет, когда впервые увидела Карлушу в новой одежде.

Карлуше и без того было бы трудно это забыть: ему было горько и обидно надевать этот шутовской наряд.

Карлуша чувствовал себя униженным. Но делать было нечего. «По крайней мере теперь не так-то легко меня узнать, если я встречу знакомых»,—думал он.

Можно ко многому привыкнуть, особенно когда нет времени долго раздумывать. А у Карлуши во дворце Пангенхорст (так велено было называть их дом) действительно было мало времени.

В шесть часов утра он уже был на ногах и принимался за работу. Все, что говорил господин Иоганн, начиная от чистки обуви, платья, серебра и кончая поливкой цветов в зимнем саду при большом зале, все это и еще многое другое входило в карлушины обязанности. Часто работа затягивалась до глубокой ночи. Когда приходили гости, он должен был ждать, не пошлет ли его «канарейка» разносить сигары и папиросы.

У Карлуши был единственный друг — тетушка Мари. Она от всего сердца желала ему добра. Карлуша всегда это чувствовал. Иначе он бы не вынес такой жизни. Но виделись они в те редкие часы, когда Карлуша помогал на кухне. Эту работу он делал охотнее всего. Но разговаривать и здесь было нельзя, да и смотреть друг на друга удавалось только украдкой. В кухне всегда кто-нибудь был.

Хорошо бывало только вечером, перед сном. Тетушка Мари подходила к его постели, устроенной в углу, на скамье. Она присаживалась к нему и брала его за руку. Всегда очень усталая и печальная, она сидела, уронив голову, уставясь в одну точку. На ее добром лице появлялись морщинки. Это пугало Карлушу. Но все-таки он очень скоро засыпал. Он ведь тоже уставал за день!

Однако несмотря на усталость Карлуша никогда не забывал перед сном достать из нижнего ящика в шкафу своего Ваньку-встаньку, которому отвел там постоянное место. Он разглядывал там маленького красного бойца и слушал звон его колокольчика.

Заслышав шаги тетушки Мари, он быстро засовывал Ваньку-встаньку под подушку. Карлуша понимал, что десятилетнему мальчику не подобает играть в игрушки. Но он вовсе и не играл железным человечком: он был для Карлуши живым воспоминанием о матери, которая ему подарила его.

Карлуша уже привык к новой жизни. Не привык он только к хозяину дома. Мальчик очень редко видел его.

Карлуше приходилось несколько раз в день пробегать по всем комнатам, и он знал в доме каждый угол. Ему были известны и привычки всех людей, живущих в доме. Он в любой час мог сказать, где они находятся и что делают. Но о бароне он не знал ничего. Он ощущал иногда его присутствие за белой запертой дверью и чувствовал, когда его не было дома: вся квартира словно оттаивала.

Каждое утро к барону приходил ад'ю-

тант: бледный с изрытым оспой лицом, в форме штурмовика. Он молча шел по коридору, ни с кем не здороваясь, даже с «канарейкой». Вскоре после его прихода неизменно раздавался стук пишущей машинки.

Кроме того к барону часто приходили штурмовики охранных отрядов и офицеры рейхсвера. Господин Иоганн подавал им коньяк и папиросы.

Барон был длинный и тощий, с лицом, точно высеченным из камня. Он ходил большими шагами, как солдат, и почти всегда молчал.

Карлушу это больше всего тревожило. Он даже не знал его голоса.

Барон, казалось, совсем не замечал Карлушу. Он смотрел мимо людей, и каждый старался при встрече с ним свернуть с дороги, как сворачивают с дороги, завидя едущий автомобиль.

У барона был большой черный лакированный автомобиль марки «Хорх». Совсем как гоночная машина. Даже шофер носил специальный костюм. Когда барон выезжал, ад'ютант всегда сидел рядом с ним.

Однажды ад'ютант заболел, и Карлушу послали отнести на почту письмо. Почти на всех конвертах стоял штамп «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия. Окружное руководство. Берлин».

«Большой зверь, — подумал Карлуша, — и он называет себя «рабочая партия». Как бы не так!»

По дороге Карл стал размышлять, не лучше ли ему сжечь письма? Это поручение ведь непохоже на чистку дверных ручек. Тут он должен был активно помогать наци. Помогать смертельным врагам, угнетателям, убийцам, которые замучили в подвале и тех четырех рабочих.

Но, поразмыслив, Карлуша все же опустил письма в ящик. Карлуша понял, что после все может открыться и он выдаст себя и тетушку Мари.

И все-таки, когда он вернулся домой, его мучила совесть, а на сердце было тяжело. Он задумчиво подошел к окошку и поглядел вниз.

Строительные леса стояли так близко, что с подоконника можно прямо шагнуть на лестницу. Напротив окна два каменщика замешивали цемент.

Карлуша с грустью и тоской смотрел на них: с какой радостью надел бы он на себя этот честный рабочий костюм взамен своей дурацкой яркой ливреи!

8-я глава, в которой появляются таинственные конверты и Карлуша спасает жизнь тетушки Мари

— Невероятно! Откуда эти мерзавцы берут такие конверты?

Высокий человек, агент Гестапо (Гестапо—это тайная государственная полиция), произнесший эти слова, уже в третий раз протирал носовым платком пенснэ, снова надевал его на нос и в третий раз рассматривал письма, лежавшие перед ним на столе. Он не верил своим глазам.

Нет. Все оставалось попрежнему: в конвертах, снабженных штампом «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия. Окружное руководство. Берлин», лежали коммунистические листовки.

У стола стоял шпик (тот самый, что следил за Карлушей). Он, как всегда, кисло-сладко улыбался и тихо говорил:

— Штамп неподдельный, господин начальник. Это настоящий, официальный бланк.

Начальник стукнул кулаком по столу так, что заплясали перья и карандаши.

— Но где же они его воруют?!

Шпик поднял плечи до ушей.

— Этого я еще не знаю. Хорошо, что я хоть раскопал, каким образом коммунистические листовки попали в казарму штурмовиков. Письма в таких конвертах, разумеется, не вскрываются нашей цензурой.

Он наклонился вперед и добавил шопотом:

— Листовки оказали влияние. Уже заметно некоторое беспокойство в наших штурмовых отрядах, господин начальник.

Кисло-сладкая улыбка на мгновенье исчезла с его лица. В глазах вспыхнул страх. Он знал не хуже своего начальника, что солдаты штурмовых отрядов, опираясь на которых фашисты поддерживают свою насильственную власть, уже не вполне надежны. Частично они состоят из несознательных пролетариев, но все-таки пролетариев. Читая правду в коммунистических листовках, они постепенно начинают понимать, что борются, в сущности, против своих братьев, против своих же собственных интересов!

Начальник снова хлопнул рукой по столу и в бешенстве вскочил.

— Надо доискаться, где эти негодяи достают такие конверты,—шипел он, расхаживая взад и вперед по коридору.

— Уж я докопаюсь,—улыбнулся шпик.— Я все разнюхаю. Можете быть спокойны, господин начальник!

Но господин начальник был не совсем спокоен.

Последствием нервности начальника Гестапо оказался ряд внезапных обысков, еще более строгих чем прежде. В результате у рабочих в районе Ильзенштрассе было найдено два шапирографа, на которых печатались летучки.

Однажды вечером, был уже одиннадцатый час, Карлуша разделся и собирался лечь спать. Он сидел в рубашке на краю постели. Тетушка Мари была еще занята на кухне. Карлуша воспользовался ее отсутствием, чтобы взглянуть на своего Ваньку-встаньку. Он звякнул колокольчиком и вспомнил маму, комнату на Ильзенштрассе. Заслышав шаги, он спрятал Ваньку-встаньку под подушку и юркнул в постель.

— Спокойной ночи, тетушка Мари! — крикнул он, когда она вошла в комнату.

— Спокойной ночи,—ответила она, но таким усталым голосом, что Карлуша насторожился.

Тетушка Мари постояла несколько минут с опущенной головой посреди маленькой каморки. Потом медленными шагами подошла к Карлуше. С глубоким вздохом тяжело опустилась она на край его постели, не поднимая глаз.

Карлуша выглянул из-под одеяла. Его охватило беспокойство. Тетушка Мари сидела с поникшей головой, усталая и печальная, безжизненно свесив руки.

— Ты хорошо умылся, Карлуша?—спросила она немного погодя, не поворачиваясь к нему.

— Да, тетушка Мари.

—А рот полоскал?—вялым голосом продолжала она.

— Да.

— Ну вот... Спи-ка, мой мальчик... Спи...

Она опять глубоко вздохнула и сделала движение, как бы собираясь встать. Но осталась сидеть с поникшей головой и опущенными руками.

Карлушино сердце сжалось. Он не решился сразу спросить. Но, наконец, не выдержал:

— Ты из-за мамы такая грустная?

Обеими руками он судорожно вцепился в ее пальцы.

— Из-за нас всех!—сказала она со стоном и опустила голову.—Спи! Тебе нужны силы. Ты должен достичь большего, чем мы, старики... Тебе нужны силы...

Карлуша не понял, что она этим хотела сказать. Он никогда еще не видел ее такой убитой. Что случилось?

— Тетушка Мари, — прошептал он еле слышно.—Мою маму поймали?

— Нет, Карлуша!

— Правда, нет?

— Правда, нет!—убедительно повторила она и взглянула Карлуше в глаза так серьезно и искренно, что он ей сразу поверил

— А ее не били?—спросил он еще для полной уверенности.

— Я говорю тебе, нет! Она у хороших товарищей. Будь спокоен, мой мальчик!— и она провела рукой по его волосам.

Тетушка Мари встала и хотела отойти. Но Карлуша протянул руку и удержал ее.

— А она не голодает?

— Ну, конечно, нет!—ответила с легким нетерпением тетушка Мари. Она закрыла его одеялом и отошла.

— А кровать у нее есть?—спросил Карлуша из-под одеяла... Тетушка Мари обернулась и сделала строгое лицо.

— Она уже давно спит, а ты еще болтешь! Теперь спокойной ночи и конец!

— Спокойной ночи!—ответил Карлуша. Он подтянул колени к подбородку — так он всегда спал — и закрыл глаза.

Он не видел, как тетушка Мари тщательно закрыла ставни, затем отперла шкаф и вынула из него бельевую корзину. Она отнесла ее к столу и тихонько подошла к двери, чтобы проверить, хорошо ли она заперта. Затем она вернулась к столу.

Усталость и печаль исчезли с ее лица. Теперь оно выражало напряженность, внимание и решимость.

Карл вдруг снова открыл глаза и высунулся из-под одеяла.

— Тетушка Мари,—позвал он.

— Что тебе еще? Почему ты не спишь?— ее голос звучал сердито. Она подошла к Карлуше.

— Тетя Мари,—умоляюще сказал он и протянул ей навстречу руки.—Когда я увижу мою маму?

Тетушка Мари снова подсела к нему. Она взяла его за руку и очень серьезно заглянула ему в глаза. Заговорила она не сразу.

— Послушай, Карлуша, — начала она тихо. — Возможно, что ты скоро увидишь свою мать.

— Правда?—вскрикнул Карлуша и сел.

— Может быть... может быть, в этом

доме. Но слушай: ты не должен узнавать ее. Как будто это совершенно чужая женщина, которую ты никогда не видел. Понимаешь? Если ты выдашь себя хоть одним словом или одним взглядом, мы все пропали. Тогда ее посадят в тюрьму и будут бить!

— О!—застонал Карлуша.

— Так! А теперь засыпай сию же минуту, а то я рассержусь.

Карлуша лег на бок, снова подтянул колени и закрыл глаза. И когда тетушка Мари прикрыла его одеялом, ему почудилось, что это мать стоит над ним. Он заснул счастливый.

Тетушка Мари быстрым шагом, как человек, который и так уже потерял много времени, подошла к столу. Она открыла бельевую корзину.

В корзине не было никакого белья. В ней был спрятан гектограф.

Тетушка Мари осторожно вынула машину. Бумага и конверты лежали тут же в корзине. Она печатала листок за листком, а затем клала их в конверты.

На пятом листке конверты кончились. Она подняла голову и задумчиво посмотрела на дверь.

В эту минуту проснулся Карлуша. Заспанными глазами взглянул он на стол и увидел, что под лампой стоит его мать. Его мама стояла у копировальной машины, за которой он часто видел ее на Ильзенштрассе.

Карлуша протер глаза. Неужели это мама? Нет, это была тетушка Мари. Карлуша только хотел снова закрыть глаза, как вдруг увидел, что тетушка Мари сняла туфли, подошла к двери, приложила к ней ухо и стала напряженно слушать. Потом очень осторожно отперла дверь. Снова прислушалась. Тихонько открыла дверь и высунула голову. Потом она бесшумно скользнула в коридор.

Карлуша сел на кровать. Спать ему уже не хотелось. Куда это пошла тетушка Мари?

Карлуша слез с кровати, подошел к столу и стал рассматривать бумагу и конверты. Эти большие конверты ему знакомы. Он носил такие же на почту. Они принадлежат господину барону. «Националистическая рабочая партия. Окружное руководство. Берлин».

Он вынул из конверта один листок и прочитал:

„Товарищи! Кому вы служите и против кого боретесь? Вы хотите быть дубинкой в руках фабрикантов, помещиков и банкиров? Вы хотите избивать эксплоатируемых, угнетенных, голодающих рабочих? Ваших братьев?“

Карлушино лицо горело от возбуждения. Так вот что делает по ночам тетушка Мари! Летучки для обманутых штурмовиков— пролетариев! Чтобы они, наконец, поняли, что делают! Тетушка Мари не боится барона. Куда же она теперь пошла?

А все-таки как это она оставила открытыми аппарат и листовки. Его мать никогда этого не делала!

Вдруг Карлуша услышал в коридоре шорох. Он подбежал к двери. Каждый шорох грозит опасностью тетушке Мари. Карлуша легонько приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Из комнаты в коридор падает от лампы луч света. Выключатель у самой двери. Карлуша погасил свет. Теперь ему виден весь коридор. В окна пробивается лунный свет. Но за окнами, повидимому, сильный ветер. Он гонит облака, и луна то появляется, то исчезает. Свет и тени беспокойно пляшут на стенах, и оконные стекла тихо позвякивают.

Карлуша видит длинный ряд белых сумеречных дверей. Куда ушла тетушка Мари? В простенках между дверьми стоят на постаментах большие темные вазы. Вдруг Карлуша видит, как большая черная кошка пересекает коридор.

Кошка останавливается, смотрит на него и подымает хвост. Ее глаза горят, как свечи. Потом она одним прыжком вскакивает на постамент и исчезает за вазой.

Ваза шатается. У Карлуши перехватывает дыхание. Если кошка опрокинет вазу, все кончено.

Ваза перестает качаться. Но буря за окном разгулялась. Одно из окон подозрительно хлопает. Повидимому, оно плохо закрыто.

Карлуша слышит, как стучит его сердце. Он хочет подбежать к окну и закрыть его, но в эту минуту оно с грохотом распахивается, и белые занавески врываются в коридор.

Поздно! Этого не могли не услышать. Ну, конечно. Из комнаты фрейлейн Лизбет доносится шорох. Слышно, как ключ поворачивается в замке.

Карлуша прикрывает дверь. Он оставляет только крохотную щель для наблюдения. Фрейлейн Лизбет в нижней юбке, с распу-

Фрейлейн Лизбет подозрительно оглядывается по сторонам и медленно идет дальше.

щенными волосами выходит из своей комнаты. Она зажигает свет. Подходит к окну и закрывает его. Сейчас она повернется и снова отправится спать. Тогда все спасено.

Но фрейлейн Лизбет не сразу уходит в свою комнату. Она подозрительно оглядывается по сторонам, словно чует недоброе, и медленно идет дальше. Она проходит мимо двери уборной. Идет дальше. Коридор ярко освещен — тетя Мари не может вернуться незамеченной. Где она теперь?

Между тем тетушка Мари была в кабинете господина барона. Она выдвинула правый ящик письменного стола и вынула оттуда полную пригоршню конвертов. В ту же секунду она услышала шум распахнувшегося окна.

Она быстро закрыла ящик, подскочила к двери и прислушалась. Сквозь дверную щель она увидела, что кто-то зажег в коридоре свет.

Тетушка Мари стиснула зубы. Кулаки ее сжались. Она неподвижно стояла в темной комнате и прислушивалась к тому, что происходит в коридоре. Она различала шаги фрейлейн Лизбет, которая подошла к кабинету и на секунду остановилась у самой двери.

Тетушка Мари знала, что дело идет о жизни или смерти.

Карлуша тоже видел, что фрейлейн Лизбет остановилась у двери кабинета, и вдруг у него мелькнула мысль.

Он бесшумно открыл дверь и, крадучись, как кошка, за спиной фрейлейн Лизбет, тихо проскользнул в уборную.

Фрейлейн Лизбет смотрела в другую сторону и не заметила его. Карлуша отворил дверь уборной и тут же громко захлопнул ее, словно выходя оттуда.

Фрейлейн Лизбет испуганно оборачивается.

— Ах, это ты?—говорит она.—Почему ты так шумишь, дрянной мальчишка?— успокоенно бранится она. — Еще господ разбудишь. Идиот! Сейчас же в кровать, болван!

Карлуша спокойно выслушивает ее брань и возвращается к себе. Фрейлейн Лизбет догоняет его и грубо толкает в спину. Но Карлуша не обижается: главное, что она снова выключает свет, идет в свою ком-

нату и запирает дверь. Так! Теперь тетушка Мари может спокойно вернуться.

Карлуша скорехонько залез в кровать, закрыл глаза и притворился, что спит. Но сердце его еще сильно колотилось. Вскоре отворилась дверь. Тетушка Мари вошла в комнату.

Она зажгла свет. Карлуша услышал ее нежный шопот.

— Он и свет потушил! Умный мальчуган! Глядите, он и машинку прикрыл корзиной. Молодец!

Карлушино сердце наполнилось гордостью и счастьем. Но он крепко зажмурил глаза.

Он слышал, как тетушка Мари подошла к его кровати и растроганно прошептала:

— Он еще притворяется, что спит.

Она присела на край кровати.

— Он еще притворяется, что спит!—повторила она, нагнулась и поцеловала его.

Карлуша был счастлив.

9-я глава, в которой Карлуша узнает новую прачку, но забывает в кармане шоколадные конфеты

Карлуша с утра начал поджидать свою маму. Он ждал ее весь день и все последующие дни. Может быть, она придет именно сегодня? Каждый вечер он ложился в постель разочарованный и печальный. Опять ничего! Зато, может быть, завтра?

Прежде Карлушу забавляло ездить с баронессой в автомобиле или просто гулять по улицам. Он все еще не отказался от мысли встретить своих прежних друзей. И кусочек свинца, завернутый в бумажку с адресом он всегда держал наготове.

Но теперь Карл неохотно уходил из дому. Он боялся, что мать придет как раз в его отсутствие. Он придумывал хитрейшие предлоги, чтобы оставаться дома или хотя бы скорее вернуться. А вернувшись, он первым делом разыскивал тетушку Мари, чтобы спросить: была она? Впрочем, ему даже незачем было спрашивать. Когда он, запыхавшись, врывался в кухню, тетушка Мари качала только головой. Карлуша облегченно вздыхал: значит, они не разминулись... В ожидании матери Карлуша стал собирать все шоколадные конфеты, которые давала ему баронесса.

Карл ждал уже больше недели. И все же случилось так, что он чуть не прошел мимо своей матери, не узнав ее.

Это произошло во вторник утром. Карлуша должен был отправиться с баронессой на прогулку. Он был очень расстроен, но делать нечего — надо ехать... Когда он стоял на кухне, собираясь в путь, его позвал в столовую господин Иоганн. Надо было взять с собой лишнюю коробку папирос для баронессы и пирамидон на случай, если у нее заболит голова.

Карл оставил на подоконнике свою шапочку и пошел в комнаты. Открывая дверь в столовую, он услышал, как фрейлейн Лизбет вошла в кухню и сказала:

— Фрау Мари, прачка пришла!

Но прачки Карлуша не видел, так как закрыл за собой дверь.

Прачка была в круглой шляпе, низко надвинутой на лоб. Из-под полей смотрели красивые, серьезные глаза. На плечи был накинут полосатый платок, в руках она держала большую корзину.

— Добрый день! — тихо и скромно сказала прачка. Но в ее голосе слышалась еще какая-то другая, скрытая нотка.

У тетушки Мари, мешавшей ложкой суп, дрогнули брови. Она сразу узнала голос Гедвиги Бруннер, но повернулась к ней только спустя некоторое время и равнодушно сказала:

— А! Новая прачка? Но вы пришли очень некстати. Придется немного подождать. Я соберу кухонные полотенца!

Тетушка Мари еще несколько секунд орудовала кухонной ложкой, затем сняла горшок с огня, вытерла руки и сказала:

— Я хочу дать вам немного своего белья за отдельную плату.

Она украдкой бросила на Гедвигу Бруннер быстрый взгляд.

— Пожалуйста, я возьму, — ответила та, не меняя выражения лица. Только веки ее слегка опустились и это означало: «Понимаю».

— Сейчас принесу, — сказала тетушка Мари. Проходя мимо прачки, она незаметно и крепко пожала ей руку.

Фрейлейн Лизбет ничего не заметила. Она смотрела в бельевой ящик и выбрасывала из него на пол грязное белье.

Тетушка Мари быстрыми шагами вошла в свою комнату и закрыла дверь на задвижку. Потом она отперла шкаф, вытащила из-под белья пятнадцать конвертов и завернула их в грязное белье.

Гедвига Бруннер поставила на пол корзину и начала сортировать грязные поло-

тенца и пыльные тряпки по отдельным кучкам.

Карлуша зашел на кухню. Он вернулся только за своей шапкой. Бюик стоял уже у под'езда, и баронесса была готова.

Карлуша увидел прачку. Она стояла нагнувшись и считала белье. Лица ее не было видно. Карл надевал шапку и подумал с грустью: «Как жалко, что надо уезжать. Может быть, мама придет именно сегодня».

И Карлуша прошел мимо прачки, не зная, что это его мать.

Прачка вообще не заметила мальчика. Она была занята бельем.

— Шестнадцать полотенец и двенадцать пыльных тряпок, — сказала фрейлейн Лизбет.

Карлуша уже открыл дверь в коридор и одной ногой переступил через порог. На секунду он остановился, чтобы туже подтянуть ремешок под подбородком.

— Эти тонкие скатерти нельзя тереть щеткой, а то они порвутся, — сказала фрейлейн Лизбет в ту секунду, когда Карлуша хотел закрыть за собой дверь.

И он вдруг услышал чей-то голос:

— Я знаю, фрейлейн, я буду осторожна.

Карлуша повернулся с молниеносной быстротой: «Кто это сказал? Прачка? Это же мамин голос!»

Женщина в полосатом платке поднялась с полу. Но она стояла спиной к Карлу. Может быть, она его мать?

Карл чувствовал скорее страх, чем радость. Он решил вернуться в кухню, он должен увидеть лицо этой женщины в полосатом платке. Но баронесса уже сидит в машине и ждет. Будет страшный скандал.

— Значит так: шестнадцать полотенец, двенадцать пыльных тряпок, — считает фрейлейн Лизбет. — Четыре скатерти и салфетки... подождите... — фрейлейн Лизбет нагибается, чтобы еще раз пересчитать салфетки.

Карл, затаив дыхание, маленькими бесшумными шагами возвращается в кухню. Он медленно обходит прачку, чтобы увидеть ее лицо.

— Вы не знаете, сколько было салфеток? — нетерпеливо спрашивает фрейлейн Лизбет. — Разве вы не считали вместе со мной?

В это мгновение Карлуша увидел лицо прачки. Только самый крошечный кусочек лица, потому что она смотрит в другую сторону, на фрейлейн Лизбет. Но ему достаточно увидеть одно ухо, чтобы узнать свою мать.

Мальчик останавливается, как вкопанный. Он знает, что надо сдержать себя. Но что поделаешь, если глаза сами наполняются слезами, губы открываются, а дрожащие пальцы начинают бешено вертеть пуговицы с гербом на ливрее.

— Я не знаю, — начинает Гедвига Бруннер в ответ на вопрос фрейлейн Лизбет, — но я сейчас...

Фраза остается незаконченной, потому что Гедвига Бруннер что-то услышала или почуяла. Она и сама точно не знает, что именно. Ей показалось, что она услышала чье-то горячее дыхание.

Она поворачивает голову и видит своего сына. Словно лампа вспыхнула в темноте, так просветлело и просияло ее строгое, озабоченное лицо. Руки матери бессознательно тянутся к сыну.

Счастье, что фрейлейн Лизбет внимательно считает салфетки.

Мать и сын молча и неподвижно стоят друг против друга. Молча и неподвижно смотрят они друг другу в глаза. Они не смеют даже улыбнуться, чтобы не выдать себя. Но взгляды их соединяются, как об'ятия. Все это длится несколько секунд. Затем раздается голос фрейлейн Лизбет:

— Сосчитайте-ка, пожалуйста, сами еще раз эти салфетки.

Гедвига Бруннер приходит в себя. Она вся подтягивается и быстро оборачивается.

— Да, пожалуйста... — говорит она сдержанным голосом и опускается на корточки.

— Я могу помочь, — восклицает Карлуша. Лицо его краснеет. Он садится на корточки рядом с матерью и как бы случайно касается ее руки... на одну секунду, не больше...

Фрейлейн Лизбет только сейчас заметила мальчика. Она думала, что он уже давно спустился к автомобилю.

— Ты все еще тут? — в ужасе вскрикивает она. — Глупый мальчишка! Барыня ждет в машине. Негодный бездельник! — И она грубо толкает Карлушу в грудь.

Он видит, как его мать вдруг поднимает голову. Глаза ее вспыхивают гневом, лоб краснеет. Но тут же она снова опускает голову, чтобы скрыть свой порыв.

— Карл, в машину! — слышит он злой голос господина Иоганна.

В дверях Карл налетает на тетушку Мари, которая возвращается со своим бельем.

— Правильно, — серьезно и строго говорит она. — Что ты тут вертишься под ногами? Тебе здесь нечего делать.

Карлуша повернулся с молниеносной быстротой: «Кто это сказал? Прачка?»

Спускаясь бегом по лестнице, Карлуша думает: «Хуже всего то, что мама все это слышит, она еще подумает, что меня всегда так ругают и что мне здесь очень плохо. Она будет огорчаться».

Но Карлуша все-таки улыбается. Он счастлив. Он увидел маму, и, конечно, теперь она будет часто ходить к ним за бельем.

Гедвига Бруннер все-таки унесла еще кое-что помимо грязного белья. Тетушка Мари, кладя в корзину заботливо свернутые сорочки, спросила:

— Когда вы думаете с этим справиться?!

— Думаю, дня через четыре, — ответила прачка.

Но глаза обеих женщин смотрели так серьезно, точно речь шла о гораздо более важных вещах, чем о грязном белье.

10-я глава, в которой Карлуша бросает на пол корзину и Лола, добрая Лола, превращается в настоящую беговую лошадь

Все произошло совершенно иначе, чем Карлуша себе представлял. Тетушка Мари была очень расстроена. Карлу казалось, что она с тех пор больше ни разу не работала на гектографе. По ночам она часто вздыхала.

Карлуша ни о чем не спрашивал. Но однажды, присев к нему на кровать с поникшей головой и озабоченным лицом, она сказала как бы про себя.

— Не знаю, сколько это еще продолжится?

Тетушка Мари говорила так, потому что ее нелегальная работа с летучками была плохо организована. Она это прекрасно понимала. Ей следовало только красть конверты и сразу же уносить их из дому, а не печатать летучки тут же в комнате.

Полиция рано или поздно все это вскроет. И тетушку Мари мучили тяжелые мысли.

Она сидела, глядя в одну точку, но вдруг вскочила, словно желая что-то с себя стряхнуть.

И вот однажды, ровно через пять дней после того как Карлуша встретился с матерью, случилось большое несчастье.

Карлуша должен был отправиться с фрейлейн Лизбет за цветами.

Он не хотел идти, зная, что сегодня придет его мать. Он боялся опоздать.

Но уважаемая мамаша уважаемой госпожи баронессы праздновала день своего рождения, и цветы должны были быть непременно куплены. Правда, в другое время фрейлейн Лизбет покупала цветы сама. Карл не понимал, зачем, в сущности, его берут с собой.

В это утро фрейлейн Лизбет почему-то особенно нервничала. Она не входила в кухню, а только один раз приоткрыла дверь, бросила на тетушку Мари испуганный злой взгляд и поманила к себе Карлушу.

— Карл, — сказала она еще тише чем обычно. — Собирайся сию минуту, мы идем за покупками...

Она даже взяла его за руку, чего никогда не делала, и с особой торжественностью вывела из дому. При этом она держала его так крепко за кисть руки, точно боялась, что он убежит. Когда они заворачивали за угол, она еще раз обернулась, словно во дворце Пангенхорст происходило что-то особенное.

«Что с ней творится?» — спрашивал себя Карлуша, наблюдая со стороны. Фрейлейн Лизбет вся раскраснелась от волнения, но не говорила ни слова.

— Мы скоро вернемся? — спросил Карлуша. — У меня дома много работы.

— Тебе теперь незачем быть дома. Придешь, когда надо будет, — ответила фрейлейн Лизбет.

Это было сказано так странно! Карлуша опешил. Что это значит? Неужели она что-нибудь узнала?

Они зашли в большой цветочный магазин. Карлуша нес корзину. Все продавцы были заняты. Пока они ожидали, в магазин вошла маленькая кругленькая, как шар, женщина и приветливо поздоровалась:

— Доброе утро, фрейлейн Лизбет.

— Что это вас давно не видно, фрау Бунке?

— Да и я вас нигде не встречала последнее время.

Фрейлейн Лизбет и маленькая круглая фрау Бунке жмут друг другу руки.

— Ну, как поживаете? — спрашивает, улыбаясь, фрау Бунке (у нее тоже ямочки на щеках).

— Ах, — всплескивает руками фрейлейн Лизбет. — Лучше не спрашивайте!

И лицо ее выражает отвращение.

— А что случилось? — осведомляется маленькая толстушка и сочувственно подмигивает.

— Я, знаете, так нервничаю и волнуюсь, милая фрау Бунке... Так волнуюсь! Вы себе даже не можете представить!

— В чем же дело, фрейлейн Лизбет? Расскажите.

— Вы этого даже не можете себе представить, фрау Бунке. Невероятные вещи, скажу я вам, происходят в нашем доме! Но я всегда это предвидела. Я знала...

— Что же именно, фрейлейн Лизбет? Вы меня просто пугаете.

Фрейлейн Лизбет наклоняется к самому уху толстушки и шепчет:

— Я не могу об этом говорить при мальчике. Пройдемте дальше.

Затем она поворачивается к Карлу:

— Постой тут с корзиной. Я хочу кое-что посмотреть.

Карлуша прежде никогда не интересовался болтовней фрейлейн Лизбет. Но на этот раз он насторожился. Он слышал, что фрейлейн Лизбет шепнула фрау Бунке. Во всем поведении фрейлейн Лизбет было что-то подозрительное.

Когда женщины скрылись за группой пальм, стоящих посреди магазина, Карлуша тоже придвинулся к ним поближе. Под прикрытием пальм он слушал их разговор.

— Ну рассказывайте, — нетерпеливо просит фрау Бунке.

— Вы будете поражены, фрау Бунке, скажу я вам... Полицейская тайна! — шепчет фрейлейн Лизбет на ухо маленькой Бунке.

— Сохрани боже! — испуганно мигает фрау Бунке и хочет идти.

Но фрейлейн Лизбет удерживает ее за руку и шепчет:

— Вы же знаете нашу кухарку Мари?

— Да, да, — испуганно дергается тол-

стушка. — Но если это такой секрет... лучше подальше от него.

Но фрейлейн Лизбет крепко держит ее за руку:

— Если вы никому не скажете, фрау Бунке...

— Нет, нет, нет. Не надо! — отчаянно защищается та.

Но ничего не помогает. Фрейлейн Лизбет крепко держит ее и шепчет на ухо.

— Подумать только! Сегодня к нам придет полиция, чтобы арестовать нашу кухарку. Ее, верно, уже забрали. Она оказалась коммунисткой. Подумайте, кухарка барона Пангенхорст! Разве это можно было себе представить? Но я всегда знала. Простая работница! Прачка, что стирает белье, таскала в своей корзине летучки и бомбы. Я слышала сегодня утром разговор полицейского офицера и господина барона. Но арест должен пройти тихо и незаметно. Чтобы никто ничего не знал. А прачка должна сегодня к нам придти. Полиция уже поджидает ее. Мальчишка тоже ничего не должен знать, потому я и увела его из дому. За ним, тоже надо следить. Полиция будет его допрашивать. Он тоже подозрителен. Кухаркина рекомендация! Что вы на это скажете, фрау Бунке? В таком доме, как дом Пангенхорста! Если бы это узнала старая баронесса, я уж и не знаю...

Фрау Бунке больше не подмигивала. Заикаясь от ужаса, она лепечет: «Коммунистическая кухарка! Ведь она способна подмешать яд в кушанье!»

Конец рассказа Карлуша не слышал. Как только фрейлейн Лизбет произнесла слово «прачка», он сразу понял, какая страшная опасность грозит его матери. Немедленно домой! Надо вовремя предупредить мать! И Карлуша бомбой вылетел из цветочного магазина.

Когда фрейлейн Лизбет появилась из-за пальм, чтобы проверить, где Карлуша, она увидела только брошенную на пол корзину.

Карл мчался со всех ног. Если он опоздает, если он не успеет предупредить, его мама погибла! Он бежал с ловкостью хорька, но то и дело толкая кого-нибудь. Все оборачивались ему вслед. Ругали, проклинали, угрожали. Ему было все равно!

Надо пересечь улицу. Карл и не думает ждать остановки движения. Он летит наперерез. Мальчик исчезает среди проезжающих автомобилей. Какая-то женщина, смотревшая с тротуара ему вслед, громко вскрикивает. Большой автомобиль внезапно резко тормозит. Задняя машина чуть не наезжает на него. Движение останавливается. Шоферы бранятся. Полицейский свистит. Из-под машины вылезает мальчик весь в грязи, с исцарапанной щекой и окровавленным ухом.

Но, прежде чем полицейский успевает подойти, мальчик проскальзывает между машинами и убегает.

Карл несется дальше. Но до дворца Пангенхорста еще далеко. И колено его болит от ушиба. В сустав будто нож вонзился. Он с трудом поднимает ногу. Но надо бежать! Надо! И даже еще быстрее. Слезы и пот заливают ему лицо. В висках стучит. Темнеет в глазах. Он останавливается, держась за фонарь. Скорей! Скорей! Но ему не выдержать такого бега до самого дома. Это ясно.

Карл в отчаянии подымает голову. Вдруг он читает надпись: «Генрих Хош — хлеб хорош». Ну, конечно, Хельмут проезжает мимо него со своим фургоном. Лола, добрая Лола, бежит приятной рысцой и стучит по мостовой широкими копытами.

Карлуша догнал фургон. Его больная нога соскользнула с подножки. Но Хельмут уже узнал его, схватил за ворот и посадил на козлы.

— Вот и ты, наконец! — кричит он.

Но радоваться свиданью некогда. По пыльному потному лицу и окровавленному уху Карла Хельмут догадывается, что дело плохо. Многое из того, что Карл, задыхаясь и захлебываясь, пытается ему рассказать, Хельмут все равно не понимает. Но самое главное — то, что фрау Бруннер должна придти во дворец Пангенхорст, что ее там караулит полиция и что Карл должен ее предупредить, — это Хельмут сразу понимает.

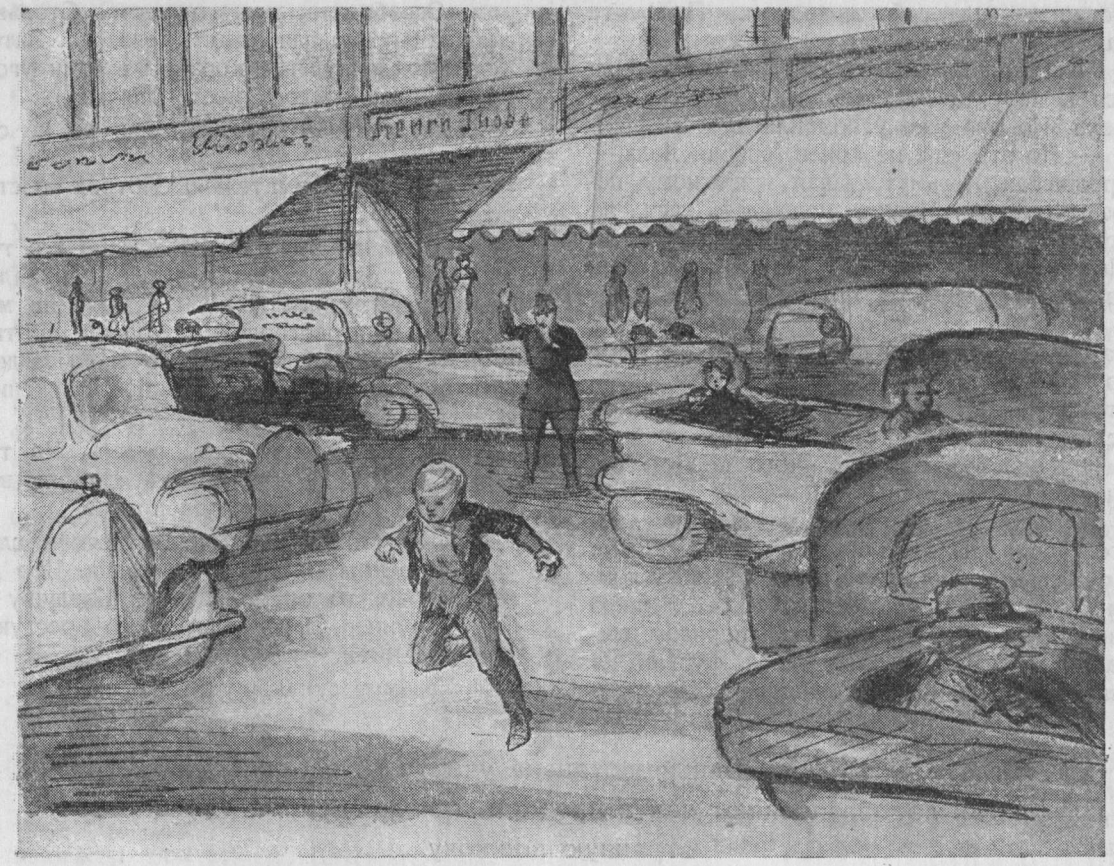
— Ну, Лола, добрая Лола, покажи теперь, на что ты способна! — кричит он, и Лола навостряет уши.

Хельмут сует Карлу кнут в руки.

— Бей, — кричит он и обеими руками натягивает вожжи. Кнут взвивается. Лола вскидывает голову и галопом несется по улице. Лола мчится, как хорошая беговая лошадь. Ее больше не нужно погонять. Она словно чувствует, что дело не шуточное... «Генрих Хош — хлеб хорош», — тарахтит и грохочет, обгоняя не только другие фургоны и повозки, но даже многие автомобили.

Но на Хедеменштрассе полицейский подымает руку. Все останавливается.

— Бей, — кричит Хельмут.



Но прежде чем полицейский успевает подойти, мальчик проскальзывает между машинами и убегает.

Удар — и зеленый фургон с мирной надписью «Генрих Хош — хлеб хорош» и с нарисованными на боку хлебами и булочками летит напролом. Лола, добрая Лола, бешеным галопом проносится мимо изумленных шоферов.

Полицейский что-то кричит вдогонку. Слов не слышно. Мимо. Вот и Готтфрид-Келлерштрассе.

Сейчас будет Вагнерплатц и наискосок — дворец Пангенхорст.

Но сзади раздается полицейский свисток и слышна подозрительная трескотня.

Это шупо на мотоцикле. Он догоняет их.

Мальчики и не думают останавливать фургон. Лола, добрая Лола, несется еще быстрее. Но треск все ближе и ближе.

Вот и Вагнерплатц.

Полицейский на мотоцикле догнал хлебный фургон как раз на Вагнерплатце. Хельмут остановился у самого парка. Юноша слез с козел, обливаясь потом. Он рассказал полицейскому, что лошадь вдруг понесла. По проспекту кто-то нес зеркало, лошадь испугалась, и он не мог с ней справиться. Только тут он сумел, наконец, остановить ее.

Шупо решил отпустить мальчишку-пекаренка. Еще только один вопрос:

— Не сидел ли еще кто-то на козлах?

Крыша хлебного фургона была так высока, что сзади нельзя было разглядеть, кто сидит на козлах. Но полицейскому показалось, что кто-то соскочил с другой стороны:

— Еще кто-то? — удивленно спросил Хельмут и с таким глупым видом посмотрел на козлы, что полицейский убедился в своей ошибке.

Хельмут еще раз извинился, вежливо откланялся и снова залез на свое сиденье.

Лола вскинула голову и нервно топталась на месте. Она, видимо, снова ждала кнута.

— Это тебе на пользу! — говорил ей нежно Хельмут. — Милая Лола, добрая

Лола, ты вела себя молодцом. Полфунта сахару с меня.

Лола только повела ушами. Она была вся в поту, и ее бока раздувались, как меха. Но она уже успокоилась.

— Но это еще не конец, добрая Лола,— продолжал Хельмут, давая животному перевести дух.—Нужно подождать тут, за углом, может быть, мы еще понадобимся! Может быть, предстоит еще одна здоровая гонка!

Хельмут успел обо всем договориться с Карлушей. Хлебный фургон будет ждать с другой стороны Вагнерпарка. Нельзя знать, что случится во дворце Пангенхорст. И если фургон и не поможет, то, по крайней мере, Хельмут известит кого надо о несчастье.

Он поставил фургон в условленном месте. Дворца Пангенхорст не было видно. Но Хельмут знал, что он тут, за углом. Он соскочил с козел, открыл заднюю дверь фургона и навел внутри порядок: вытащил доску, которая делила фургон на два отделения, и прислонил ее сбоку ребром. Освободилось много места. Столько, сколько нужно для одного человека. Затем Хельмут сдвинул все корзины в один угол. Теперь освободилось место для двоих.

Хельмут снова закрыл дверь, но не сел на козлы.

Он стоял и внимательно смотрел по сторонам.

На площади было пусто, словно все тут вымерло. Здесь жили богатые капиталисты в собственных домах. Не было ни магазинов, ни ресторанов. Вообще в этих двухэтажных виллах обитало мало людей. Потому здесь было небольшое движение. И мало полицейских.

Хельмут был спокойный парень. Но теперь и он должен был собрать всю силу воли, чтобы сохранить хладнокровие.

Хельмут стиснул зубы. Во всяком случае, он решил помогать до конца. Что до него лично, то он не оставит Карлушу и фрау Бруннер, даже если и его арестуют вместе с ними. Будь что будет.

И Хельмут сунул руки в карманы.

11-я глава, в которой Ванька-встанька участвует в борьбе, со строительных лесов спускают чан с краской и Лола, добрая Лола, увозит странную поклажу

Пока Карлуша пересекал Вагнерплатц, пробираясь к дворцу Пангерхорст, он с молниеносной быстротой обдумывал, как и где предостеречь мать. Разумеется, ее надо подкараулить на улице. Но с какой же стороны она придет? Ну а что если она уже в доме? Надо сначала узнать, что произошло за это время. Он сможет потом снова вырваться на улицу.

Когда Карлуша ворвался в под'езд, он столкнулся с каким-то господином, который, держа в руках зажигалку, хотел закурить сигару. Карлуша отступил на шаг, чтобы обойти его. Но вдруг остановился.

Он остановился точно парализованный от страха и молча смотрел на этого господина. Карлуша почувствовал себя внезапно жучком, который прикидывается мертвым, когда его кладут на ладонь.

Он узнал этого человека. Это был тот самый шпик, который гнался за ним на трамвае. Шпик с сигарой в руках тоже смотрел на Карлушу.

Карлуша рванулся и помчался вверх по широкой белой лестнице.

Шпик посмотрел ему вслед. Лицо мальчика показалось ему знакомым. Где он его видел? Шпик не мог вспомнить. Но этот мальчишка — грумм Пангенхорста — тоже находится под подозрением. Теперь он в доме, и этого вполне достаточно... При допросе выяснится, откуда он его знает. Из дому он, во всяком случае, не уйдет.

Сыщик снова щелкнул зажигалкой, которая никак не хотела загораться. Он долго возился, пока показался огонек, и, может быть, в этом и было карлушино спасение: зажигалка отвлекла шпика от мыслей.

Карл неслышно пробежал по коридору. Все было тихо и пусто. Неужели он опоздал? Нет, если бы мать уже была арестована, шпику незачем было бы вертеться у входа. Нужно сразу же повернуть обратно и бежать маме навстречу. Но прежде надо узнать, что произошло в доме.

Карлуша подошел к двери тетушкиной каморки. Она была только прикрыта. У него кольнуло в сердце. Он вспомнил дверь на Ильзенштрассе, которая перестала закрываться. Карлуша медленно отворил ее. Так! То же самое, что и на Ильзенштрассе: все вещи из шкафа и из ящи-

ков выброшены на пол, матрацы распороты, бельевая корзина, в которой хранилась копировальная машина, валялась пустая среди комнаты.

Тетушка Мари не могла скрыться по крышам, как это сделала мама. Они ее, наверное, увезли.

Но Карлуша не мог предаваться горю. У него была еще другая забота, другая задача, которую надо было немедленно разрешить: его мать должна быть предупреждена.

Он быстро вошел в комнату и почистился. Пыль и грязь на его костюме могли показаться подозрительным. Он повернулся было к дверям, чтобы бежать дальше, и вдруг увидел на полу, рядом с бельевой корзиной и своего Ваньку-встаньку. Карлуша поднял его, и колокольчик зазвенел, как всегда. Ванька-встанька попрежнему храбро поднимал свой железный кулачок. Мальчик немного приободрился.

— Пойдем,—прошептал он.—Мы будем вместе!

Войдя в кухню, Карлуша увидел у окна господина Иоганна с полицейским. Они так напряженно смотрели на улицу, что не заметили мальчика.

Господин Иоганн простонал:

— Она должна скоро придти, господин вахмистр. Вот оттуда, мимо ограды...

Теперь Карлуша был в курсе дела. Мать еще не приходила. Но она может придти каждую минуту.

Он повернулся. Он хотел бежать на улицу, встретить ее.

Вдруг он услышал крик господина Иоганна:

— Вот она идет! Вон там, господин вахмистр! Она вышла из Брунхильденштрассе. Видите? Женщина в полосатом платке, с корзиной в руках! Вот она прошла мимо тумбы с афишами! Видите?

Карлуша лихорадочно соображает. Бежать на улицу поздно: он не успеет, не успеет...

Он приближается к окну. Может быть, отсюда подать матери какой-нибудь знак?

— Сохраняйте спокойствие, — ворчит полицейский. — Чтобы ей чего не почудилось! Вы останьтесь здесь. И ничего такого, что бы бросалось в глаза! Понятно? Тут, на лесах, работают каменщики. Чтобы они ничего не заметили... А то дело дрянь. Мы возьмем ее при входе!

Полицейский выбегает из кухни и отталкивает при этом Карлушу в сторону, как стул или корзину.

Карлуша становится за господином Иоганном. Вот идет его мать!

Она спокойно идет, ничего не подозревая. Сейчас она пройдет ограду. Потом завернет за угол. И здесь ее ждет полиция.

Карлуша резко поворачивается и бежит к двери. Он делает это бессознательно: скорее к матери. Но у дверей он приходит в себя. Слишком поздно. Снова бежит он на середину кухни. Там он в нерешительности останавливается. Может быть, все же лучше бежать на улицу? Опять к двери. Опять назад. Как загнанная в мышеловку мышь.

Карлуша бежит к окну. Ему наплевать на господина Иоганна. Теперь ему все равно.

Его мать проходит внизу. Мимо ограды. Сейчас она будет на углу! И она не смотрит наверх.

— Прочь от окна, — шипит господин Иоганн, хватает Карлушу за воротник и хочет его оттащить.

Но Карл кричит во всю силу своих легких:

— Мама, мама! Беги!

Женщина в полосатом платке смотрит наверх. В окне никого уже нет. Она быстро поворачивается и бежит обратно. На ближайшем углу она ставит на панель корзинку и кидает в нее свой платок и шляпку. При повороте в Брунхильденштрассе Гедвига Бруннер выглядит уже совсем иначе.

У окна никого нет. Господин Иоганн оттолкнул Карлушу. Он так ошарашен, что только хрипло каркает:

— Что это? Что это?

Карлуша ударяет господина Иоганна в живот и вырывается. Он хочет бежать к окну. Но господин Иоганн загораживает ему дорогу и хватает его снова.

Начинается дикая, отчаянная борьба. Господин Иоганн вдвое выше Карлуши и, вероятно, вдвое сильнее его. Но это не всегда решает дело.

Карл храбро борется: руками, ногами, зубами. Маленький дикий волчонок...

Кухонный стол опрокинут. Тарелки, миски, стаканы валяются разбитые на полу.

Карлуша выхватывает из кармана своего железного Ваньку-встаньку. Этак будет крепче. Он бьет им господина Иоганна изо всех сил.

— Вот тебе, старый негодяй! — кричит он, и глаза его горят. — Рот фронт!

Поднятый железный кулачок бьет сквозь

ливрею и манишку. Господин Иоганн чувствует колющую боль. У него начинается припадок кашля, и он шатается. Но не выпускает из рук карлушиной куртки.

Падая, он тянет за собой и Карлушу. Мальчик быстро выскальзывает из куртки. Она остается в руках господина Иоганна. Карлуша вырывается.

И пока господин Иоганн лежит на полу в припадке кашля, Карлуша вскакивает одним прыжком на подоконник. Щеки его горят, глаза сверкают. Он тяжело дышит.

— Рот фронт! — упрямо кричит он лежащему лакею.

Карлуша больше не в ливрее. Он чувствует себя свободным.

Прямо с подоконника спускается на лестницу, приставленную к лесам.

Карлуша смотрит вниз. Нет, так ему не выбраться из дому. Наверх! На крышу! Мама бежала тоже так. Может быть, и ему это удастся. И Карлуша, как белка, легко и ловко подымается вверх. Он всегда был хорошим гимнастом. Теперь это ему пригодилось.

Карл подымается все выше и выше. Он еще не успокоился после схватки с господином Иоганном. Он точно опьянел.

Каменщики, работающие вверху на лесах, и те, что мешают внизу цемент, изумленно настораживаются.

— Рот фронт! — раздается звонко, как песня жаворонка в солнечном майском воздухе.

В кухню вбегают двое полицейских. Лакей все еще лежит на полу и кашляет.

— Где этот дрянной мальчишка? — рычит красный от ярости полицейский. — Он нам спугнул эту бабу.

Господин Иоганн не может ответить. Он кашляет и показывает на окно.

— В окно? — заревел полицейский. — Этот осел выпустил мальчишку. Теперь ищи ветра в поле.

Полицейские вылезают в окно. Они становятся на лестницу и видят высоко над собой маленького мальчика в голубых штанах и голубой рубашке. Он как раз взбирается на верхнюю платформу лесов.

Но полицейские и не думают лезть за ним по отвесной лестнице: стоит ли ради какого-то дрянного мальчишки ломать себе шею? С одной платформы на другую перекинуты мостки. По этим мосткам они и направляются наверх.

Там работают каменщики. Те, что когда-то больно обидели Карлушу.

Когда оба шупо, кряхтя и задыхаясь, достигают верхней платформы, мальчика и след простыл.

Рабочие спускали в это время с другой стороны лесов на веревке чан с краской.

— Где мальчишка, который только что влез наверх? — кричат в один голос оба шупо.

Рабочие спокойно на них смотрят и продолжают работать.

— Мы только что пришли... — говорит один.

— Мне кажется, я его видел внизу. Такой маленький, в голубых штанах? — говорит другой.

— Да, да, но куда же он исчез?

— Может быть, он влез на крышу? — говорит первый и кивает головой на лестницу.

Он может только кивнуть, так как руки его заняты: он держит веревку, к которой крепко привязан чан.

И в то время как полицейские лезут на крышу, чан болтается на веревке между небом и землей и медленно опускается. Но, видимо, он переполнен. Содержимое прикрыто сверху курткой одного из рабочих.

Внизу, у основания лесов, стоят четверо рабочих и напряженно следят за чаном. Наконец, он внизу. Они обступают его, снимают с веревки и осторожно несут к задним воротам сада. Чан, повидимому, не из легких.

После ухода рабочих куртка, прикрывавшая чан, вдруг зашевелилась. Из-под нее осторожно высовывается белокурая мальчишеская голова. Затем из чана вылезает маленький мальчик и быстро натягивает на себя куртку.

Хельмут ждал со своим фургоном у Вагнерпарка. Он начинал нервничать. Охотнее всего он сам пошел бы во дворец Пангенхорст и посмотрел, что там происходит. Но он должен оставаться на условленном месте. А то придут и не найдут его.

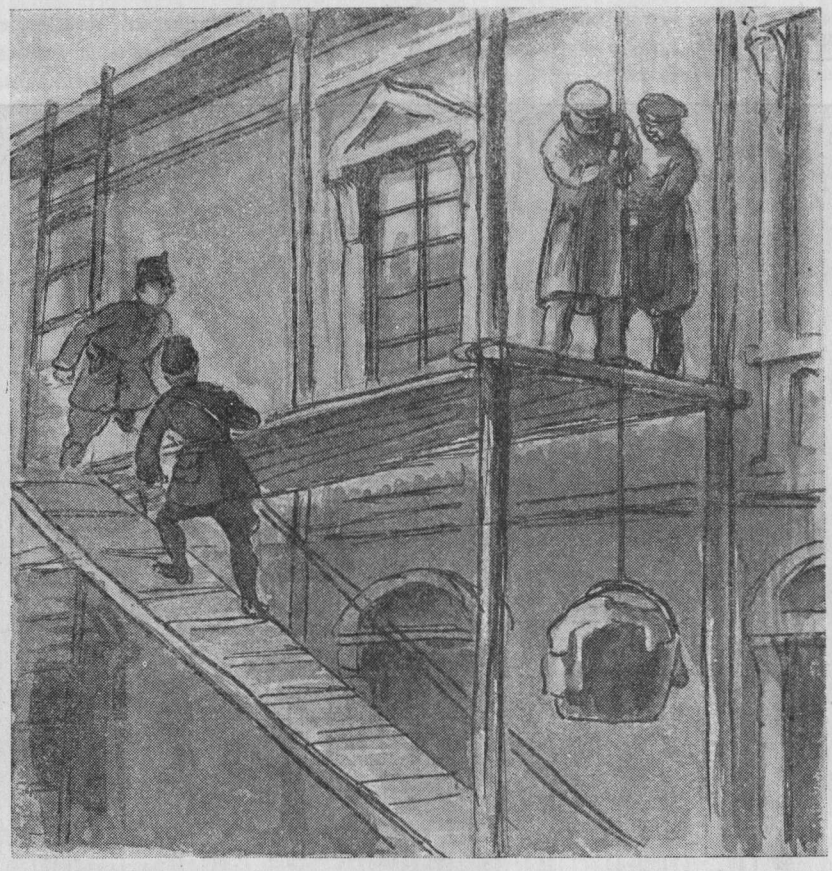
Один раз он услышал крик. Не карлушин ли это голос? Что там случилось? Сердце Хельмута сжалось. Он не сводил глаз с угла Брунхильденштрассе.

Вдруг появилась фрау Бруннер. Хельмут свистнул.

Гедвига Бруннер его сразу заметила. Но она медленно пересекла улицу. Хельмут поразился спокойствию этой женщины. Он открыл дверцы хлебного фургона и сказал:

— Скорее!

Гедвига Бруннер юркнула внутрь, и



Рабочие спускали в это время с другой стороны лесов на веревке чан с краской.

Хельмут закрыл дверцу. Она была в безопасности. Но теперь надо подождать Карлушу. Хельмут прислонился к фургону. Таким образом он мог слышать, что говорит ему изнутри фрау Бруннер: она Карлушу не видела; откуда он кричал, она не знает: схватили Карлушу, или ему удалось бежать — этого она тоже не знает. Надо ждать. Это было тяжкое, мучительное ожидание.

Вдруг Хельмут услышал тихий свист. В парке, за кустом, стоял Карлуша в огромной, не по росту, куртке, перемазанной краской и известью. Взглядом он спрашивал: «Все в порядке?»

Впихнув Карлушу в фургон, Хельмут рассмеялся:

Воображаю, как он удивится...

Едва успел Хельмут сесть на козлы, как мимо промелькнули два полицейских автомобиля.

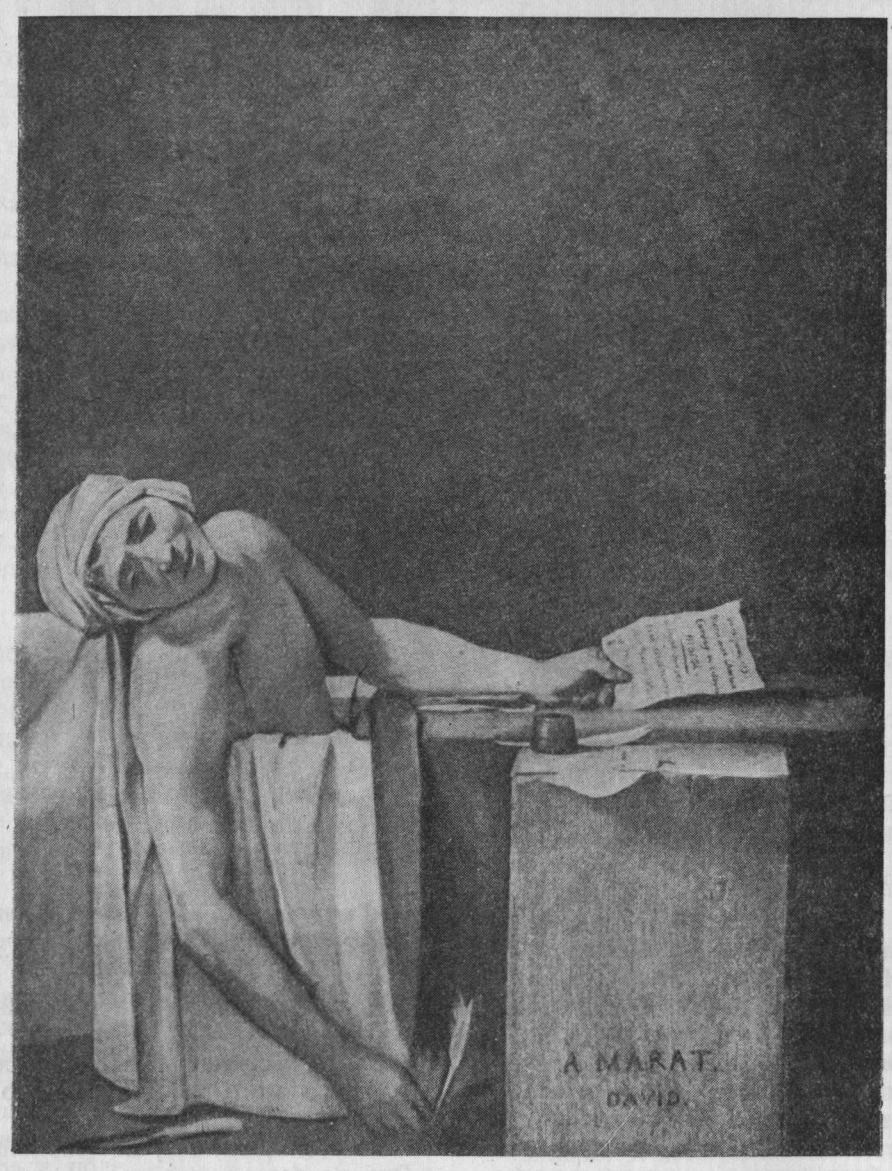
Все окрестные улицы были обысканы.

Полицейские работали быстро. Но наши мальчики — еще быстрее.

Лола, добрая Лола, шла спокойной рысью. Она не без удовольствия слушала песню, которую насвистывал Хельмут:

«У Марихен есть жених.
Он завивает,
Он стрижет,
С нее же денег не берет».

Но Карл не был вполне счастлив: шоколадные конфеты, которые он так долго собирал для матери, остались в ливрее...



Друг народа Марат

Друг народа убит. Измученный тяжелой болезнью, сидя в ванне, в горячей воде, которая немного успокаивала жестокие боли во всем теле, он не переставал работать. Его статьи, его слова читались вслух на людных перекрестках, в мастерских, всюду, где шумел и волновался народ. Так он и был убит за работой, с пером в руке, предательским ударом кинжала в сердце. Парижские рабочие, подмастерья, женщины, весь парижский народ, которому Марат был верным и пламенным другом, со скорбью и гневом проходили мимо его тела. Друг народа лежал на помосте в 40 футов вышиной, обнаженный до пояса, с открытой раной на груди. Ванна, в которой он был убит, стояла рядом; на деревянном чурбане, который служил ему письменным столом, лежала его окровавленная рубашка.

Доктор, лечивший людей и животных, ученый, делавший химические опыты, философ, размышлявший об устройстве мира, Марат в революционные дни 1789 года стал вожаком восставших парижан, разбивших страшную королевскую тюрьму — Бастилию. И с тех пор никто уже не слышал о новых ученых трудах доктора Марата, но все знали друга народа, зоркого революционера, предупреждавшего парижан обо всех происках контрреволюции.

Через три дня после взятия Бастилии Марат начал добывать типографский станок и бумагу для издания газеты.

Мебельщики, кожевники, оружейники, кузнецы уже знали Марата, его невысокую коренастую фигуру в рубашке с расстегнутым воротом, с красным платком на голове. Он быстро стал любимцем парижских санкюлотов — ремесленников и рабочих, получивших свое прозвище от того, что они в отличие от дворянства и знати носили длинные брюки, а не короткие до колен штаны — кюлотт по-французски.

Санкюлоты — презрительная кличка в устах аристократов, стала почетной у народа. И Марат был вождем санкюлотов. Парижские рабочие и ремесленники с радостью встретили листовки и газеты друга народа, как называли тогда Марата и как он сам себя называл.

Грамотных людей было маловато в Париже полтораста лет назад. Особенно среди бедноты. Но Париж не знал более любимой и популярной газеты среди полуграмотных и даже совсем неграмотных людей чем «Друг народа». Эту газету, только что вышедшую из типографии, напечатанную мелким сбитым шрифтом на шершавой грязножелтой бумаге, расхватывали мигом. Народ находил грамотея, он взбирался на лестницу или на табурет и читал всю газету, от доски до доски, жадно слушавшей толпе.

Революция во Франции уже началась, но король Людовик XVI еще сидел на троне и опасливо поглядывал на шумевший вокруг него народ. Он еще считался королем, хотя был на самом деле в плену у народа. Он нехотя шел на перемены, которые предлагали ему народные представители.

Министром финансов при Людовике в это время был Неккер, один из богатейших людей Франции. Он имел огромный капитал в 14 миллионов франков.

Этому министру народ доверял больше чем другим королевским министрам, потому что до революции он пытался провести некоторые реформы, за что король даже отстранял его от должности. Но Марат знал настоящую цену миллионам Неккера. Он писал:

«Его богатство заслуживает только презрения в моих глазах, так как оно нажито ажиотажем (спекуляцией). Поставить спекулянта во главе финансов — значит вручить жулику управление государственной казной, значит погубить государство».

Марат обвинял Неккера в том, что он скрыл от народа план короля—разогнать народных представителей.

— Умолчать о заговоре, который он должен был разоблачить,— гремел голос друга народа,— это значит быть соучастником его. Неккер не разоблачил его. Какой же вывод отсюда? А тот, что нация или должна покарать его как изменника или отстранить его как болвана.

Марат действовал пером, как копьем. Он приставил его к горлу Неккера и требовал ответа. И Неккер ответил. Три тысячи пехотинцев, три тысячи кавалеристов и пять тысяч шпионов обложили район, где жил Марат. Всего двенадцать тысяч человек отрядило правительство Неккера, для того чтобы арестовать Марата.

— Эти военные действия,— вспоминал один из современников,— были столь необычны, что, не будь я очевидцем, я не поверил бы этому.

Двенадцать тысяч на одного!

Тридцать офицеров со шпагами наголо ворвались в домик Марата. Они готовы были разорвать друга народа в клочья. Они все перерыли, истыкали шпагами все углы и, взбешенные, не найдя Марата, расхватали и истерзали все его рукописи, газеты и брошюры. Потом послали гренадеров в типографию, где, по их предположению, Марат печатал свои писания. Гренадеры взломали двери типографии, перебили станки, рассыпали шрифт, разломали все на куски и как победители вышли из типографии с зажженными свечами на концах своих ружей.

Марата, впрочем, они так и не нашли. Народ не выдал своего верного друга.

Революция шла вперед. Сам Марат еще должен был перебираться из одного убежища в другое: часто он не имел возможности проспать двух ночей подряд в одной и той же постели. Но «Друг народа» уже

снова продавался в Париже, и парижские газетчики выкрикивали на улицах:

— Вот возвращение друга народа! Друг народа протестует против деспотизма! Читайте газету друга народа.

Толстый глуповатый король Людовик XVI сидел на своем троне, как на угольях. Он уже подписал кое-какие свободы. Но Марат предупреждал слишком доверчивый парижский народ, что король только и мечтает о том, как бы сбежать от своих подданных заграницу и оттуда пойти на Париж во главе иностранных армий. Не прошло и нескольких месяцев, как король действительно сделал попытку бежать. Ночью он выбрался из своего дворца и в старомодной карете затрясся по направлению к бельгийской границе. Но королю не везло: у кареты сломалось колесо, это задержало его на час, а потом он имел глупость выглянуть из окна экипажа, чтобы поторопить кучера, и здесь почтмейстер городка Сен-Менеула узнал толстую тушу и бурбонский, горбатый нос Людовика. Короля арестовали в деревушке Варенн и под конвоем народа привезли обратно в Париж.

С этого времени народ стал еще больше верить зоркости друга народа. А Марат не успокаивается. Он требует наказания для тех скверных слуг народа, которые чуть не упустили короля. Изменники внутри страны страшней чем враги народа заграницей. Народ должен быть беспощаден и уничтожить их, сколько бы их ни было. Лучше казнить тысячи изменников, чем погубить революцию. А Париж кишел предателями: чтобы оправдать короля, изменники — члены Национального собрания—выпустили прокламацию, в которой убеждали народ, что король и не думал бежать, что он был просто похищен.

Короля поймали, предсказание сбылось, но изменники властвуют в правительстве. Генерал Лафайет рыщет по Парижу, охотится за головой Марата. Но Марат ускользает: он переезжает Ламанш. Его голос слышится уже из Англии.

Париж бурлит. 9 августа 1792 года в Париже вспыхнуло восстание. На следующий день королевский дворец был взят, швейцарцы — телохранители короля — перебиты, король арестован, об'явлена республика.

Париж ликовал. До хрипоты надрывались на улицах ораторы, прославляя революцию, по улицам ходили радостные толпы народа, люди поздравляли друг друга. Но не прошло и трех дней, как беспокойный, подозрительный Марат снова предупреждал парижан. Неужели они не видят, что вчерашние защитники короля вдруг внезапно за одну ночь стали ярыми республиканцами?

— И вы восторгаетесь этой чудесной переменой?! — кричал Марат. — О французы! Неужели вы навсегда останетесь взрослыми детьми?

Все оружие раздать народу — требует Марат. Половину денег, вырученных от продажи имений сбежавших аристократов, раздать парижским беднякам, штурмовавшим дворец. Под суд всех изменников!

Через месяц Марат был выбран гражданами города Парижа в национальный Конвент, который должен был управлять республикой.

Французская революция была не пролетарской революцией, как наша, Октябрьская, которая передала власть в стране рабочему классу. Это была буржуазная революция, и хотя в ней проливали кровь парижские бедняки, власть попала из рук короля и дворян в руки купцов и торговцев. Пролетариат не мог тогда захватить власть: он только нарождался и не был таким сильным и могучим классом, как теперь.

Парижские ремесленники были, конечно, бедняками, но это были не нынешние рабочие, сильные своим единством. Эти люди сидели каждый в своей мастерской, в одиночку, по-двое, по-трое. Они были голодны и ненавидели богачей-дворян. Они были доверчивы, и их легко было обмануть. Не удивительно, что в Конвенте оказалось мало друзей и защитников народа.

Через пять дней после открытия Конвента партия жирондистов—самая сильная партия в Конвенте, представители богатых классов,—потребовала изгнания Марата из Конвента.

— Этот человек,—орали жирондисты,—призывает к восстаниям, к мятежам, это—существо, вредное для общества!

Когда Марат вышел на трибуну, его встретили бешеными криками:

— На гильотину[1] Марата! — кричали жирондисты.

— Я не боюсь ничего на свете,—ответил Марат беснующимся жирондистам.—Но я должен заявить, что если будет

[1] Гильотина — орудие казни, изобретенное во время французской революции.

принят предложенный против меня обвинительный декрет, я размозжу себе голову у подножия этой трибуны.

С этими словами он выхватил из-за пояса пистолет и приставил его ко лбу. Перед этим жирондисты отступили. Если бы Марат покончил с собой, им бы не уберечь голов от раз'яренного народа.

Между Маратом и жирондистами завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. У Марата был особый нюх на изменников. С трибуны Конвента он пальцем в лицо указывал будущих предателей. И не было случая, чтобы он ошибся.

Среди депутатов Конвента были тайные защитники короля. Но народ требовал его казни. И Марат писал:

«Я поверю в республику только тогда, когда голова Людовика XVI не останется на его плечах».

Людовик был казнен. Но Марат не успокоился. Теперь он поставил себе целью уничтожить жирондистов. Он так энергично поднимал народ против них, что в Конвент стали приходить целые депутации и требовали суда над жирондистами.

Тогда жирондисты предали Марата суду. Узнав об этом, Париж вскипел. Когда до Марата дошло, что возмущенный Париж готов идти походом на Конвент, он вышел из подполья, где скрывался, и явился на суд.

На суде он не защищался. Он обвинял. Он напал на жирондистов и требовал наказания для них. Суд над Маратом превратился в его торжество. Оправданного Марата вынесли на руках из суда, и огромная толпа радостно и возбужденно понесла его по улицам Парижа в Конвент. Его внесли на трибуну. Рукоплескания не давали ему говорить.

Вечером в якобинском клубе его засыпали живыми цветами.

— Оставим все эти ребячества! Подождите конца моей карьеры, чтобы венчать меня венками цветов!—крикнул Марат. Он чувствовал, а может быть, и знал, что конец его недалеко.—Теперь будем думать только о том, чтобы раздавить наших врагов.

Через месяц большинство жирондистов было выгнано из Конвента новым, грозным восстанием парижской бедноты. Их вожди были арестованы, впоследствии многие из них лишились голов.

Марат заболел. Больной, сидя в ванне, он продолжал работать, писал, принимал делегации парижан, приходивших справиться о его здоровье и поговорить о делах революции. Они просили Марата беречь себя, но Марат ответил:

— Мое единственное желание—сказать при последнем издыхании: «Я умираю довольный, так как отечество спасено».

Утром 13 июля 1793 года в квартиру Марата постучалась незнакомая высокая девушка. Привратница сказала, что Марат болен. Девушка ушла. Днем Марат получил от нее письмо. Оно было подписано незнакомым Марату именем Шарлотты Кордэ.

«Я хочу сообщить о заговоре против республики в городе Кане. Жду вашего ответа»,— писала Кордэ.

Часов около пяти вечера незнакомка снова постучалась в дверь Марата. Привратница снова не пустила ее.

— Как неприятно, как отвратительно, что я не буду принята!—сказала громко, почти крикнула незнакомая девушка.— Получил ли он хотя бы мое письмо?— продолжала она кричать в расчете, что Марат должен ее услышать.

Марат попросил свою жену Симонну Эврар впустить настойчивую посетительницу. И Симонна прервала спор у дверей и пригласила ее войти к Марату, а сама вышла.

— Это вы мне писали? — спросил Марат.

— Да,— ответила Шарлотта Кордэ.

Она стала рассказывать, что 18 депутатов Конвента собирают в Кане армию для освобождения Парижа от санкюлотов, и Марат под ее диктовку стал записывать имена заговорщиков.

Пока Марат писал, она выхватила спрятанный в платье кинжал и ударила его в грудь. Марат только крикнул:

— Ко мне, мой друг, ко мне!

Так, от руки контрреволюционерки, подосланной жирондистами, погиб друг народа.

Художник Давид оставил нам его изображение, печальное и торжественное. Здесь он едва ли похож на живого Марата, каким его видел на улице и в Конвенте парижский народ — санкюлота с красным платком на голове. Давид сделал его похожим на героя древности, на римского трибуна, которых чтили тогда французские революционеры. Так почтил Марата и Давид — художник французской революции.

Б. Ивантер

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «КОМПАС»

«Известия Географического общества» читателей журнала «Пионер» № 8

О. Ю. Шмидт.

Э. Т. Кренкель.

В. А. Обручев.

Н. И. Баранский.

Н. В. Крыленко.

Г. А. Ушаков.

Выборы в совет Географического общества закончены. В совет вошло четырнадцать взрослых и пятнадцать ребят. Портреты всех взрослых членов нашего совета вы видите на этой странице. Это путешественники, ученые, писатели, посвятившие свою жизнь изучению и перестройке нашей родины.

Наши читатели прислали в редакцию очень много проектов значков для членов Географического общества, но большинство ребят пишет, что лучше всего, по предложению писателя Некрасова, сделать значком настоящий маленький компас. Так мы и решили.

Название для нашего Общества решено оставить прежнее — Географическое общество «Компас».

Б. С. Житков

А. Е. Ферсман

А. А. Борзов.

Н. Н. Зубов.

И. М. Губкин.

К. Г. Паустовский.

М. П. Лоскутов.

А. С. Некрасов.

В пятом номере журнала «Пионер» мы предложили свой проект устава для Географического общества. Этот устав принят нашими читателями с одной поправкой: действительными членами Общества могут быть только те ребята, у которых по географии отличные отметки.

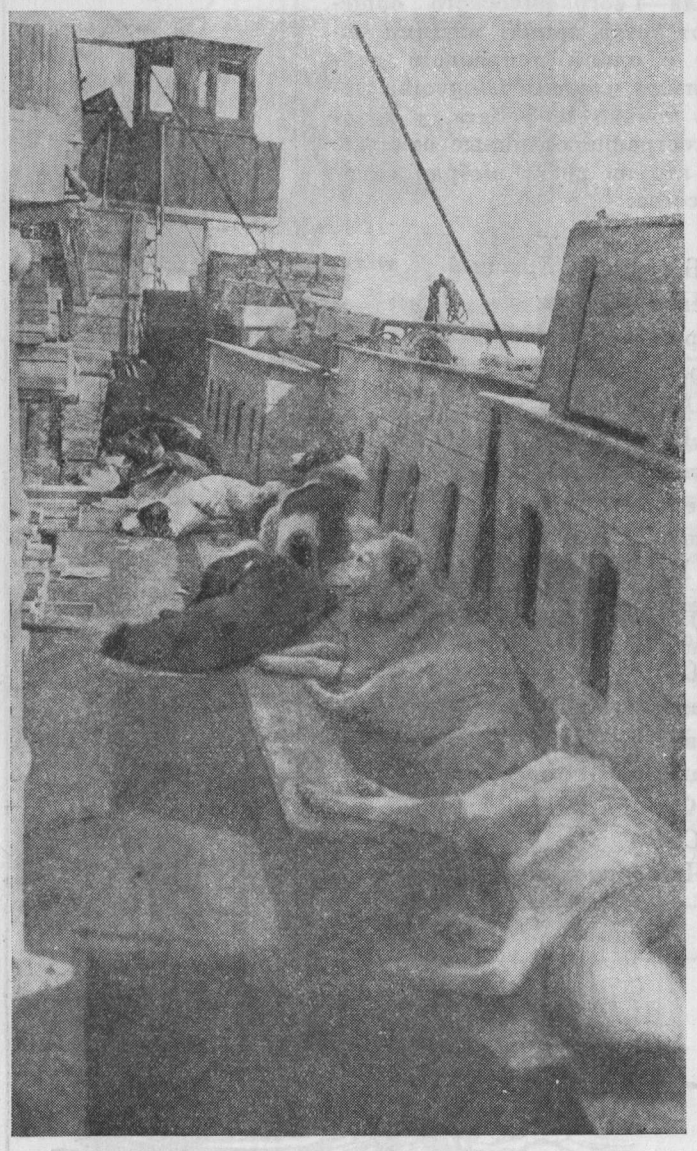
А вот кто из ребят выбран в совет Общества:

Игорь Березин — *Красный холм, Калининской области*
Боря Воробьев—*Москва*
Арон Гольдварг — г. Яшкунь, Калмыцкой АССР
Женя Городилов—*город Глазов, Удмуртской АССР*
Коля Дренов—*Калуга*
Женя Лютиков—*Москва*
Валерий Малин—*Москва*
Олег Оленичев—*Сухум*
Боря Поздняков—*Джезказган, Казахской ССР*
Женя Разиков—*Москва*
Олег Смирнов—*Калуга*
Боря Фадеев—*Москва*
Виктор Федорчук—*Тюлькубас, Казахской ССР*
Алеша Четвериков— *Амвросиевка, Донбасс*

Каюр Журавлев и его собаки

О Федоре Сергеевиче Журавлеве написал для „Пионера“ известный полярник-челюскинец Погосов, тот самый, который был начальником аэродрома на льдине в лагере Шмидта. Погосов и Журавлев—большие друзья. Они вместе участвовали в высокоширотной экспедиции на „Садко“. Вместе охотились на белых медведей, тюленей и песцов.

Архангельск — это ворота в Арктику. Ежегодно с ранней весны он кишит озабоченными, торопливыми людьми. Чем ближе к лету, тем больше людей небритых, усталых. Забывается сон. Светлая, солнечная ночь сливается в одно целое с днем. Не спят команды ледоколов, не спят на складах, не спят в управлении Севморпути. Ледоколы, пароходы, боты готовятся к походу в студеные моря Ледовитого океана.



Собачьи домики на палубе «Садко».

Летом прошлого года одним из первых оставил Архангельск ледокол «Садко».

«Садко» уходил в высокоширотную экспедицию в самые северные районы Арктики, в места, где на картах белые пятна, где не бывало ни одно судно. Задачей экспедиции было изучить эти неведомые районы. Мы тщательно подготовились к походу. «Садко» уходил, может быть, на четыре месяца, а может быть, и на полтора—два года. Надо было быть готовыми к зимовке в дрейфующих льдах и к высадке на лед. Мы везли с собой походные палатки, разборные домики, меховое снаряжение, самолеты, продовольствие на два с половиной года и, наконец, ездовых собак.

В день отхода «Садко», в самый разгар погрузки, на пристани появилась целая свора мохнатых псов. Казалось, что для них уже не найдется места. Все палубы «Садко» были сплошь завалены ящиками, бочками, досками, бревнами и тюками. Но вот матросы под руководством нового на корабле высокого человека с добрыми спокойными глазами расчищают место на

верхней палубе. Затем появляются длинные низенькие домики. Их расставляют квадратом, и на палубе получается дворик. Жилье собакам готово, и их одну за другой вводят на ледокол. Собак размещает по местам тот же человек. На нем высокие болотные сапоги и кожаная тужурка, давно потерявшая свой первоначальный цвет. Его лицо обветрено и покрыто множеством мелких морщинок — следами жесточайших морозов, леденящих ветров и жгучего полярного солнца. Это каюр нашей экспедиции Федор Сергеевич Журавлев.

Каюр — это проводник. Он управляет собачьей упряжкой. Каюр должен знать собак и уметь готовить их к ездовой работе. Кроме того каюр должен отлично знать север, уметь ориентироваться в любых условиях: по солнцу, по звездам, в пургу и в туман, прекрасно стрелять и знать повадки зверя. Всеми этими качествами Федор Сергеевич обладает в полной мере.

Суровая, полная опасностей жизнь приучила его к спокойствию и сдержанности. Он спокоен и сейчас, в грохоте погрузки, делает все не спеша, но быстро и ловко. Немного смущают Журавлева поросята и бык, которые тоже поручены его попечению. Особенно поросята. За долгие годы жизни на Новой Земле Журавлев совсем отвык от домашних животных. Слушая неистовый поросячий визг, он озабоченно покачивает головой. Да, поросята—это не белые медведи или моржи! Те куда привычней! Собаки, повидимому, того же мнения. Они яростно рвутся к поросятам и поднимают невыносимый лай и вой. Журавлев расхаживает среди беснующихся животных, и к моменту отхода «Садко» они все удобно устроены и притихают.

На «Садко» погружено все, начиная от примусных иголок и швейной машины до самолетов и сложнейших научных приборов. Распрощавшись с «Большой землей», как называют полярники материк, мы берем курс на север. На ледоколе начинаются будни, полные напряженной работы.

Журавлев встает всегда ровно в 5 часов утра и, натянув брезентовую робу, начинает кормить, убирать и, если надо, лечить своих подначальных — животный мир садковцев. Конечно, больше всего он любит собак. Собака — его друг, товарищ, помощник, ученик. За девять зимовок на Новой Земле он оценил полезность, преданность

Утро в пути. Собак во время ночлега почти занесло снегом.

и незаменимость этих непритязательных помощников. В безлюдных просторах Арктики, даже после появления аэросаней, самолета и вездехода, собака сохраняет свое транспортное значение. А не так давно собачий транспорт был единственным. Только в тундре с собаками соперничали олени. Собаки возят, стерегут, помогают в охоте.

Журавлев три года проработал инструктором промыслов на Новой Земле. Ему случалось проделывать на собаках не меньше 3500 километров в зиму. Он из'ездил Новую Землю вдоль и поперек. В каждой самой глухой промысловой избушке знают его быструю дружную упряжку и широкий след его легкой нарты. И везде Журавлева любят и уважают; он избран членом островного совета.

Воспитанные и выученные им собаки ценятся на Новой Земле особенно высоко. И не зря. Лаской и терпением, внимательным уходом и хорошей пищей Федор Сергеевич вырастил не одну упряжку прекрасно обученных собак, сильных, выносливых, умных и послушных.

С собаками у Журавлева чудесные отношения. Он с ними беседует, ворчит на забияк, читает им нравоучения.

Утреннее появление Журавлева собаки встречают восторженным лаем, визгом, рычанием и лязгом цепей. Они мечутся и рвутся к заветному ведру с кусками черного тюленьего мяса. Подымается страшный шум. Махно, прозванный так за свой бандитский нрав, остановленный в своем стремительном прыжке цепью, оскалив клыки, бросается на своих соседей. У Махно кровь овчарки, он изящен и красив. У него строй-

ные ноги, длинное туловище и широкая сильная грудь. Его сосед справа, Капитон, большой сильный пушистый пес, всегда спокоен. Он не желает ввязываться в ссору. С внушительным рычаньем он прыгает на крышу конуры и выжидающе смотрит на хозяина и на ведро. Он знает, что Журавлев его не забудет. Про Капитона Федор Сергевич говорит:

— Самый добросовестный пес! Тянет за двоих... Хороший пес...

Вероятно, поэтому Капитону чаще других перепадает лишний кусок мяса, подымающий шумное недовольство остальных.

Так же внимателен Федор Сергеевич и ко второму добросовестному труженику— Мальчику. Мальчик непохож на Капитона. Он маленький, забитый, невзрачный, его часто обижают другие собаки, но в работе Мальчик бесподобен. Он тянет нарты, крепко упираясь всеми четырьмя ногами, низко опустив голову, и не терпит, когда кто-либо вырывается вперед из упряжки. Команду каюра он исполняет моментально. Поэтому Мальчика запрягают на ответственном месте — с правого края. Слева запрягают главную собаку в упряжке — передовика. Если бы не маленький рост и скромность, Мальчик, несомненно, был бы прекрасным передовиком.

Удивительно удачно подобраны имена у питомцев Журавлева. Вот, например, Вулкан. Он стремителен, порывист, бурно проявляет свои чувства. Ласкаясь, Вулкан валит хозяина с ног... Совсем другой характер у двух аристократов — Барона и Бека. Они ленивы, не любят работать, осанка у них горделивая. Они держатся особняком, друг с другом дружат, рядом дерутся, рядом идут в упряжке, от других собак сторонятся. Бек, как настоящий восточный князь, особенно ленив. Очень хорош Цезарь, овчарка почти чистой крови. Он еще молод и неопытен, но из него выйдет первоклассный вожак упряжки.

Но, конечно, самая замечательная из всех собак Журавлева — это Гайдо, громадный черный с белым пушистый пес. Гайдо не знает цепи. Он и на ледоколе свободен и расхаживает, где вздумается. Никому даже в голову не придет привязать Гайдо. Он всем внушил уважение к себе. Держится Гайдо очень скромно, тихо, но с достоинством. Он вхож во все каюты. Его можно увидеть и на капитанском мостике, и на камбузе, и в кочегарке, и в машинном отделении. Везде Гайдо встречают лаской. Он никогда ничего не испортит и не возьмет без разрешения. Бесшумно и неторопливо ходит Гайдо по всему кораблю. Он прекрасно к нему приспособился и ловко взбирается по железному трапу.

Гайдо — верный друг и помощник Журавлева. На промыслах он делит с ним труд и опасности. В упряжке Гайдо заменяет по своей силе нескольких собак. Журавлев никогда не подгоняет его: он верит в добросовестность собаки. Если Гайдо останавливается, поворачивается и смотрит на хозяина, Журавлев понимает: груз слишком тяжел, надо разгрузить, уж Гайдо не обманет, он не лодырь. Гайдо очень силен и спокоен. Он слишком уверен в своем превосходстве, чтобы драться с другими собаками. На него не решаются напасть даже самые задиристые, а если это случается, Гайдо мгновенно опрокидывает

Мальчик — одна из лучших собак Журавлева.

Гайдо на своем любимом месте, на баке ледокола, откуда видно все, что делается кругом.

забияку, победно придавливает его своей громадной лапой к земле, подержит так и затем медленно и пренебрежительно отходит прочь.

По утрам, когда Журавлев приходит кормить собак, Гайдо сопровождает его. Медленно проходит он среди беснующихся на своих цепях собак, не обращая внимания на оскаленные клыки и рычанье. Затем садится в стороне и наблюдает за кормлением. Глядя в такие минуты на Гайдо, я был уверен, что он презирает невыдержанность своих собратьев.

Гайдо всюду сопровождает Журавлева. Если тот входит куда-нибудь, куда нельзя войти собаке, Гайдо ложится у двери и не сводит с нее глаз. Когда Журавлев едет с промыслов домой, к семье, которая последнее время живет в Архангельске, с ним вместе едет и Гайдо. Там он занимается мирной домашней работой: на специальных маленьких саночках он возит с рынка продукты, на тех же саночках доставляет по утрам младших ребят в школу.

По вечерам Журавлев часто рассказывал нам о своей полной приключений жизни. У его ног ложился Гайдо и, положив на лапы умную голову, слегка приподняв брови, казалось, слушал и припоминал.

Журавлев рассказал, как он жил с женой в глуши в промысловой избушке. Жена должна была вот-вот родить ребенка. До ближайшего становища, где ей могли помочь, было километров восемнадцать. Журавлев решил доставить жену туда. В ясный, хороший день они вышли из своей избушки. Женщина шла медленно, часто останавливалась отдыхать. Когда Журавлевы прошли километров восемь, внезапно подул сильный ветер, стало пуржить. Быстро наметало рыхлые сугробы. Идти становилось все трудней. Жена Журавлева все чаще присаживалась отдохнуть. Журавлев понял, что ей не дойти. Тогда он снял с себя всю верхнюю меховую одежду, укутал жену, усадил ее на

снег и побежал обратно, к избушке. Навстречу дул бешеный ветер. Весь мокрый и измученный прибежал Журавлев домой, тотчас же запряг собак и помчался к жене. Верная упряжка, несмотря на снег и ветер, неслась изо всех сил.

На прежнем месте Журавлев жены не нашел. На его выстрелы и крики никто не отозвался. Он снова вскочил на нарты и погнал в становище. Но жена туда не приходила. Журавлев вернулся обратно и начал раскапывать сугробы. И в одном из них действительно нашел жену. Пригревшись в мехах, она сладко спала под снегом.

— Федя! Как ты быстро? — удивилась она спросонок.

Счастливый Журавлев молча усадил ее на нарты, и измученные собаки снова двинулись к становищу. В ту же ночь родилась у Журавлевых дочка Нина.

Журавлев убил несколько десятков медведей, больше 700 песцов и множество морского зверя.

Однажды Журавлев, он был тогда каюром полярной станции на мысе Желания, выехал смотреть песцовые капканы. Сняв двух песцов, Журавлев возвращался берегом обратно. Вдруг он заметил на береговом припае белого медведя. Медведь стерег у отдушины нерпу. Привязав собак, Журавлев подкрался к увлеченному охотой зверю, засел за торос и стал наблюдать.

Медведь, крупный самец, в свою очередь, притаившись, наблюдал за нерпой. Нерпочка уже давно выглядывала из отдушины, не решаясь вылезть на лед. Приподняв из воды свою острую мордочку, она осторожно оглядывалась и бесшумно исчезала. Медведь терпеливо ждал. Он положил морду на лапу и прикрыл второй лапой кончик носа, темное пятнышко, которое могло его выдать. Нерпочка выглядывала все смелей и чаще. Наконец, она вылезла. Еще минуты две, высоко подняв голову, она оглядывалась и прислушивалась, затем спокойно прилегла у края отдушины. В тот же момент медведь одним прыжком очутился около нерпы и, размозжив череп, отшвырнул ее подальше от воды. Удар был так силен, что нерпа не успела шевельнуться.

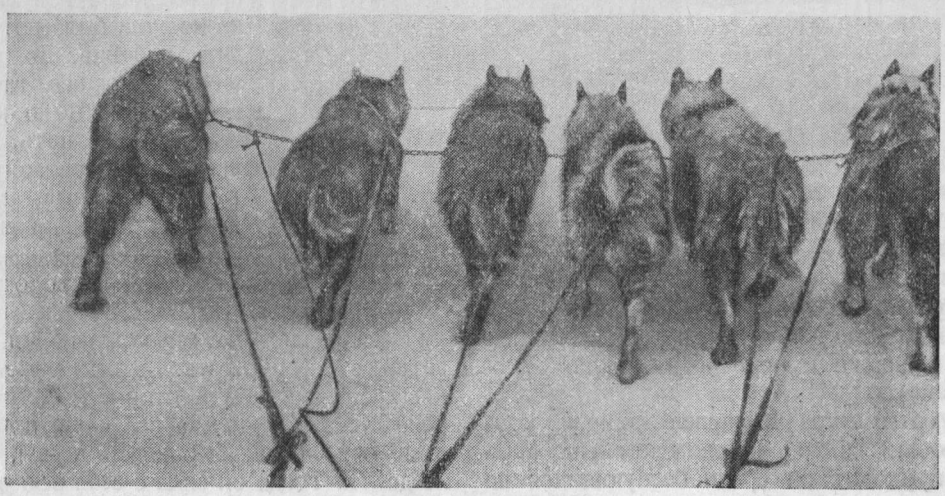
Медведь спокойно принялся было за еду, но тут наступил черед действовать второму охотнику. Журавлев не спеша прицелился, выстрелил, и могучий медведь обмяк и рухнул на еще теплый труп нерпы.

Журавлев поднялся и вдруг увидел, что за ним самим тоже идет охота. Второй медведь — и совсем рядом — уже приготовился к прыжку. Выстрел в упор оборвал этот прыжок. Громадный зверь упал в двух шагах от Журавлева.

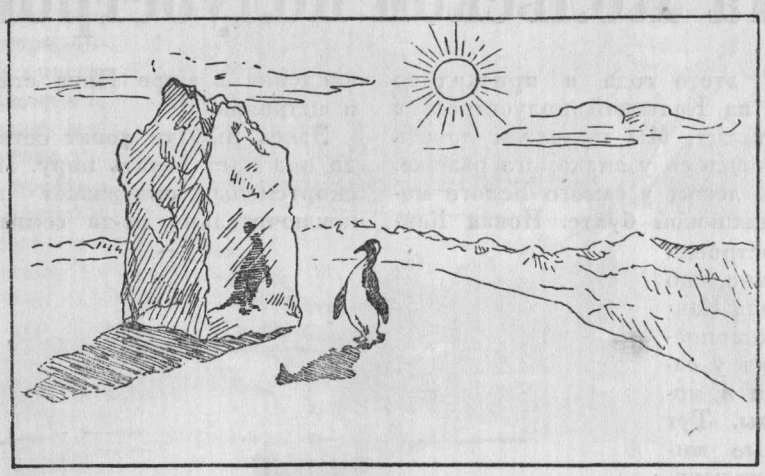
Федор Сергеевич присел на торос и вытер пот. Он просидел так несколько минут. Потом вслух выругал себя за неосторожность, поднялся и пошел снимать с медведей шкуры.

Федор Сергеевич сейчас на севере. Он зимует на полярной станции на мысе Челюскин. И, конечно, вместе с ним его верные друзья и помощники — собаки.

А. Погосов



Упряжка в пути.

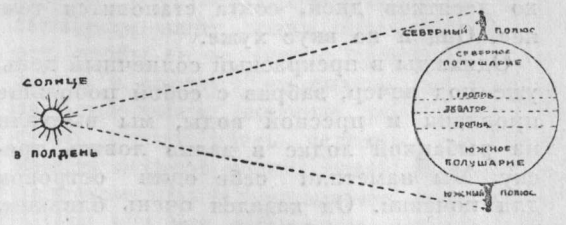


Забавная пингвиниха и география

Л. Успенский

Помните фильм про «забавных пингвинов»? Вот на нашем рисунке тщеславная пингвиниха р о в н о в п о л д е н ь охорашивается перед своим ледяным зеркальцем. Говорят, что пингвины недурно знают географию: по крайней мере, никто никогда не видел заблудившегося и потерявшего дорогу пингвина. Попробуйте доказать, что и вы географ не хуже: определите, где на этой картинке север, где юг, где восток и запад?

«Подумаешь, какая хитрость! Дело-то — совсем пустяк: ровно в полдень солнце стоит



на юге, а тень падает на север. Значит, пингвиниха смотрит на восток, а ее отражение — на юг». Тот, кто скажет так, недостоин даже звания пингвина: он не знает географии. Где живут пингвины? На севере? Никогда! Они живут только в холодных странах южного полушария. А раз это так — перед нами не Арктика, но Антарктика. Спрашивается: в какой же стороне неба стоит солнце в полдень в Антарктике? На юге? Посмотрите на чертеж.

Все люди из всех точек земли, не лежащих между тропиками, видят солнце в полдень в той стороне, где находится экватор, как раз потому, что только жители тропической полосы могут видеть его прямо над головой. Значит, обитатель северного полушария, чтобы увидеть солнце, должен повернуться лицом *к экватору, т. е. к югу.* Но тот, кто в этот же миг захочет полюбоваться на солнце из южной половины земли, вынужден будет тоже стать носом *к экватору, т. е. на север.* В южном полушарии солнце в полдень стоит не на юге, как у нас, а на севере; а тень, наоборот, ложится не к северу, а к югу. Очевидно, наша пингвиниха прихорашивается, обернувшись к северу спиной. Налево от нашей картинки — запад, направо — восток.

Надо всегда уметь правильно определить страны света, иначе какой же из вас выйдет мореплаватель, летчик, разведчик или танкист?

На Кольском полуострове

13 августа этого года я приехал со своим отцом на Кольский полуостров, в город Кандалакшу. Мы приехали ловить рыбу и остановились у знакомого рыбака.

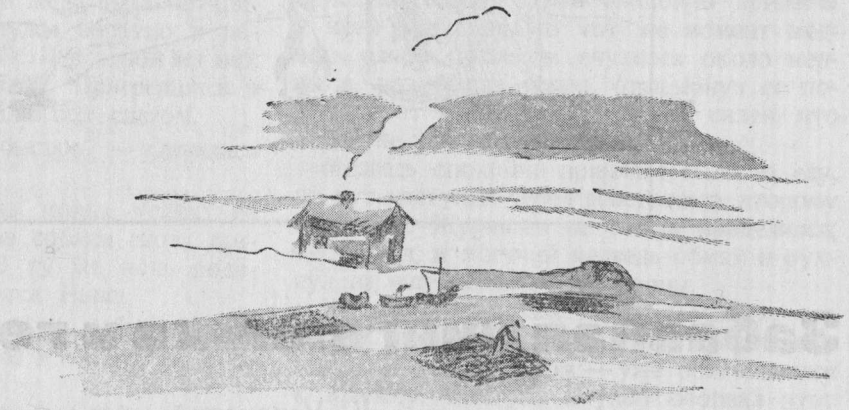
Кандалакша лежит у самого Белого моря, в Кандалакшской бухте. Новая Кандалакша построена совсем недавно, но есть еще Старая Кандалакша — живописная деревенька у самого впадения в море реки Нивы. Тут живут коренные жители — рыбаки-карелы. Они образовали рыбацкий колхоз и ловят семгу, сельдь и треску.

Кандалакшская бухта защищена Хибинскими горами. Они здесь только начинаются и не очень высоки. Чем дальше к Кировску, тем горы становятся выше. Кандалакша лежит у подножия трех гор: Крестовой, Лысой и Медвежьей. На макушке Лысой горы, там, где уже нет растительности, установили буровую вышку и ведут изыскательные работы. Уже известно, что в Лысой горе много алюминия.

Лес вокруг Кандалакши дикий. По нему трудно ходить: все время приходится перелезать через поваленные деревья. Ветер легко валит деревья, потому что поверх гранита лежит только тонкий слой земли, на котором растет мох. Под мхом часто оказываются ямы. В лесу много ягод: брусники, голубики, черники. Очень много грибов. Водятся медведи, лоси, россомахи, зайцы, глухари, куропатки.

Я очень полюбил этот интересный и живописный край. Тут много больших и маленьких озер, много болот. Из озер и болот вытекает множество речек. Особенно хороша река Нива. Она вытекает из озера Имандра. Эта горная река такая быстрая, что не замерзает и в самые сильные морозы. Она вся в порогах, и ее немыслимо переехать на лодке, но у впадения в море Нива становится тихой и широкой.

Здесь рыбаки ловят сетями семгу, когда она идет метать икру. Многие рыбаки-спортсмены приезжают в Кандалакшу исключительно из-за семги. Очень интересно ловить ее спиннингом (это вроде удочки). Особенно много семги заходит в Ниву метать икру в июле и осенью. Июльская семга называется «закрой». Но в июле в Кандалакше много мошкары, поэтому большинство рыбаков едет туда на осенний ход рыбы, с середины сентября по октябрь включительно.



Озеро в Карелии.

Семгу, только что зашедшую с океана, называют «белянкой». Это самая ценная рыба. Она на вид совсем серебряная и очень жирная. Мясо у «белянки» чистого розового цвета. Побыв в реке несколько десятков дней, семга становится темнее. Она и на вкус хуже.

Однажды в прекрасный солнечный день, уже под вечер, забрав с собой побольше провизии и пресной воды, мы выехали на рыбацкой лодке в залив ловить треску. Мы наметили себе один островок для ночевки. Он казался очень близким, но местный рыбак тов. Фомин сказал мне, что до острова километров пятнадцать. В воздухе с криком кружились чайки. Пекло солнце. Море было гладко как зеркало.

Горы, окружающие со всех сторон залив, были совершенно синие, затянутые

какой-то белой пеленой и отчетливо выступали на горизонте. Они были совсем близко, и, казалось, стоило протянуть руку, чтобы достать их. Мы медленно приближались к острову. Парус, который мы на всякий случай захватили с собой, без дела лежал на дне лодки.

Рыбаки в заливе.

Когда мы проезжали мимо островов, я опускал в воду леску с металлической блесной на конце и слегка подергивал ее. Треска хватала довольно резво, и после каждого острова у нас значительно прибавлялось количество рыбы.

Солнце закатилось. Еще желтым было небо, еще красно-лиловыми были вершины гор на западе, еще кое-где на поверхности воды можно было заметить красные оттенки, но темнота уже все быстрее и быстрее заволакивала даль. Увлеченный этой красотой, я взял альбом и стал рисовать. А до острова было еще версты четыре. Внезапно стало холодно: подул норд-ост и быстро нагнал тучи. Пошел дождь, появилась зыбь, которая все усиливалась. Лодку сильно качало, и мы заторопились к берегу.

Уже совсем стемнело, когда мы под'ехали к нашему острову. Смотрим: на берегу костер, большая рыбацкая лодка, вытащенная на берег, и около костра смутные очертания двух фигур. Мы тоже вытащили нашу лодку подальше на берег, чтобы ее не унесло приливом, и подошли к костру. Там сидели два рыбака из Кандалакши, которые уже четвертые сутки ловили здесь селедку, расставив вблизи острова восемь сетей. Мы быстро познакомились и понравились друг другу.

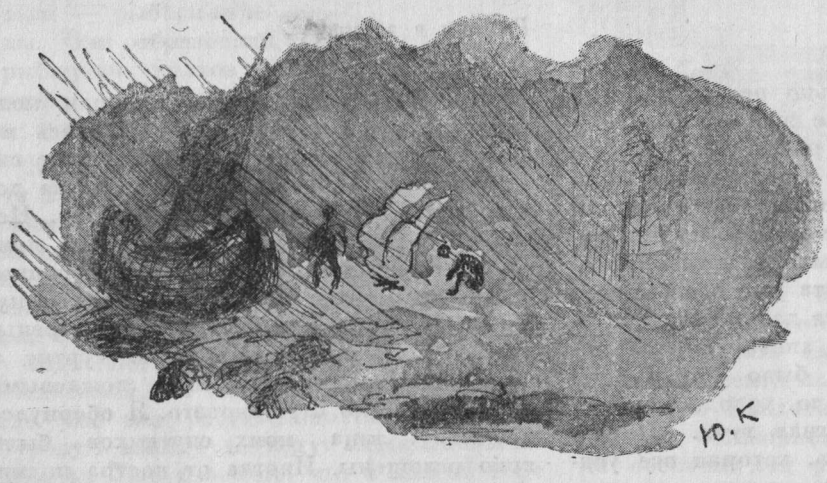
Они как раз собирались ужинать. Мы уговорили их сварить уху из нашей трески. Скоро уже мы ели уху и рассказывали друг другу различные истории из рыбацкой жизни.

А шторм между тем усиливался. Море ревело и бесновалось, шумел дождь, волны подобно громадным чудовищам подкатывались к берегу и обрушивались на него с ревом и стоном. Расплывчатые силуэты наших лодок были похожи на допотопных животных. Завывал ветер. Невольно я отвлекся от разговора и прислушался к тысячам звуков, раздававшимся вокруг меня. Я отошел в сторону. Иногда очередной порыв ветра растрепывал волосы, распахивал мою куртку и брызгал в лицо крупными дождевыми каплями. Стало страшновато. Я обернулся к костру: лица моих спутников были ярко освещены. Иногда от костра поднимался столб искр и пропадал в темноте. Меня позвали. Когда я подошел, мои спутники уже готовили постель. Один из рыбаков подкладывал в костер дрова. По земле прыгали тени. Я лег, закрылся парусом и тотчас уснул.

Когда я проснулся, было очень рано. Отчего я проснулся, не знаю: то ли от дождя, то ли от шторма. Море бесновалось сильнее вчерашнего. Большие волны подкатывались к берегу, как заводные, одна за другой. Они с монотонным ревом быстро, но совсем прямо и ровно подступали к берегу и вдруг сразу, как по команде, со всей силой обрушивались на него, и тысячи брызг разлетались в разные стороны. Было в них что-то такое грозное, красивое, гордое и вместе с тем страшное и чудовищное. Дождь лил вовсю. Он шел косо со стороны мо-

ря и яростно барабанил по земле. Его быстрая дробь, иногда переходящая в гул, смешивалась с ревом волн. Горизонт не был виден: все смешалось в одну кашу. Я лежал и смотрел на море, вернее говоря, на водяную стену и думал, как это мы на нашем корытце доберемся домой. Все еще спали. Я посмотрел на небо: серые, тяжелые тучи быстро куда-то неслись. Мне стало очень холодно, и я решил разжечь костер. Огонь капризничал и все время тух. Но все-таки после пятиминутной возни он разгорелся, и я стал греться.

Смотрю: из-под палатки вылезают оба рыбака и тов. Фомин с моим отцом. Рыбаки сразу же стали готовиться выезжать в море, чтобы вытянуть свои сети с селедкой.



Мы увидели лодку и смутные очертания двух человеческих фигур.

Нам же нечего было и думать об утренней ловле трески, так как первая же волна перевернула бы нас как щепку. Мы сели к костру, а рыбаки отчалили. Они сразу же скрылись, но вскоре опять показались на гребне, затем опять скрылись. И так все время. Мы же как дураки сидели и не знали, что нам делать.

Скоро рыбаки вернулись, развесили свои сети, подсели к костру, и мы стали завтракать. Так проходил день. Иногда я брал винтовку и шел в глубь острова, надеясь что-нибудь подстрелить, но напрасно. Один только раз мне показалось, будто бы в кустах что-то мелькнуло; я бросился вперед, но все было тихо, только трещали сучья под ногами и слышался отдаленный шум моря. Тогда, разочарованный и злой, я шел к морю и стрелял в чаек, которые с криком проносились над волнами. Но я очень торопился, винтовка так и прыгала в моих руках, и я все время стрелял мимо.

Буря не стихала, и с прежней силой шел дождь. Наступил вечер; рыбаки опять поставили свои сети, а мы все сидели и представляли себе, какую встречу окажет нам хозяин лодки, которую мы должны были сдать к четырем часам. Скоро ночь легла на землю, и мы, забравшись под парус, заснули тревожным сном.

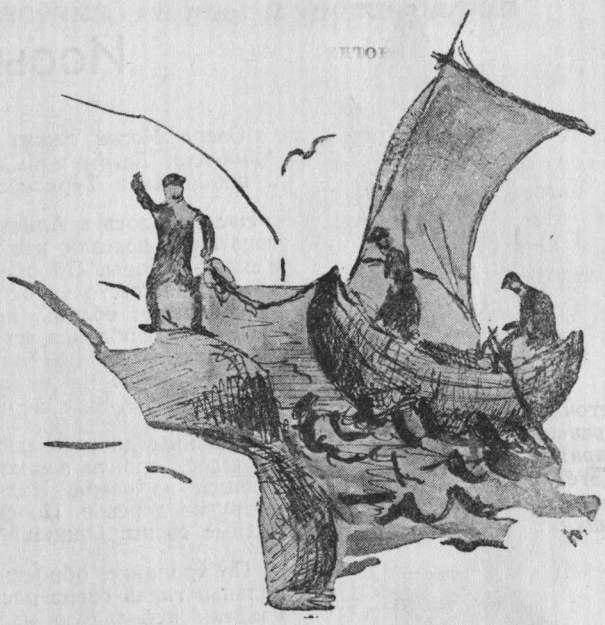
Всю ночь бушевала буря, но к утру ветер стих, море успокоилось, только маленькие волны плескались о берег. Рыбаки опять вытащили свои сети с хорошим уловом, а мы, проехавшись на лодке несколько раз вдоль берега и взяв десятка два трески, вернулись к костру посоветоваться с рыбаками, можно ли надеяться на длительное затишье, чтобы уехать домой.

Решено было ехать. Наскоро попив чайку и закусив жареной селедкой, мы стали готовиться к отплытию, как вдруг видим: недалеко от берега из воды показалась большая черная туша и, испустив несколько раз сильный сап, снова скрылась под водой, потом шагов через сотню дальше опять показалась, опять испустила такой же сап и снова скрылась. И так, медленно удаляясь, она еще несколько раз показывалась и затем скрылась совершенно. Рыбаки об'яснили нам, что это северная «морская свинья». Бывает она до трех метров длиной. Зверь это неопасный и на человека не нападает. Гораздо опаснее касатки. Они водятся в Белом море и около Мурманска; в Кандалакшскую губу заходят редко. Они очень хищны и достигают в весе до

тысячи пудов. У касаток очень большая пасть и огромные клыки. Они, очевидно, любят человеческое мясо и всегда нападают на человека.

В прошлом году в Кандалакшскую губу зашли три касатки. Случай очень редкий. Сразу же несколько рыбаков выехало на большом моторном катере на охоту. Касатки играли. Один из рыбаков выстрелил. На поверхности появилась кровь, но касатки исчезли. Долго катер ездил и искал убитую касатку, но ее не было. Только через три дня на поверхности залива показалась большая разбухшая туша. Когда ее вытащили на берег, она оказалась весом в восемьсот пудов.

Итак, мы попрощались с рыбаками и отчалили от берега. Лодка легко понеслась вперед под свежим ветерком. Наш парус уже не лежал без дела, а гордо выпятился и нес нас навстречу желанному берегу. Иногда с островов, мимо которых мы проплывали, поднимались стаи уток и с криком куда-то уносились. Солнце сквозь утренний туман так весело играло на маленьких волнах, что на сердце становилось как-то радостно и приятно. Я сидел на носу и наблюдал то за водой, журчащей у бортов, то за чайками. Воздух становился все прозрачнее и прозрачнее, туман постепенно растаял, и рыбацкая деревенька виднелась все ближе.



Я первый очутился на прибрежных скалах.

Вскоре мы под'ехали к берегу; я стоял на носу во весь рост и первый очутился на прибрежных скалах.

Юра Коринец

Москва, Каляевская, д. 5, кв. 77.

Ответы на задачи, помещенные в № 10

✪ На картах изображены острова: Новая земля, Земля Франца-Иосифа, Колгуев, Врангеля и Сахалин.

✪ Из всех рек СССР самая большая дельта у реки Лены. Площадь этой дельты больше 20 тысяч квадратных километров.

✪ Самое глубокое озеро в мире — Байкал, его глубина достигает 1521 метра.

✪ Граница СССР проходит через 5 крупных озер: по озеру Ханка СССР граничит с Манчжурией, по Каспийскому озеру (морю) — с Персией, по Псковскому и Чудскому — с Эстонией и по Ладожскому — с Финляндией.

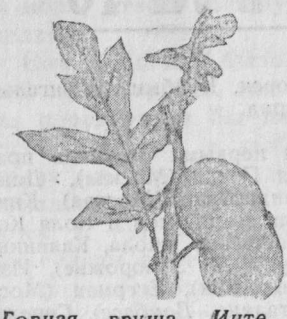
✪ Самая восточная точка нашего Союза — мыс Дежнев.

✪ Города, расположенные по Волге и носящие имена великих революционеров: Калинин, Горький, Ульяновск, Куйбышев, Энгельс, Марксштадт, Сталинград.

✪ На все вопросы первыми прислали правильные ответы: Леня Позин (Москва), Дина Эстерман и Таня Бондаренко (Москва), Книгель (Ленинград), Валя Корольков и Коля Костицкий (Новосокольническая школа, Калининской области), Н. Кунз (В. Запорожье), Изя Шеремет (Могилев-Подольск), Егерман (Москва), Е. Ткаченко (Сталино, Донбасс), Сережа Неруслов (Свердловск), Зоя Легкая, Маруся Календина и Катя Подгурская (Гжатск), Вера Альбенская (Пермь), А. Алексеев (Севастополь), Лася Халфин (Киев), Петр Шипко (село Медведск, Западносибирского края), Ю. Суркукка (Ленинград).

Веточка очень распространенного полукустарника - полудеревца «Катеринки». Из ягод его казахи пекут лепешки.

Веточка фисташек с орешками. На листьях небольшие наросты с колониями мошек. Из этих наростов добывают очень хорошую малиновую краску.



Горная груша. Интересны листья: ни цветом, ни формой они непохожи на обыкновенные. На рисунке плод и листья немного меньше натуральной величины.

Иссыкское озеро

Озеро Иссык лежит в 50 километрах к востоку от города Алма-Ата. Летом я был на этом озере с экскурсией пионеров и школьников Турксиба.

Нас с'ехалось в Алма-Ату 26 ребят с разных станций. 2 полуторатонки повезли нас на озеро. После 2 часов езды машины в'ехали в горы. По обе стороны дороги пошли каменные громады скал, густо заросшие кустами. Над самой дорогой свешивались ветки яблонь, покрытые желтыми краснобокими плодами. Кусты барбариса темнели от ягод. Но это было только преддверие гор. Дальше виднелись более высокие горы, покрытые еловым лесом. За ними было озеро, а еще дальше поднимались уже снеговые вершины.

Машины довезли нас не до самого озера — 6 километров пришлось пройти пешком. Шли мы над речкой Иссычкой, вытекающей из озера. Над бурлящей водой склонялись яблони и другие деревья. По склонам стояли стройные березки и громадные сосны. Одинокий орел кружил над ними.

По тропинке, обросшей малиной, мы перешли перевал, и зеркальная гладь озера раскинулась перед нами. На берегу его мы увидели небольшую избушку и белую просторную палатку. Здесь нам предстояло провести 3 дня.

Они прошли в экскурсиях, катанье на лодке, собирании малины. А малины на озере — великое множество!

Мы ходили через гору на Черное озеро. Вода в нем действительно кажется совершенно черной. Такое впечатление создают черные камни, составляющие дно этого озера. Когда бросишь в воду серый камешек, то он выглядит на дне совершенно белым.

Иссыкское озеро совсем молодое. Оно образовалось в 1882 году; во время землетрясения ледники сползли в долину и растаяли там. Слово «Иссык» казахское и значит в переводе — горячий. Действительно, вода этого озера сначала может показаться кипятком: она обжигает, но это ожог льда.

Длина озера — два с половиной километра, ширина — полтора километра, а глубина — около 60 метров. Из озера Иссык вытекает речка, которая в 100 метрах от него образует второе озеро, необычайной глубины. Говорят, что оно достигает 250 метров.

Озеро Иссык скоро превратится в крупную туристскую базу. Здесь будут построены санаторий и лодочная станция. Но и сейчас уже сюда приезжает много туристов.

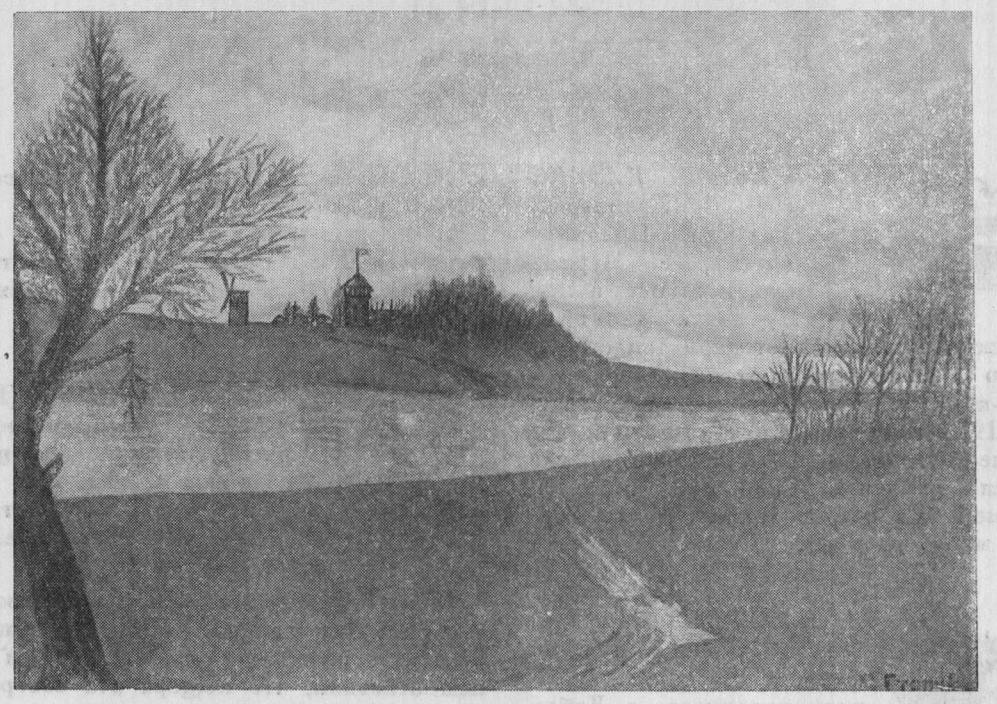
Я зарисовал для журнала веточки редких растений, растущих в наших горах.

Виктор Федорчук ст, Тюлькубас, Казахстан.

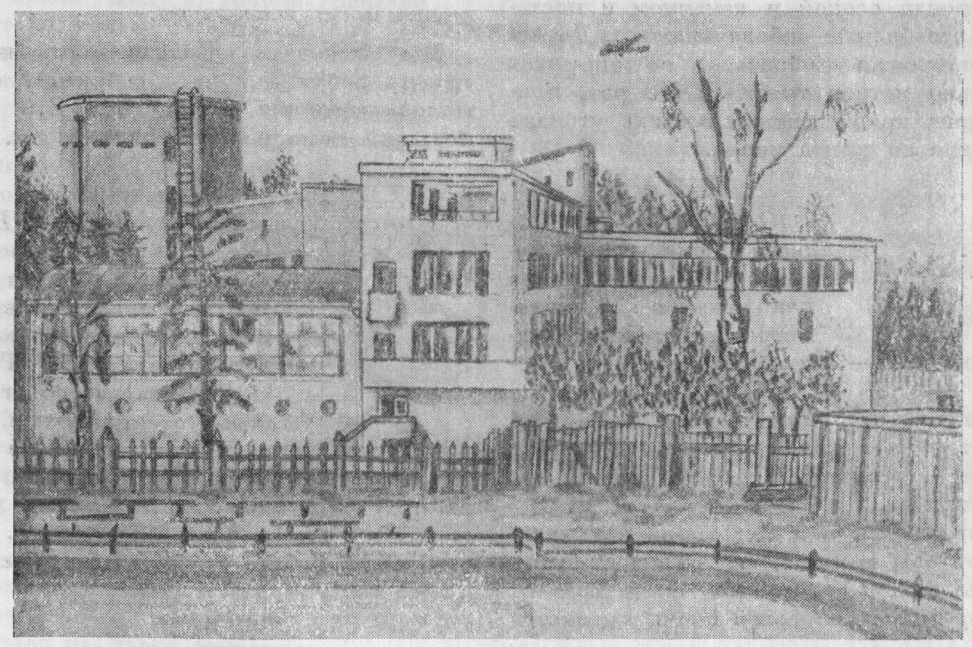
Витино письмо мы направили к географу тов. Щукину, и он рассказал, что Иссыкское озеро образовалось не в результате землетрясения 1882 года. Это моренное альпийское озеро — наследие ледникового периода.

Величина озера меняется в зависимости от времени года, но в среднем равна одному квадратному километру. Второе озеро совсем не так глубоко, как говорил Витя: наибольшая его глубина — 45 метров.

Кстати, ребята, мы надеемся, что никто из вас не спутает озера Иссык с громадным озером Иссык-Куль.



Колхоз «Красная слобода», Чашникского района БССР. ***Рис. Бориса Степук.***



Новый дворец культуры в Филях. ***Рис. Бори Кудрявцева.***

Фонд Географического общества.

Коля КАЗАКЕВИЧ (Ленинград) был за Полярным кругом, в Мурманске, и пишет о нем. Мурманск стоит на Кольском заливе. Благодаря теплому течению Гольфстрим порт не замерзает — сюда круглый год приходят пароходы.

В 1918 году Мурманск захватили англичане-интервенты. Они жестоко преследовали рабочих. Сплошной огромной тюрьмой был остров Иоканьга; там замучили много рабочих.

А. КАЛУГИН (Епифань) описывает озеро под названием Бездонное, которое находится в Дубенском районе, Московской области. Озеро это очень глубоко. Края его заросли осокой и камышом и постепенно все больше заболачиваются. До воды невозможно добраться: ее окружает несколько метров трясины. Не раз, привлеченная яркой травой, лошадь утопала в трясине по самую морду.

Юра СОКОЛОВ (Фирюза) описывает местечко Фирюзу. Оно находится в 38 километрах от столицы Таджикской ССР — Ашхабада, в чудесной долине.

Недалеко от Фирюзы есть Ленинская гора, там, на скале, нарисован портрет Ильича. С этой горы в ясную погоду виден Ашхабад.

В горах есть место, которое называется «Чортовы комнаты». В отвесной скале вымыты водой 12 порогов ввиде комнат. Эти пороги расположены очень высоко, и далеко не каждому удается добраться до самого верхнего.

В Фирюзе много домов отдыха и санаториев. Сюда приезжают отдыхать со всех концов Таджикской и Узбекской республик.

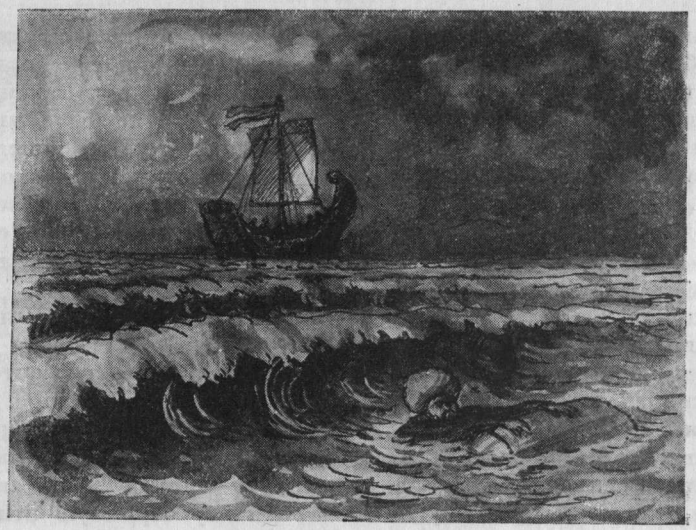
Володя НИЖНИК (Красноуфимск) рассказывает о Красноуфимской пещере. Она очень велика.

В ней скрывался Пугачев. Войти в нее сейчас нельзя: входы закрыты.

Володя просит нас помочь организовать исследование пещеры. Мы обратились в Центральное бюро краеведения, и там нам ответили, что пещера эта совершенно не изучена и представляет большой географический и исторический интерес. Будущим летом туда будет послана специальная экспедиция.

Мы советуем Володе организовать группу ребят и к лету собрать у старожилов сведения о пещере. Это будет большой помощью для экспедиции.

Гатуф ТАЗИТДИНОВ (Мензелинск, Татреспублика) вместе с тремя товарищами провел в выходной день интересную экскурсию за город. Ребята спустились в овраг. На дне его бежал ключ, а берега густо заросли кустами. Было ясно видно, как корни растений укрепляют берега. В некоторых местах глыбы земли держались только благодаря корням. В одном месте ребята наткнулись в песке на целый слой гальки и решили, что здесь когда-то протекала река.



Синдбад-мореход

Арабская сказка

Перевел М. Салье *Рис. Ю. Кискачи*

Первое путешествие

Давно, давно жил в городе Багдаде купец, которого звали Синдбад. У него было много товаров и денег, и его корабли плавали по всем морям. Капитаны кораблей, возвращаясь из путешествий, рассказывали Синдбаду удивительные истории о своих приключениях и о далеких странах, где они побывали.

Синдбад слушал их рассказы, и ему все больше и больше хотелось своими глазами увидеть чудеса и диковины чужих стран.

И вот он решил поехать в далекое путешествие. Он накупил много товаров, выбрал самый быстрый и крепкий корабль с красивыми парусами и пустился в путь. С ним плыли и другие купцы со своими товарами. Долго плыл их корабль из моря в море и от суши к суше, и, приставая к земле, они продавали и выменивали свои товары.

И вот однажды, когда они уже много дней и ночей плыли по воде и не видели земли, матрос на мачте закричал:

— Земля! Земля!

Капитан направил корабль к берегу и пристал к большому зеленому острову. На нем росли тенистые деревья и чудесные, невиданные цветы, а на ветвях пели синие, белые и пестрые птицы.

Корабль встал на якорь, и люди сошли на землю, чтобы отдохнуть от качки. Одни из них развели костер и стали варить пищу, другие стирали белье в деревянном корыте, а некоторые просто гуляли по острову. Синдбад тоже пошел погулять. Он далеко отошел от берега, и вдруг земля зашевелилась у него под ногами, и он услышал громкий крик. Это кричал капитан корабля:

— Спасайтесь! Бегите на корабль! Это не остров, а огромная рыба! Ее занесло песком, на ней выросли деревья, и она стала похожа на остров. Но вы развели огонь, рыбе сделалось жарко, и она зашевелилась. Сейчас она нырнет на дно. Бегите на корабль! Скорей! Скорей!

Купцы побросали свои котлы и корыта и в ужасе бросились к кораблю. Но только те, что были у самого берега, успели добежать. Остров-рыба зашевелился и опустился на глубину моря, и все, кто опоздал, пошли ко дну. И ревущие волны сомкнулись над ними.

Синдбад также не успел добежать до корабля. Волны обрушились на него, но он хорошо плавал и вынырнул на поверхность моря. Мимо него проплыло большое корыто, в котором купцы стирали белье. Синдбад сел верхом на корыто и попробовал грести ногами. Но волны швыряли корыто направо и налево, и Синдбад не мог им управлять.

А капитан корабля приказал поднять якорь и поплыл прочь от этого места, даже не взглянув на утопавших. Синдбад долго смотрел вслед кораблю, а когда он скрылся вдали, Синдбад громко заплакал от горя и отчаяния.

Теперь ему неоткуда было ждать спасения: все товарищи Синдбада утонули. Он один остался в живых и, крепко уцепившись ногами за корыто, ждал, что будет с ним дальше.

Волны били корыто и бросали его из стороны в сторону весь день и всю ночь. А утром Синдбад вдруг увидел, что волны прибили его к высокому берегу. Синдбад схватился за ветки дерева, которые свешивались над водой, и, собрав последние силы, вскарабкался на берег. Как только Синдбад очутился на земле, он упал на траву и лежал как мертвый весь день и всю ночь. А когда встало солнце, он поднялся и пошел в глубь острова, боясь умереть от голода и жажды на пустынном берегу. Морские рыбы искусали ему ноги, они распухли и сильно болели, но Синдбад все-таки шел вперед: то ползком, то на коленях. Он пил воду из ручьев и ел плоды и коренья. Время от времени он взбирался на деревья и осматривался, но не видел ничего кроме ручьев, земли и воды. Синдбаду становилось тоскливо и страшно: долго ли придется прожить ему на этом острове? Но он старался не падать духом и говорил сам себе:

«Что толку сидеть и горевать? Никто меня не спасет, если я не спасу себя сам. Пойду дальше. Может быть, я дойду до места, где живут люди».

И вот раз Синдбад влез на дерево и увидел вдали большой белый купол, который ярко сверкал на солнце. Синдбад очень обрадовался и подумал:

«Это, наверно, крыша дворца, в котором живет царь этого острова. Я пойду к нему, и он поможет мне добраться до Багдада».

Он быстро спустился с дерева и пошел вперед, не сводя глаз с блестящего купола. Долго он шел и, наконец, дошел до дворца. Но это был не дворец. На земле стоял белый шар, такой огромный, что вершины его не было видно. Синдбад подошел к нему и обошел его кругом, но не нашел на нем ни окон, ни дверей. Он попробовал влезть на вершину шара, но его стенки были такие скользкие и гладкие, что Синдбаду не за что было уцепиться.

«Вот чудо! — подумал Синдбад.— Что это за шар?»

Вдруг все вокруг потемнело, и какая-то тень закрыла солнце.

Синдбад взглянул вверх и увидел, что огромная птица летит над шаром и крылья ее словно тучи заслоняют солнце. Увидя эту огромную птицу, Синдбад сначала испугался, но потом вспомнил, что капитаны его кораблей рассказывали, будто на дальних островах живет птица Рух, которая кормит своих птенцов слонами. Синдбад сразу понял, что белый шар перед ним — яйцо птицы Рух. Он спрятался под яйцом и стал ждать, что будет дальше. А птица Рух покружилась в воздухе, потом опустилась на яйцо, покрыла его своими крыльями и заснула. Синдбада она и не заметила. А Синдбад лежал неподвижно возле яйца и думал:

«Я нашел способ выбраться отсюда, лишь бы только птица не проснулась».

Он подождал немного и, увидев, что птица спит, быстро снял с головы тюрбан, размотал его и крепко привязал себя к ноге птицы. Она и не шевельнулась: ведь в сравнении с нею Синдбад был не больше муравья.

Привязавшись, Синдбад улегся на ноге птицы и сказал себе:

«Завтра она улетит со мною и, может быть, перенесет меня в страну, где есть люди и города. Но если даже я упаду и разобьюсь, все-таки лучше умереть сразу, чем погибнуть здесь от голода».

Рано утром, перед самым рассветом, птица Рух проснулась, шумно расправила крылья, громко и протяжно вскрикнула и взвилась на воздух. Синдбад от страха зажмурил глаза и крепко ухватился за ногу птицы. Птица поднялась до самых облаков и долго летела над водами и землями, а Синдбад сидел, сжавшись в комочек, и боялся посмотреть вниз. Наконец, птица Рух стала опускаться и, сев на землю, сложила крылья. Тогда Синдбад быстро и осторожно развязал тюрбан, дрожа от страха, что птица заметит

его и убьет, но птица так и не увидела Синдбада. Она вдруг схватила с земли в когти что-то большое и толстое и улетела. Синдбад посмотрел ей вслед и увидел, что птица Рух уносит в когтях огромную змею, длинней и толще самой большой пальмы.

Он отдохнул немного и осмотрелся. Оказалось, что птица Рух принесла его в глубокую и широкую долину. Вокруг стеной стояли высокие горы — такие высокие, что вершины их упирались в облака, и не было выхода из этой долины.

— Я избавился от одной беды и попал в другую, еще худшую,— сказал Синдбад, тяжело вздыхая.— На острове были хоть плоды и пресная вода, а здесь нет ни воды, ни деревьев.

Не зная, что ему делать, он печально бродил по долине, опустив голову. Тем временем над горами взошло солнце и осветило долину. И вдруг вся она ярко засверкала. Каждый камень на земле блестел и переливался синими, красными и желтыми огнями. Синдбад поднял один камень и увидел, что это драгоценный алмаз, самый твердый камень на свете, которым сверлят металлы и режут стекло. Долина была полна алмазов, и земля в ней тоже была алмазная.

И вдруг отовсюду послышалось шипенье. Огромные змеи выползли из темных расщелин и из-под камней, чтобы погреться на солнце. Каждая из этих змей была больше самого высокого дерева, и если бы в долину пришел слон, змеи, наверное бы, проглотили его целиком.

Синдбад задрожал от ужаса и хотел бежать, но бежать было некуда, и негде было укрыться. Синдбад метался по долине, стараясь спастись от змей, и вдруг заметил маленькую пещеру. Он забрался в нее через узкий вход и очутился прямо перед толстой змеей, которая лежала на яйцах, свернувшись клубком, и грозно шипела. Синдбад еще больше испугался. Он выполз из пещеры и прижался спиной к скале, стараясь не шевелиться.

И вдруг прямо перед ним упал большой кусок мяса. Синдбад поднял голову и не увидел никого. А подальше упал еще кусок мяса, и еще, и еще.

И, наконец, Синдбад понял, где он находится и что это за долина. Давно-давно, в Багдаде, он слышал от одного путешественника рассказ об алмазной долине. Эта долина, говорил путешественник, находится в далеких странах, между гор, и никто не может попасть в нее, потому что туда нет дороги. Но купцы, которые торгуют алмазами, придумали хитрость, чтобы добывать камни. Они берут овцу, режут ее на куски и бросают мясо в долину. Алмазы прилипают к мясу, а в полдень в долину спускаются хищные птицы—орлы и ястреба, хватают мясо и несут его на гору. Тогда купцы стуком и криками отгоняют птиц от мяса и отдирают прилипшие алмазы. Камни они уносят, а мясо оставляют птицам и зверям.

Синдбад вспомнил этот рассказ и обрадовался. Он придумал, как ему спастись. Быстро набрал он с земли столько больших алмазов, сколько мог унести с собой, а потом снова распустил свой тюрбан, лег на землю, положил на себя большой кусок мяса и крепко привязал его к себе. Не прошло и минуты, как большой орел спустился к мясу, схватил его когтями и поднялся в воздух. Долетев до высокой горы, он хотел оторвать от мяса кусочек, но вдруг сзади него раздались громкие крики, стук и топот ног. Орел встрепенулся, бросил мясо и улетел, а Синдбад отвязался от мяса и встал на ноги. Стук и грохот слышались все ближе, и скоро из-за деревьев выбежал старый толстый бородатый человек в одежде купца. Он колотил палкой по деревянному щиту, который держал в руке, и во весь голос кричал, чтобы отогнать орла. Не взглянув даже на Синдбада, человек бросился к мясу и осмотрел его со всех сторон, но не нашел ни одного алмаза. Тогда он сел на землю, схватился руками за голову и воскликнул:

— Что это за несчастье! Я уже целого быка бросил в долину, но орлы унесли все куски мяса к себе в гнезда. Они оставили только один кусок и, как нарочно, такой, к которому не прилипло ни одного камешка. О горе! О неудача!

Тут он поднял голову и увидел Синдбада, который стоял рядом с ним, весь в крови и в пыли, босой и в разорванной одежде. Увидев его, купец сразу перестал кричать, замер от испуга. Он схватил свою палку, закрылся щитом и спросил:

— Кто ты такой, и как ты сюда попал?

— Не бойся меня, почтенный купец. Я не сделаю тебе зла,— ответил Синдбад.— Я тоже был купцом, как и ты, но испытал много бед и страшных приклю-

чений. Помоги мне выбраться отсюда и попасть на родину, и я дам тебе столько алмазов, сколько у тебя никогда не было.

— А у тебя, правда, есть алмазы? — спросил купец.— Покажи-ка!

Синдбад показал купцу свои камни и подарил ему самые лучшие. Купец обрадовался и долго благодарил Синдбада, а потом позвал своих товарищей, которые также добывали алмазы, и Синдбад рассказал им о всех своих несчастьях.

Купцы поздравили его со спасением, дали ему хорошую одежду и взяли его с собой. Он долго шел с ними через степи, пустыни, равнины и города и, наконец, добрался до Багдада. Родные радостно встретили его и устроили большой праздник по случаю его возвращения. Они думали, что Синдбад погиб, и не надеялись больше его увидеть. Синдбад продал свои алмазы и опять, как прежде, стал торговать.

Так окончилось первое путешествие Синдбада-морехода.

Второе путешествие

Синдбад испытал в первое путешествие столько бед и несчастий, что решил никогда больше не уезжать из Багдада. Его друзья и знакомые, багдадские купцы, каждый вечер сходились к нему слушать рассказы о его странствиях, и всякий раз, как Синдбад вспоминал про птицу Рух, алмазную долину и огромных змей, ему становилось так страшно, как будто он все еще бродил в долине алмазов.

Однажды вечером к Синдбаду по обыкновению пришли его приятели—купцы. И когда они кончили ужинать и приготовились слушать рассказы хозяина, вдруг вошел в комнату один из его слуг и сказал, что у ворот стоит человек и продает диковинные плоды.

— Прикажи ему войти сюда,— сказал Синдбад.

И его слуга привел торговца плодами в комнату. Это был смуглый человек с длинной черной бородой, одетый по-иноземному. Он нес на голове корзину, полную великолепных плодов.

Он поставил корзину перед Синдбадом и снял с нее покрывало. Синдбад заглянул в корзину и ахнул от удивления. В ней лежали огромные апельсины, круглые, как ядра; кислые и сладкие лимоны; померанцы, яркие, словно огонь; персики, груши и гранаты — такие большие и сочные, каких не бывает в Багдаде.

— Кто ты, чужеземец, и откуда ты пришел? — спросил Синдбад торговца.

— Господин,— ответил тот,— я родился далеко отсюда, на острове Серендибе. Всю мою жизнь я плавал по морям и побывал во многих странах, и везде я продавал такие плоды.

— Расскажи мне про остров Серендиб: какой он и кто на нем живет? — сказал Синдбад.

— Про мою родину не расскажешь словами. Ее нужно видеть, так как нет в мире острова прекраснее и лучше Серендиба,— ответил торговец.— Когда путник вступает на его землю, он слышит пение прекрасных птиц с перьями, горящими на солнце, как драгоценные камни. Даже цветы на острове Серендибе светятся, словно яркое золото. И есть на нем цветы, которые плачут, и цветы, которые смеются. Каждый день на восходе солнца они поднимают кверху свои головки и громко кричат: «Вак! Вак!» «Утро! Утро!» — и смеются, а вечером, когда солнце заходит, они опускают головки к земле и плачут. Лишь только наступает темнота, выходят на берег моря всевозможные звери: медведи, барсы, львы и морские кони,— и каждый держит во рту драгоценный камень, который горит, как огонь, и освещает все вокруг. А деревья на моей родине все самые редкие и дорогие: алоэ, которое так прекрасно пахнет, если его зажечь; крепкий тек, что идет на корабельные мачты,— ни одно насекомое не прогрызет его и не повредит ему ни вода, ни холод—чудесные пальмы и блестящий эбен, или черное дерево. Море вокруг Серендиба ласковое и теплое. На дне его лежат чудесные жемчужины, белые, розовые и черные, рыбаки ныряют в воду и достают их. А иногда они посылают за жемчугом маленьких обезьян.

Долго еще рассказывал торговец плодами про диковины острова Серендиба, и когда он кончил, Синдбад щедро наградил его и отпустил. Торговец ушел, пятясь задом и низко кланяясь, а Синдбад лег спать, но еще долго ворочался с боку на бок и не мог заснуть, вспоминая рассказы торговца. Ему слышался плеск моря и скрип корабельных мачт, он видел перед собой чудесных птиц и золотые цветы, сверкавшие яркими огнями. На-

конец, он заснул, и ему приснилась обезьяна с огромной розовой жемчужиной во рту. Проснувшись, он сразу же вскочил с постели и сказал себе:

«Я непременно должен побывать на острове Серендибе. Сегодня начну собираться в путь».

Он собрал все деньги, какие у него были, и на половину их накупил товаров, а вторую половину закопал в землю на случай несчастья. Потом он простился со своими родными и опять отправился в приморский город Басру. Он долго выбирал себе корабль получше и, наконец, нашел прекрасное крепкое судно с глубоким трюмом, в который можно было сложить много товаров. Капитаном этого судна был мореход из Персии по имени Бузург — старый толстый человек с длинной бородой. Он много лет плавал по океану, и его корабль ни разу не потерпел крушения.

Синдбад велел погрузить свои товары на корабль Бузурга и тронулся в путь. С ним вместе поехали его приятели — купцы, которым также захотелось побывать на острове Серендибе.

Ветер был попутный, и корабль быстро двигался вперед. Первые дни все шло благополучно. Но однажды утром на море началась буря и поднялся такой сильный ветер, что нельзя было разобрать, с какой стороны он дует. Корабль Синдбада бросало по морю, как щепку. Огромные волны одна за другой перекатывались через палубу. Синдбад и его приятели привязали себя к мачтам и стали прощаться друг с другом, не надеясь спастись. Только капитан Бузург был спокоен. Он сам встал у руля и громким голосом отдавал приказания. Видя, что он не боится, успокоились и путники.

К полудню буря начала стихать, волны стали меньше, небо прояснилось. Скоро наступило полное затишье, и корабль понесло по течению.

И вдруг капитан Бузург принялся бить себя по лицу, стонать и плакать. Он сорвал с головы тюрбан и бросил его на палубу, разорвал на себе халат и крикнул:

— Знайте, что наш корабль попал в сильное течение и мы не можем из него выйти! А это течение несет нас к острову, который называется островом мохнатых. На нем живут люди, похожие на обезьян, и никто еще не вернулся живым с этого острова. Готовьтесь же к смерти: вам нет спасения!

Не успел капитан договорить, как раздался страшный удар. Корабль сильно встряхнуло, и он остановился. Течение пригнало его к острову с крутыми, обрывистыми берегами, и он сел на мель. И сейчас же весь берег острова покрылся какими-то маленькими черными существами, похожими издали на муравьев. Их становилось все больше и больше. Они скатывались с берега прямо в воду, подплывали к кораблю и быстро-быстро карабкались на мачты, и когда они показались на корабле, Синдбад увидел, что это маленькие покрытые густой черной шерстью люди с желтыми глазами, кривыми ногами и цепкими руками. Они перегрызли все канаты и сорвали паруса, а потом бросились на Синдбада и его спутников. Передний человечек подкрался к одному из купцов. Купец выхватил меч и разрубил его пополам. Но сейчас же на него кинулись еще десять мохнатых, схватили его за руки и за ноги и сбросили в море, а за ним и другого и третьего купца.

— Неужели мы испугаемся этих обезьян? — воскликнул Синдбад и тоже вынул меч, но капитан Бузург схватил его за руку и закричал:

— Берегись, Синдбад! Разве ты не видишь, что если даже каждый из вас убьет десять или сто обезьян, остальные разорвут его в клочки или выкинут за борт? Бежим с корабля на остров, а корабль пусть достается обезьянам.

Синдбад послушался капитана и опустил меч. Он выскочил на берег острова, и его спутники выскочили вслед за ним. Последним ушел с корабля капитан Бузург. Ему было очень жалко оставлять свое судно этим мохнатым обезьянам.

Синдбад и его приятели медленно пошли по острову, не зная, куда направиться. Они шли и тихо разговаривали между собой, придумывая, как бы выбраться с этого острова и вернуться на родину. И вдруг капитан Бузург воскликнул:

— Смотрите! Смотрите! Дворец!

Синдбад поднял голову и увидел вдали высокий дом с черными воротами.

— В этом доме, может быть, живут люди. Пойдем и узнаем, кто его хозяин,— сказал он.

Путники пошли побыстрее и вскоре дошли до ворот дома. Синдбад первый вбежал во двор и крикнул:

— Тут, наверно, недавно был пир. Смотрите, на палках вокруг жаровни висят котлы и кастрюли, и всюду разброса-

Великан отломил от скалы громадный камень и бросил его вслед беглецам...

ны обглоданные кости. А угли в жаровне еще горячие. Посидим немного на этой скамье, может быть, хозяин дома выйдет во двор и позовет нас к себе.

Синдбад и его спутники так устали, что еле держались на ногах. Они уселись кто на скамье, а кто прямо на земле и вскоре уснули, пригревшись на ярком солнце.

Синдбад проснулся первый. Его разбудил громкий шум и гул, разносившийся по всему двору. Казалось, что где-то недалеко проходит большое стадо слонов. Земля дрожала от чьих-то шагов. Было уже темно. Синдбад привстал со скамьи и замер от ужаса: прямо на него двигался человек огромного роста, настоящий

великан, похожий на высокую пальму. Он был весь черный, глаза у него сверкали, как горящие головни, рот был похож на отверстие колодца, а зубы торчали, как клыки кабана. Его уши падали ему на плечи, а ногти на его руках были широкие и острые, как когти льва.

Великан шел медленно, слегка согнувшись, точно ему трудно было нести свою голову, и тяжело вздыхал. От каждого его вздоха шелестели листья на деревьях и верхушки их пригибались к земле, как во время бури. В руках у великана был огромный факел—целый ствол смолистого дерева.

Спутники Синдбада тоже проснулись и лежали на земле, как мертвые. Один Синдбад стоял на ногах: он не мог двинуться от страха. Великан подошел к его товарищам и нагнулся над ними. Он долго рассматривал каждого из них и, выбрав человека пожирнее, поднял его одной рукой как перышко. Это был капитан Бузург, самый большой и толстый из спутников Синдбада.

Синдбад выхватил меч и бросился к великану. Весь его страх прошел, и он думал только об одном, как бы вырвать Бузурга из рук чудовища. Но великан ударом ноги отбросил Синдбада в сторону, разжег огонь на жаровне, зажарил капитана Бузурга и с'ел его.

Кончив есть, великан растянулся на земле и громко захрапел. Синдбад и его товарищи лежали, прижавшись друг к другу и затаив дыхание. Синдбад оправился первый. Убедившись, что великан крепко спит, он вскочил и воскликнул:

— Лучше было бы, если бы мы утонули в море! Неужели мы позволим этому великану нас с'есть как овец?!

— Уйдем отсюда и пойдем до места, где бы мы могли спрятаться от него,— сказал один из купцов.

— Куда нам уйти? Он ведь всюду нас найдет,— возразил Синдбад.— Лучше будет, если мы убьем его и потом уплывем с этого острова в море. Может быть, нас подберет какой-нибудь корабль.

— А на чем же мы уплывем, Синдбад? — спросили купцы.

— Посмотрите на эти дрова, что сложены около жаровни. Они длинные и толстые, и, если их связать вместе, выйдет хороший плот, — сказал Синдбад. — Перенесем их на берег моря, пока спит этот жестокий людоед, а потом мы вернемся сюда и придумаем способ его убить.

— Это прекрасный план,— сказали купцы и начали перетаскивать бревна на морской берег и связывать их веревками из пальмового лыка.

К утру плот был готов и Синдбад с товарищам вернулся во двор великана. Когда они пришли, людоеда на дворе не было. До самого вечера он не появлялся. Синдбад с большим нетерпением ждал его. Он уже придумал, как убить великана, и дожидался ночи, чтобы выполнить свой план.

Когда стемнело, земля опять затряслась и послышались гул и топот. Великан был близко. Как и вчера, он медленно подошел к товарищам Синдбада, нагнулся над ними, освещая их факелом, выбрал самого толстого купца, проткнул его вертелом, зажарил и с'ел, а потом растянулся на земле и заснул.

— Еще один наш товарищ погиб! — воскликнул Синдбад, когда услышал храп великана.— Но это последний. Больше этот великан никого из нас не с'ест!

— Что же ты задумал, Синдбад? — спросили его купцы.

— Смотрите и делайте так, как я скажу!— воскликнул Синдбад.

Он схватил два вертела, на которых великан жарил мясо, раскалил их на огне жаровни и приставил к глазам людоеда. Потом он сделал знак купцам, и они все вместе навалились на вертела так, что глаза людоеда ушли в глубь головы и он ослеп. Со страшным криком людоед вскочил на ноги и принялся шарить вокруг себя, стараясь поймать своих обидчиков. Но Синдбад и его товарищи врассыпную бросились от него и побежали к морю.

Великан, тяжело ступая, пошел за ними, все так же громко крича и пригибаясь к земле. Он догонял беглецов и перегонял их, но так и не поймал никого из товарищей Синдбада. Они пробегали у него между ног, увертывались от его рук и, наконец, добежали до берега моря, сели на плот и отплыли, гребя, как веслом, тонким стволом молодой пальмы.

Когда великан услышал удары весла об воду, он понял, что добыча ушла от него. Еще громче прежнего закричал он и, вытянувшись во весь рост, схватился обеими руками за высокую прибрежную скалу. Он отломил от скалы громадный камень и бросил его вслед беглецам, а за ним — другой и третий. Глыбы скал со страшным треском попадали в воду, только краем задев плот, но подняли такие волны,

что плот перевернулся и все, кто был на нем, упали в море. Товарищи Синдбада сразу захлебнулись и стали тонуть. Они почти совсем не умели плавать и ослабели от голода и страха. Только сам Синдбад и еще двое купцов помоложе успели схватиться за плот и удержались на поверхности, а остальные камнем пошли ко дну.

Синдбад с трудом вскарабкался снова на плот и помог своим товарищам выбраться из воды. Волны унесли их весло, и им пришлось плыть по течению, только слегка направляя плот ногами. Становилось светлее. Скоро должно было взойти солнце. Товарищи Синдбада, мокрые и продрогшие, сидели на плоту и громко жаловались, готовясь умереть от голода и жажды. Синдбад стоял один на краю плота и вглядывался в пространство, высматривая, не видно ли вдали берега или паруса корабля.

Вдруг он обернулся к своим товарищам и крикнул:

— Мужайтесь, друзья мои Ахмед и Хасан! Земля недалеко, и течение несет нас прямо к берегу. Видите: вон птицы кружатся там, вдали, над водой. Их гнезда, наверное, где-нибудь близко: ведь птицы не улетают далеко от своих птенцов.

Ахмед и Хасан ободрились и подняли головы. Хасан, у которого глаза были зоркие, как у ястреба, посмотрел вперед и сказал:

— Твоя правда, Синдбад. Вон там, вдалеке, я вижу остров. Скоро течение пригонит к нему наш плот, и мы отдохнем на твердой земле.

Измученные путники обрадовались и стали быстрее грести ногами, чтобы помочь течению. Если бы они только знали, что ждет их на этом острове!

Скоро плот прибило к берегу, и Синдбад с двумя товарищами вышел на сушу. Они пошли вперед, подбирая с земли ягоды и коренья, и скоро увидели прекрасные развесистые деревья на берегу ручья. Высокая густая трава так и манила прилечь и выспаться.

Синдбад бросился под дерево и сразу заснул. Его разбудил какой-то странный шум, точно кто-то перетирал зерно между двумя огромными камнями. Синдбад открыл глаза и сейчас же вскочил на ноги. Он увидел перед собой страшного дракона—змею с широкими чешуйчатыми крыльями и пастью, как у кита, раскрывавшейся до половины тела. Дракон спокойно лежал на брюхе и лениво с громким хрустом двигал челюстями. Этот хруст и разбудил Синдбада. А из пасти дракона торчали человеческие ноги в сандалиях.

«Это ноги Ахмеда,— подумал Синдбад.— Вон под коленом желтая родинка».

Постепенно Ахмед целиком исчез в брюхе дракона, и дракон медленно уполз в лес. Когда он скрылся из виду, Синдбад осмотрелся кругом и увидел, что остался один.

«А где же Хасан?—подумал Синдбад.— Неужели его тоже с'ел дракон?»

— Эй, Хасан, где ты? — крикнул он.

— Здесь,— раздался голос откуда-то сверху.

Синдбад поднял голову и увидел Хасана, который сидел, скорчившись, на густых ветвях дерева ни живой ни мертвый от страха.

— Полезай и ты сюда! — крикнул он Синдбаду.

Синдбад захватил с земли несколько кокосовых орехов и вскарабкался на дерево. Ему пришлось сидеть на верхней ветке. Это было очень неудобно. Хасан прекрасно устроился на широком суку пониже.

Много часов просидели Синдбад и Хасан на дереве, каждую минуту ожидая появления дракона. Стало смеркаться, наступила ночь, а страшной змеи все не было. Наконец, Хасан не выдержал и заснул, опершись спиной о ствол дерева и свесив вниз ноги. Вскоре задремал и Синдбад.

Когда он проснулся, было светло и солнце стояло довольно высоко. Синдбад осторожно наклонился и посмотрел вниз. Хасана на ветке больше не было. На траве под деревом белела его чалма и валялись стоптанные сандалии — все, что осталось от бедного Хасана.

«Его тоже сожрал этот ужасный дракон, — подумал Синдбад. — Видно, и на дереве от него не спрячешься. Да и как спрятаться, когда у дракона крылья и он может летать?!»

Теперь Синдбад был один на острове. Долго искал он какое-нибудь местечко, чтобы укрыться от дракона, но вокруг него не было ни одной скалы или пещеры — только деревья.

Устав искать, Синдбад присел на землю у самого моря и стал думать, как бы ему спастись.

— Если я вырвался из рук людоеда, так неужели я дам себя с'есть дракону?— сказал он себе.— Я человек, и у меня есть разум, который поможет мне пере-

... Из пасти дракона торчали человеческие ноги.

хитрить эту змею с крыльями. Куда бы я ни спрятался, дракон меня достанет. Так пусть же он обломает об меня свои зубы.

Вдруг с моря плеснула огромная волна и выбросила на берег толстую корабельную доску. Синдбад увидел эту доску и сейчас же придумал, как спастись. Он схватил эту доску и подобрал на берегу еще несколько досок поменьше, а потом унес их в лес. Отобрав доску подходящего размера, Синдбад привязал ее поперек к ногам большим куском пальмового лыка. Такую же доску он привязал к голове, а две другие — к телу справа и слева, так что оказался как будто в ящике. А потом он лег на землю и стал ждать.

Скоро послышались треск хвороста и громкое шипение. Дракон, почуявший запах человека, разыскивал свою добычу. Из-за деревьев показалась его длинная голова, на которой светились, как факелы, два большие глаза. Он подошел к Синдбаду и широко разинул пасть, высовывая

длинный раздвоенный язык. От жадности он бил крыльями и щелкал челюстями, громко звеня чешуей. Он удивленно осматривал деревянный ящик, из которого так вкусно пахло человеком, пробовал захватить и разгрызть его зубами, но крепкое дерево не поддавалось.

Дракон обошел Синдбада со всех сторон, пытаясь сорвать с него деревянный щит. Щит оказался слишком крепким, и дракон только обломал себе зубы. В ярости он распахнул крылья и стал бить ими по доскам. Доски задрожали, но выдержали.

Долго трудился дракон, но так и не добрался до Синдбада. Наконец, он выбился из сил и уполз обратно в лес, сердито шипя и разбрасывая хвостом листья.

Синдбад быстро отвязал от себя доски и вскочил на ноги.

«Лежать между досками очень тяжело, но если дракон застигнет меня беззащитным, он меня сожрет,— думал Синдбад.— Надо бежать с острова. Пусть я лучше утону в море. Это приятнее, чем погибнуть в пасти дракона, как мои товарищи Ахмед и Хасан».

И снова Синдбад решил смастерить себе плот. Он вернулся к морю и начал собирать доски. И вдруг он увидел неподалеку белевшие паруса корабля.

Корабль все приближался. Попутный ветер гнал его к берегам острова. Синдбад сорвал с себя рубашку и принялся бегать по берегу, размахивая ею и крича. Матросы заметили его, и капитан приказал остановить корабль. Синдбад бросился в воду и в несколько взмахов достиг корабля. По парусам и по одежде матросов он узнал, что корабль принадлежит его землякам. Действительно, это был арабский корабль, и шел он прямо в Басру.

Капитан его много слышал рассказов про остров, где живет страшный дракон, но никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь от него спасся.

Матросы ласково встретили Синдбада, одели и накормили его, и после долгого пути он, наконец, попал в Басру, а оттуда направился в Багдад. И хотя он не привез с собой в этот раз никаких драгоценностей, он все же был рад и доволен, что остался жив и попал домой, и твердо решил никогда больше не путешествовать.

Третье путешествие

Но прошло немного времени, и снова наскучило Синдбаду жить в своем прекрасном доме в Городе Мира (так называют арабы Багдад). Кто хоть раз плавал по морю, кто привык засыпать под вой и свист ветра, тому не сидится на твердой земле. Но жена и родные Синдбада не хотели опять расставаться с ним и уговаривали его остаться дома.

— Много ли ты привез товаров после твоего последнего путешествия? — говорили они.— Смотри, если опять поедешь в чужие страны, совсем разоришься, а может быть, и погибнешь!

И Синдбад молчал, слушая такие речи, и нечего ему было ответить своим родным. А поплавать еще хоть раз по морю все-таки хотелось.

И вот однажды пришлось ему поехать по делам в Басру, где небо всегда такое синее и солнце светит так ярко. Он опять увидел этот богатый, веселый город, увидел корабли с высокими мачтами и разноцветными парусами, услышал крики матросов, выгружавших из трюмов диковинные заморские товары, и решил немедленно собираться в путь.

Вернуться в Багдад, собрать деньги и товары — на все это понадобилось немного времени. Не прошло и десяти дней, как Синдбад уже опять плыл на большом крепком корабле к островам Индийского океана. С ним на корабле было несколько купцов, а вел корабль старый, опытный капитан с большой командой матросов.

Два дня и две ночи плыл корабль Синдбада в открытом море, а на третий день, когда солнце стояло как раз над головами путников, вдали показался небольшой скалистый островок. Капитан приказал направиться к этому острову, и, когда корабль приблизился к его берегам, все увидели, что посреди острова возвышается огромный купол, белый и сверкающий, с острым концом.

— Эй, капитан! Останови корабль! — закричали товарищи Синдбада.

Капитан велел бросить якорь, и все купцы и матросы выскочили на берег. Синдбада с ними не было. Он лег под парус, чтобы укрыться от солнца, и задремал. Когда стали на якорь, толчок разбудил Синдбада, и он вышел на середину

палубы, чтобы посмотреть, почему корабль остановился. И вдруг он увидел, что все, кто был на корабле: и купцы и матросы,— стоят вокруг огромного белого купола и стараются пробить его ломами и крючьями.

— Не делайте этого! Вы погибнете! — крикнул Синдбад. Он сразу понял, что этот купол — яйцо Руха, такое же, как то, которое он видел в первое путешествие. Если самка Руха, которая снесла это яйцо, прилетит и увидит, что его разбили, всем матросам и купцам не миновать смерти.

Но товарищи Синдбада не послушались его и только сильнее стали бить по яйцу. Наконец, скорлупа треснула, из яйца полилась вода. Потом из него показался длинный клюв, потом — голова и лапы: в яйце был птенец. Если бы яйцо не разбили, он, наверное, скоро бы вылупился.

Матросы схватили птенца, зажарили его и принялись есть. Только Синдбад не притронулся к его мясу; он бегал вокруг своих товарищей и кричал:

— Кончайте скорее, а то прилетит Рух и убьет вас!

И вдруг в воздухе послышался громкий свист и оглушительное хлопанье крыльев. Купцы подняли головы и кинулись к кораблю. Прямо над их головами летал Рух, в когтях у которого извивались две огромные змеи.

Увидев, что его яйцо разбито, Рух так закричал, что люди попадали от страха на землю и уткнулись головами в песок. Он выпустил змей, покружил немного в воздухе и скрылся из виду. Купцы и матросы поднялись на ноги и со всех ног побежали к морю. Они вскочили на корабль, подняли якорь, распустили паруса и поплыли как можно быстрей, чтобы спастись от страшного Руха. Чудовищной птицы не было видно, и путники начали было уже успокаиваться, но вдруг опять послышалось хлопанье крыльев, и вдали показался Рух,— уже не один. С ним вместе летела другая птица, еще больше и страшнее первой. И каждая птица несла в когтях огромный камень—целую скалу.

Товарищи Синдбада забегали по палубе корабля, не зная, куда укрыться от разъяренных птиц. Некоторые легли на палубу, другие спрятались за мачты, а капитан неподвижно застыл на месте, подняв руки к небу: он до того испугался, что не мог шевельнуться.

Вдруг раздался страшный удар, как выстрел из самой большой пушки, и по морю заходили огромные волны. Это первый Рух бросил камень, но промахнулся. Увидя это, второй Рух яростно закричал и над самым кораблем выпустил из когтей свой камень. Камень упал на корму, корабль Синдбада жалобно затрещал, накренился, снова выпрямился, подброшенный волной, и стал тонуть.

Волны залили палубу и унесли всех купцов и матросов. Спасся один Синдбад. Он ухватился рукой за корабельную доску и, когда волны улеглись, взобрался на нее.

Два дня и две ночи носился Синдбад по морю, и, наконец, на третий день волны прибили его к какому-то неведомому острову. Синдбад выбрался на берег и огляделся. Ему показалось, что он не на острове, среди моря, а дома, в Багдаде, в своем чудесном саду. Ноги его ступали по мягкой зеленой траве, усеянной пестрыми цветами. Ветки деревьев гнулись от тяжести плодов. Круглые яркие апельсины, душистые лимоны, гранаты, груши, яблоки как будто сами просились в рот. Маленькие птицы с громким щебетаньем кружились в воздухе. У быстрых, блестящих, как серебро, ручьев прыгали и играли газели. Они не испугались Синдбада, потому что никогда не видели людей и не знали, что их нужно бояться.

Синдбад так устал, что еле стоял на ногах. Он напился воды из ручья, лег под дерево и сорвал с ветки большое яблоко, но не успел даже откусить от него ни кусочка, как заснул, держа яблоко в руке.

Когда он проснулся, солнце стояло так же высоко и птицы весело щебетали на деревьях: Синдбад проспал весь день и всю ночь. Только теперь он почувствовал, как ему хочется есть, и с жадностью набросился на плоды.

Подкрепившись немного, он поднялся и пошел по острову. Ему хотелось осмотреть этот чудесный остров, и он надеялся встретить на нем людей, которые приведут его в какой-нибудь город.

Долго гулял Синдбад по берегу острова, но не увидел ни одного человека. Наконец, он решил немного отдохнуть и свернул в небольшой лесок, где было прохладнее. Вдруг он видит: под деревом, у ручья, сидит маленький человек с длинной волнистой седой бородой, одетый в рубаху из листьев и подпоясанный травой. Этот старичок сидел у самой воды,

поджав под себя ноги, и жалобно смотрел на Синдбада.

— Мир тебе, о старик! — сказал Синдбад.— Кто ты, и что это за остров? Почему ты сидишь один у этого ручья?

Старик не ответил Синдбаду ни одного слова, но попросил его знаками:

— Перенеси меня через ручей.

Синдбад сначала испугался этого немого старика и стоял, не зная, что делать. Старик снова протянул к нему руки, как будто умоляя его, и Синдбад подумал:

«Если я перенесу его через ручей, мне не будет от этого ничего плохого, а сделать доброе дело никогда не мешает. Может быть, старик мне укажет, как найти на острове людей, которые помогут мне добраться до Багдада».

И он подошел к старику, посадил его себе на плечи и перешел через ручей.

На другом берегу Синдбад опустился на колени и сказал старику:

— Слезай, мы уже перешли ручей.

Но старик только крепче уцепился за него и обхватил ногами его шею.

— Долго ты еще будешь сидеть у меня на плечах, скверный старик? — закричал Синдбад и хотел сбросить старика на землю, как вдруг старик громко засмеялся и так сжал ногами шею Синдбада, что Синдбад чуть не задохнулся.

— Горе мне! — воскликнул Синдбад.— Я убежал от людоеда, перехитрил крылатую змею и заставил Руха нести себя, а теперь мне самому придется носить этого скверного старика! Пусть только он слезет и заснет, я сейчас же утоплю его в море. А до вечера уже недолго ждать!

Но наступил вечер, а старик и не думал слезать с шеи Синдбада. Он так и заснул у него на плечах и только немного разжал ноги. А когда Синдбад пробовал тихонько спихнуть его со своей спины, старик заворчал во сне и больно ударил Синдбада ногами. Ноги были у него тонкие и длинные, как плети.

И превратился несчастный Синдбад во вьючного верблюда. Целыми днями пришлось ему бегать со стариком на спине от одного дерева к другому и от ручья к ручью. Если он шел тише, когда уставал, старик жестоко бил его пятками по бокам, сдавливал ему коленями шею.

Так прошло много времени: месяц или больше. Синдбад потерял надежду освободиться. И вот однажды в полдень, когда солнце особенно припекало, старик крепко заснул на плечах Синдбада, и Синдбад решил отдохнуть где-нибудь под деревьями. Он стал искать тенистого места и зашел на полянку, на которой еще не бывал. На этой полянке росло много больших тыкв величиной с голову ребенка, и некоторые из них были сухие. «Эти тыквы мне, наверно, пригодятся,— подумал Синдбад.— Может быть, они даже помогут мне сбросить с себя этого жестокого старика».

Он сейчас же выбрал несколько тыкв побольше и выдолбил их острой палочкой. Потом он набрал самого спелого винограда, наполнил им тыквы и плотно закупорил их листьями. Он выставил тыквы на солнце, ушел с полянки, таща на себе старика, и три дня туда не возвращался.

На четвертый день Синдбад снова пришел к своим тыквам (старик, как и в тот раз, спал у него на плечах) и вынул пробки из листьев, которыми тыквы были заткнуты. В нос ему ударил крепкий приятный запах: виноград стал бродить, и его сок превратился в вино.

Этого только и нужно было Синдбаду. Он осторожно вынул виноград и выжал из него сок прямо в тыквы, а потом снова закупорил их и поставил в тень. Теперь надо было ждать, когда проснется старик.

Первый раз Синдбаду хотелось, чтобы он проснулся. Вскоре старик начал ерзать на плечах Синдбада и ударил его пятками, подгоняя его. Тогда Синдбад выбрал самую большую тыкву, откупорил ее и отпил немного соку. Вино было крепкое и сладкое. Синдбад прищелкнул языком от удовольствия и начал плясать на одном месте, встряхивая старика. А старик увидел, что Синдбад напился чего-то вкусного, и ему тоже захотелось попробовать.

— Дай и мне,— показал он Синдбаду знаками.

Синдбад подал ему тыкву, и старик одним духом выпил из нее весь сок. Он никогда раньше не пробовал вина, и оно ему очень понравилось. Скоро он начал петь и смеяться, захлопал в ладоши и застучал кулаками по шее Синдбада. А Синдбад тоже хохотал и плясал, раскидывая ноги во все стороны.

Но вот смех старика стал все тише и тише, и, наконец, старик крепко заснул, свесив голову на грудь. Его ноги постепенно разжались, и Синдбад легко сбросил его со своей спины. До чего приятно показалось Синдбаду расправить, нако-

нец, плечи и выпрямиться! От радости он запрыгал вокруг старика, щелкая пальцами и напевая, потом двинул его ногой и сказал:

— Я тебя пожалел и перенес тебя через ручей, а ты, неблагодарный, сел на меня верхом и не хотел слезать. Так вот же теперь лежи здесь, пока не проснешься. Никто уже не будет больше тебя носить. Если мне не удастся отсюда выбраться, я сяду на берегу и всякому, кого увижу, буду говорить: «На этом острове живет скверный и злой старик. Не слушайтесь его и не исполняйте его просьб». И ты умрешь от жажды и голода.

Потом Синдбад ушел от старика и целый день бродил по острову. Он прожил на острове еще много дней и все ходил вдоль берега моря, высматривая, не виднеется ли где-нибудь парус. И, наконец, вдали показался большой корабль, который приближался к острову. Синдбад очень обрадовался, закричал и принялся бегать взад и вперед и махать руками. А когда корабль подошел ближе, Синдбад бросился в воду и поплыл ему навстречу. Капитан корабля заметил Синдбада и велел остановить свое судно. Синдбад, как кошка, вскарабкался на борт и сначала не мог сказать ни одного слова, а только обнимал капитана и матросов и плакал от радости. Матросы громко говорили между собой, но Синдбад не понимал их. Среди них не было ни одного араба, и никто из них не говорил по-арабски. Они накормили и одели Синдбада и дали ему место в каюте, и Синдбад ехал с ними много дней и ночей, пока корабль не пристал к какому-то городу.

Это был большой город с высокими белыми домами и широкими улицами. Со всех сторон его окружали крутые горы, поросшие густым лесом.

Улицы и площади были полны народа, и все люди, которые попадались Синдбаду навстречу, были чернокожие, с белыми зубами и красными губами. Синдбад вышел на берег и пошел бродить по городу. На большой площади был главный городской рынок. Там стояло много лавок, в которых торговали, выкрикивая названия своих товаров, купцы из всех стран: персы, индийцы, франки [1], турки, китайцы.

Синдбад стоял посреди рынка и смотрел по сторонам. И вдруг мимо него прошел человек в халате с большим белым тюрбаном на голове и остановился у лавки медника. Синдбад внимательно всмотрелся в него и сказал себе:

«У этого человека совсем такой же халат, как у моего приятеля Хаджи-Мухаммеда с Красной улицы. И тюрбан у него свернут по-нашему. Подойду к нему и спрошу, не из Багдада ли он».

А человек в тюрбане тем временем выбрал большой блестящий таз и кувшин с длинным узким горлышком, отдал за них меднику два золотых динара и пошел обратно. Когда он поровнялся с Синдбадом, Синдбад низко поклонился ему и сказал:

— Мир тебе, о почтенный купец! Скажи мне, откуда ты родом. Не из Багдада ли, Города Мира?

— Привет тебе, мой земляк! — радостно ответил купец.— По тому, как ты говоришь, я сразу узнал, что ты тоже багдадец. Уже десять лет я живу в этом городе и ни разу до сего дня не слышал арабской речи. Пойдем ко мне и поговорим о Багдаде, о его садах и площадях.

И купец обнял Синдбада и прижал его к груди. Он повел Синдбада к себе домой, напоил и накормил его, и они до вечера проговорили о Багдаде и его диковинах. Синдбаду было так приятно вспоминать родину, что он даже не спросил багдадца, как его зовут и как называется город, в котором он теперь находится. А когда стало темнеть, багдадец сказал Синдбаду:

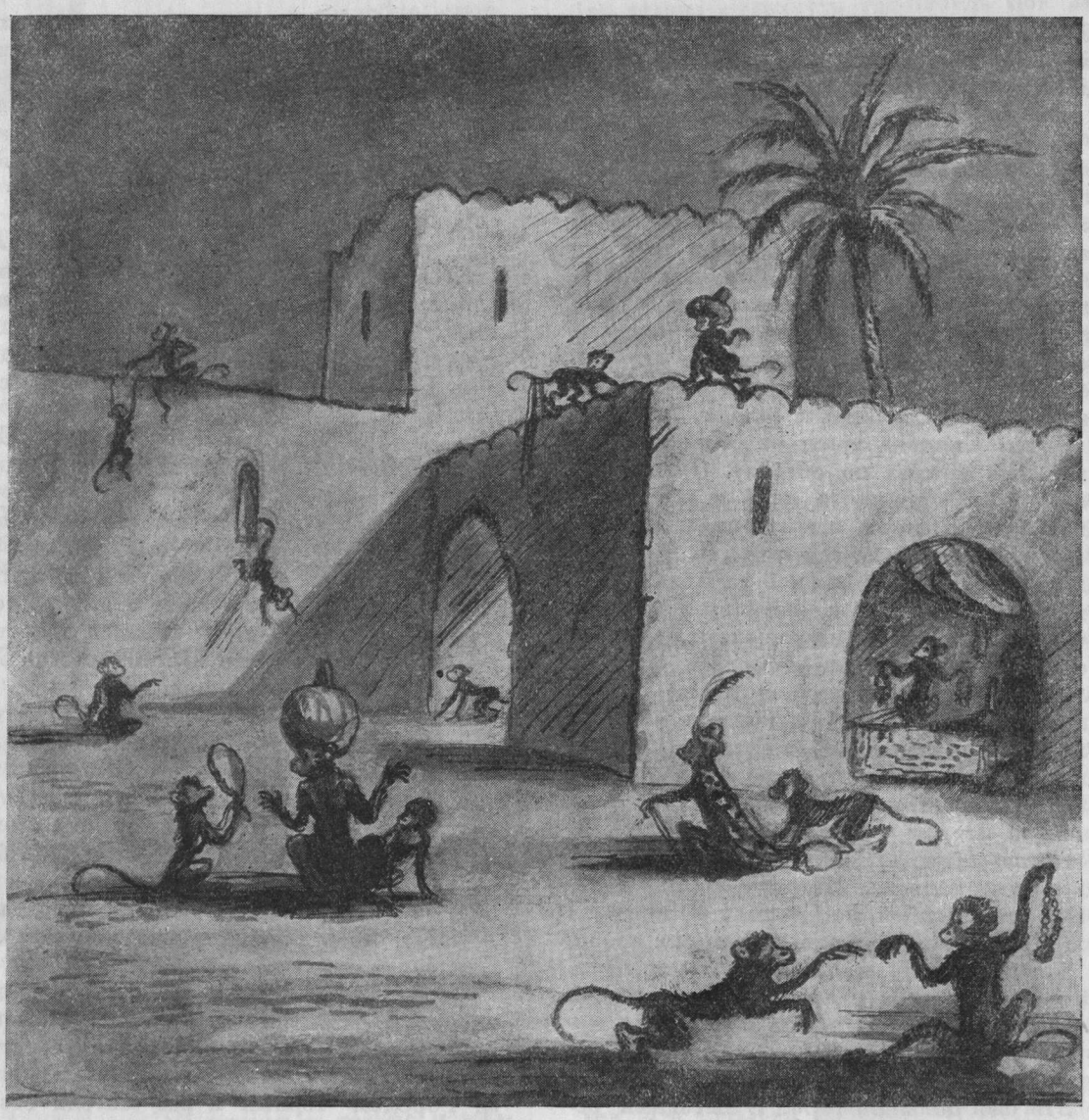
— О земляк, я хочу спасти тебе жизнь и сделать тебя богатым. Слушай же меня внимательно и делай все, что я тебе скажу. Знаешь ли, что этот город называется Городом Черных и все жители его — зинджи? [2] Они живут в своих домах только днем, а вечером садятся на лодки и выезжают в море. Как только наступит ночь, в город приходят из леса обезьяны и, если находят на улице человека, убивают его. А утром обезьяны снова уходят и зинджи возвращаются. Скоро станет совсем темно, и обезьяны появятся в городе. Садись же со мной в лодку и поедем, иначе обезьяны тебя убьют.

— Спасибо тебе, земляк, за все, что ты для меня сделал! — воскликнул Синдбад.— Скажи мне, как твое имя, чтобы я мог передать его родным и чтобы мы знали, кто оказал мне милость.

— Меня зовут Мансур Плосконосый,—

[1] Франками арабы называли европейца.

[2] Зинджи — арабское название негров.



Обезьяны рассыпались по рынку, сели в лавках и начали торговать...

ответил багдадец.— Идем скорее, если ты не хочешь попасть в лапы обезьян.

Синдбад и Мансур вышли из дома и пошли к морю. Все улицы были полны народа. Мужчины, женщины и дети бежали к пристани, путаясь в полах халатов, спотыкаясь и падая. У каждого в руках был маленький узелок с припасами на ночь.

Придя в гавань, Мансур отвязал свою лодку и вскочил в нее вместе с Синдбадом. Они от'ехали немного от берега, и Мансур сказал:

— Сейчас в город войдут обезьяны. Смотри!

И вдруг горы, окружавшие Город Черных, покрылись движущимися огоньками. Огоньки катились сверху вниз и становились все больше и больше. Наконец, они совсем приблизились к городу, и на большой площади появились обезьяны, которые несли в передних лапах факелы, освещая путь.

Обезьяны рассыпались по рынку, сели в лавках и начали торговать: одни продавали, другие покупали. В харчевнях обезьяны-повара жарили баранов, варили рис и пекли хлеб. Покупатели, тоже обезьяны, примеряли халаты, выбирали посуду, материю, ссорились и дрались между собой.

Так продолжалось до рассвета, а когда небо на востоке стало светлеть, обезьяны построились в ряды и ушли из города. Жители вернулись в свои дома, и снова началась в городе торговля, как раньше.

Мансур Плосконосый опять привел Синдбада к себе домой и сказал ему:

— Я уже долго живу в Городе Черных и стосковался по родине. Скоро мы с тобой отправимся в Багдад, но сначала тебе нужно нажить побольше денег, чтобы не стыдно было вернуться домой. Слушай же, что я тебе скажу. Горы вокруг Города Черных покрыты лесом, и в этом лесу много пальм с прекрасными кокосовыми орехами. Зинджи очень любят эти орехи и готовы отдать за каждый из них много золота и драгоценных камней. Но пальмы в лесу такие высокие, что ни один человек не может достать орехов, и никто не знает способа их раздобыть. Я научу тебя, как доставать орехи. Завтра мы пойдем в лес, и ты вернешься оттуда богачом.

На следующее утро, как только обезьяны ушли из города, Мансур вынес из кладовой два больших тяжелых мешка, взвалил один из них на плечи, а другой велел нести Синдбаду и сказал:

— Ступай за мной и смотри, что я буду делать. Делай то же самое, и тебе удастся раздобыть столько орехов, сколько нет ни у кого из жителей этого города. Идем!

Синдбад с Мансуром пошли в лес и шли очень долго: час или два. Наконец, они пришли и остановились перед большой пальмовой рощей. На каждой пальме сидело несколько обезьян. Увидев людей, они вскарабкались на верхушки деревьев, свирепо оскалив зубы, и громко заворчали. Синдбад сначала испугался и хотел бежать, но Мансур остановил его и сказал:

— Развяжи твой мешок и посмотри, что там есть.

Синдбад развязал мешок и увидел, что он полон круглых гладких камешков — голышей. Мансур тоже развязал мешок и, запустив в него руку, вынул горсть камешков и бросил в обезьян. Обезьяны закричали еще громче и принялись лазать по деревьям и перепрыгивать с одной пальмы на другую, стараясь укрыться от камней. Но куда они ни убегали, Мансур везде доставал их. Тогда обезьяны начали срывать с пальм орехи и бросать их в Синдбада и Мансура. Мансур и Синдбад бегали между пальм, ложились, приседали, прятались за ветвями, и только один или два снаряда, брошенных обезьянами, попали в них. Скоро вся земля кругом была усеяна самыми большими и отборными орехами.

Когда в мешках не осталось больше камней, Мансур и Синдбад наполнили их орехами и вернулись домой. Они продали орехи на рынке и получили за них столько золота и драгоценностей, что едва принесли их домой. На следующий день они опять пошли в лес и снова набрали столько же орехов.

Так они ходили в лес десять дней. Наконец, когда все кладовые в доме Мансура были полны и золота стало некуда класть, Мансур сказал Синдбаду:

— Теперь мы можем нанять корабль и отправиться в Багдад.

Они пошли к морю, выбрали самый большой и крепкий корабль, наполнили его трюм золотом и драгоценностями и поплыли. На этот раз ветер был попутный, и никакая беда не задержала их.

Скоро они прибыли в Басру, наняли караван верблюдов, навьючили их драгоценностями и пришли в Багдад.

Жена и родные радостно встретили Синдбада. Теперь уж никто не упрекал его за то, что он вернулся ни с чем. Синдбад роздал родным и приятелям много золота и драгоценных камней и спокойно зажил в своем доме. Снова, как прежде, стали приходить к нему купцы и слушать рассказы о том, что он видел и испытал в путешествии.

Четвертое путешествие

Но прошло немного времени, и Синдбаду опять захотелось ехать в чужие страны. На этот раз его никто не удерживал. Даже жена сказала ему:

— Хоть и жалко мне опять расставаться с тобой, Синдбад, но ты все-таки поезжай. Может быть, привезешь еще каких-нибудь драгоценностей.

Быстро собрался Синдбад и поехал в Басру. Опять выбрал он себе хороший корабль, набрал команду матросов и пустился в путь.

Двадцать дней и двадцать ночей шел корабль, подгоняемый попутным ветром. А на двадцать первый день подул противный ветер, и на море поднялись большие волны, которые бились одна о другую. И разлился в воздухе такой густой мрак, что нельзя было увидеть собственную руку, и Синдбад потерял надежду спастись. А ветер все дул против корабля, и волны хлестали через палубу, пока не показалась заря, и тогда ветер стих, море успокоилось и засияло солнце. И оказалось, что буря пригнала корабль к какому-то неведомому острову. Корабль простоял два дня у этого острова и снова тронулся в путь. Он проплыл еще двадцать дней, неведомо куда, толкаемый ветром, и капитан перестал узнавать море и сбился с пути. Он приказал одному из матросов посмотреть, не видно ли земли, и матрос влез на мачту и крикнул:

— О капитан, я вижу справа от себя большую рыбу на поверхности воды, а вдали я вижу что-то такое, что кажется по временам черным, а по временам белым!

И вдруг капитан сорвал с себя тюрбан и бросил его на землю. Он разодрал свой халат, выдрал у себя клок бороды и стал громко кричать и стонать. Синдбад спросил его:

— Что с тобой, капитан Мухаммед?

— Знай, о Синдбад,— ответил капитан,— что мы все погибнем и никто из нас не спасется!

— Расскажи нам, что видел матрос с мачты,— попросил Синдбад.

— Он видел гору, которая называется Горой магнита,— отвечал капитан.— Когда на нее светит солнце, она блестит, сверкает и кажется белой, а когда солнце закрывают тучи, эта гора кажется черной. Завтра утром течение пригонит нас к Горе магнита, и все, какие есть на корабле гвозди, вылетят из досок и пристанут к ней, так как магнитная гора имеет силу притягивать к себе железо.

И капитан горько заплакал, а Синдбад уверился, что погибнет, и стал прощаться с матросами, которые были на корабле. Всю ночь корабль быстро несся к Горе магнита, и никто на корабле не мог спать от сильного страха и ужаса, а когда рассвело, корабль Синдбада вдруг жалобно заскрипел и остановился. И сразу все гвозди вылетели из досок и тучей понеслись к Горе магнита, точно стая воробьев, которых вспугнули камнем. Корабль постоял еще минуту и сразу развалился, и все, кто был на нем, попадали в воду. Матросы хорошо умели плавать и выплыли на поверхность, но волны разбросали их в разные стороны, и они не видели друг друга. Только Синдбаду удалось зацепиться за скалу, торчавшую из воды у самого берега, и он выбрался на сушу.

Он увидел, что находится на пустынном острове, где не было ни птиц, ни зверей. Вокруг него валялись обломки кораблей, выброшенные морем, и лежали груды золота и драгоценностей: морские разбойники прятали их в железные ящики и хранили в трюмах кораблей, и, когда Гора магнита притянула к себе ящики, они разбились о ее склоны и все, что в них было, высыпалось на землю.

Грустно стало Синдбаду, когда он увидел это золото, и он сказал себе:

«Вот передо мной столько золота, сколько я никогда не видел. А что я буду с ним делать на этом острове, где нет ни людей, ни рынков? Я знаю, что никто уже теперь меня не спасет: ни один корабль не приближается к этому острову, а если какой-нибудь капитан и подплывет к нему, его судно разлетится на куски. Но плакать и горевать — это делу не поможет. Если я буду сидеть здесь, то умру от жажды и голода. Пойду поищу пресной воды и хоть каких-нибудь кореньев».

Долго бродил Синдбад по острову и, наконец, увидел небольшой ручеек, который тек по полянке, заросшей густой травой. Синдбад напился воды из ручья и поел кореньев, которые нашел в траве. Отдохнув немного, он пошел по течению ручья, и ручей привел его к большой реке, быстрой и бурливой. На берегах реки росли прекрасные высокие деревья — тек, из которого строят корабли,— алоэ и сандал.

Синдбад прилег под деревом и крепко заснул. Проснувшись, он немного подкрепился плодами и кореньями, потом подошел к реке и стал смотреть на ее течение.

«У этой реки,— сказал он себе,— должно быть начало и конец. Если я сделаю маленькую лодку и поплыву на ней по реке, вода, может быть, принесет меня к какому-нибудь городу».

Он набрал под деревьями сучьев и веток и связал их на берегу веревками с кораблей, которые разбились у Горы магнита, а на сучья он положил корабельные доски, и получилась прекрасная лодка. Потом Синдбад еще раз вернулся на берег моря, снял с себя рубаху и халат и

положил в них сколько мог золота и драгоценностей. Он связал свою добычу в два больших узла и снес их в лодку, а потом оттолкнулся от берега и поплыл. Течение быстро несло его лодку, и скоро Синдбад увидел перед собой высокую гору, в которой вода пробила узкий проход. Синдбад хотел остановить лодку или повернуть ее назад, но вода была сильнее его и потянула лодку в этот проход. Сначала под горой было еще светло, но чем дальше течение несло лодку, тем становилось темнее, и, наконец, наступила глубокая тьма. Вдруг послышался сбоку какой-то шум, и Синдбад больно ударился головой о камень. Проход делался все ниже и теснее, и лодка терлась боками о стены горы. Скоро Синдбаду пришлось стать на колени, потом на четвереньки. Лодка еле-еле двигалась вперед.

«А вдруг она остановится? — подумал Синдбад.— Что я тогда буду делать под этой темной горой?»

Но течение все-таки влекло лодку, и она двигалась, хотя и медленно. Синдбад лег на дно лодки лицом вниз и закрыл глаза: ему казалось, что стенки горы вот-вот раздавят его вместе с лодкой.

Долго пролежал он так, каждую минуту ожидая смерти, и, наконец, заснул, ослабев от волнения и усталости.

Когда он проснулся, вокруг было светло, и лодка стояла неподвижно. Она была привязана к длинной палке, воткнутой в дно реки у самого берега. А на берегу собралась толпа людей, одетых не так, как арабы. Эти люди указывали на Синдбада пальцами и громко разговаривали между собой на каком-то непонятном языке.

Увидев, что Синдбад проснулся, люди на берегу расступились, и из толпы вышел высокий старик с длинной седой бородой, одетый в дорогой халат. Он приветливо сказал что-то Синдбаду, протягивая ему руку, но Синдбад несколько раз покачал головой в знак того, что не понимает, и спросил:

— Что вы за люди, и как называется ваша страна?

Тут все на берегу закричали:

— Араб! Араб!

И другой старик, одетый еще наряднее первого, подошел почти к самой воде и сказал Синдбаду на чистом арабском языке:

— Мир тебе, чужеземец! Кто ты таков, и откуда ты пришел? По какой причине ты прибыл к нам? Как ты нашел к нам дорогу, и что за страна позади этой горы? Мы знаем, что никто не может придти оттуда к нам.

— А вы сами кто такие, и что это за земля? — спросил его Синдбад.

— О брат мой! — ответил старик.— Мы мирные земледельцы. Мы пришли за водой, чтобы поливать наши посевы, и увидели, что ты спишь в лодке, и тогда мы поймали твою лодку и привязали ее у нашего берега. Скажи мне: откуда ты и зачем к нам приплыл?

— О господин! — ответил Синдбад.— Прошу тебя, дай мне поесть и напои меня, а потом спрашивай, о чем хочешь.

— Пойдем за мной в мой дом,—сказал старик.

Он отвел Синдбада к себе домой, напоил и накормил его, и Синдбад прожил у него несколько дней.

И вот как-то утром старик сказал ему:

— О брат мой! Не хочешь ты пойти со мной на берег реки и продать свой товар?

«А откуда у меня товар?» — подумал Синдбад.

— Мы снесем твой товар на рынок,— продолжал старик,— и если тебе дадут за него хорошую цену, ты его продашь, а если нет, оставишь себе.

— Ладно,—сказал Синдбад и пошел со стариком.

Придя на берег реки, он взглянул на то место, где была привязана его лодка, и увидел, что лодки нет.

— Где моя лодка, в которой я приплыл к вам? — спросил он старика.

— Вот,— ответил старик и указал пальцем на кучу бревен, сваленных на берегу.— Это и есть твой товар, и дороже его нет ничего в наших странах. Знай, что твоя лодка была связана из кусков драгоценного дерева. Если хочешь, продай их нам, и мы дадим тебе столько, сколько ты запросишь.

— А как же я вернусь отсюда на родину, в Багдад, если у меня не будет лодки? — спросил Синдбад.— Нет, я вам не продам ее.

— О друг мой, — сказал старик, — забудь о Багдаде и о твоей родине. Из нашей страны нет другого выхода в море, кроме как через проход в горе, и ты первый узнал, что он существует. Если ты вернешься в свою страну, ты расскажешь людям про нашу землю, и они придут и покорят нас. Не думай же о том, чтобы уехать: мы не отпустим тебя никогда. Живи у нас и будь нашим гостем, пока не

умрешь, а лодку твою мы с тобой продадим на рынке, и тебе за нее дадут столько пищи, что тебе хватит на всю жизнь.

— А где узлы, которые лежали в лодке? — спросил Синдбад.

— Я приказал отнести их в свою кладовую,— ответил старик.— В них лежат какие-то блестящие кружочки и камни. Если они тебе нужны, возьми их.

А жители этой страны, никогда не видели золота и драгоценных камней и не знали, что это такое.

И бедный Синдбад оказался на острове пленником.

Он продал на рынке бревна, из которых была сделана лодка, и получил за них много муки, плодов и других припасов, но это не радовало его. Он только о том и думал, как бы вернуться на родину.

И вот однажды, в тот день, когда начался новый месяц, Синдбад вышел на улицу и увидел, что все мужчины—жители города — ходят в широких халатах, без рукавов, накинутых прямо на плечи. И старик, у которого жил Синдбад, тоже надел такой же халат.

— О господин мой!—сказал Синдбад.— Что означает эта диковинная одежда?

— Знай, о друг мой,— отвечал старик,— что первые два дня каждого месяца у нас великий праздник, и когда он начнется, ни один чужеземец не должен выходить на улицу города. Начало праздника — с вечера сегодняшнего дня. Будь же послушен и не выходи из дому с той минуты, когда зайдет солнце, а завтра вечером, как только стемнеет, праздник кончится, и ты опять будешь свободен.

— Хорошо,— сказал Синдбад,— я исполню твое желание.

А про себя он решил, что обязательно спрячется и посмотрит на праздник.

Он дождался, пока старик ушел по делам из дома (а солнце еще не зашло), и тихонько вышел вслед за ним, так что старик этого не заметил. Долго искал Синдбад укромное место, чтобы спрятаться и, наконец, притаился за воротами одного старого дома на главной улице. Этот дом почти совсем развалился, и в нем уже давно никто не жил.

Синдбад просидел за воротами до заката солнца, а когда стемнело, он вдруг услышал звук трубы и бой барабана. Он осторожно выглянул за ворота и увидел на улице большое шествие. Впереди всех бежали дети и весело били в барабан. За ними шли женщины с факелами, а за женщинами выступали мужчины в своих широких халатах без рукавов.

Шествие вышло на середину площади, и женщины уселись на земле в круг. Посреди круга они сложили большой костер и зажгли его. Скоро костер ярко запылал, и вдруг мужчины сбросили с себя халаты, и Синдбад увидел, что у каждого из них за спиной широкие белые крылья из перьев. Дети еще сильнее застучали в барабаны и принялись плясать вокруг огня с громкими песнями, а когда костер потух, мужчины расправили крылья и улетели. В городе остались только дети и женщины.

Синдбад осторожно вернулся домой и больше уже не выходил на улицу до конца праздника.

Наступило утро, и прошел день, а к вечеру вернулся старик, хозяин Синдбада. Он так и не узнал ничего о том, что Синдбад выходил из дома и видел праздник.

А когда опять начался новый месяц, Синдбад пошел к одному человеку, с которым он свел дружбу, и стал просить, чтобы он посадил его себе на спину и полетал с ним, когда у него вырастут крылья.

— Как же ты узнал, что мы летаем?— спросил его этот человек. — Не будь ты мой друг, я бы сейчас же рассказал нашему царю, что ты подсмотрел за нами, и он велел бы тебя казнить. А взять тебя с собой—это вещь невозможная.

Но Синдбад не переставал уговаривать своего друга, пока тот не согласился, и тогда этот человек сказал ему:

— Сегодня вечером начинается наш праздник. Завтра с утра приходи на гору, возле западных городских ворот, и жди меня. Я прилечу к тебе и возьму тебя полетать, но только с одним условием: пока мы будем в воздухе, ты молчи и не говори ни слова.

Синдбад радостно вернулся домой, и, как только наступил вечер и старик, его хозяин, ушел, Синдбад спустился в кладовую и вынес оттуда узлы с золотом. Он отобрал самые большие камни и наложил их всюду, куда только мог: за пазуху, за пояс, в тюрбан,— а потом вышел из дому и отправился на гору. Когда он пришел, его друг уже ждал его.

— Садись ко мне на спину,—сказал он Синдбаду,— и помни: пока будем летать, не раскрывай рта, а то нам обоим придется плохо.

Синдбад вскарабкался ему на спину и

кое-как примостился у него между крыльев.

— Держись крепче! — крикнул ему его друг и, широко распахнув крылья, взлетел на воздух.

Он летел все выше и выше и забрался так высоко, что земля показалась Синдбаду не больше мячика, брошенного в воду.

И он не удержался и воскликнул:

— Вот чудо!

И едва он произнес эти слова, как крылья человека-птицы бессильно опустились в воздухе и он стал медленно падать вниз.

На счастье Синдбада, они в это время пролетали над рекой, так что Синдбад не разбился, а только сильно ушибся о воду. А у человека-птицы крылья пропитались водой, и он камнем пошел ко дну.

Синдбад поплыл к берегу, и, хотя из-за камней, которые он взял с собой, ему очень тяжело было плыть, он все-таки выбрался на сушу. Опять он один в каком-то пустынном месте! Снова придется ему ждать смерти вдали от близких и родины!

Он забрался так высоко, что земля показалась Синдбаду не больше мячика, брошенного в воду.

Долго сидел Синдбад и думал, что ему делать.

«Почему я не остался у старика, который так ласково меня встретил и дал мне у себя приют?—говорил он себе.—Я сам виноват во всем, что со мной случилось».

И когда он так сидел и думал, вдруг из-за куста выползла большая толстая змея, и в пасти она держала человека, которого проглотила наполовину. Этот человек увидел Синдбада и закричал:

— Освободи меня, и я отблагодарю тебя за это!

И Синдбад поднял с земли тяжелый камень и перешиб змею пополам. И тогда она разжала челюсти и выбросила человека из пасти, и человек подошел к Синдбаду, плача от радости.

— Как мне отблагодарить тебя за то, что ты меня спас?—воскликнул он.

— Скажи мне, в какой я земле,— сказал Синдбад,—и далеко ли отсюда до Багдада?

— Ты находишься в земле египетской, около счастливого города Каира,—ответил человек.—От нас в Багдад часто ходят караваны, и я помогу тебе добраться туда. А теперь позволь мне отвести тебя в мой дом, к моим детям, чтобы они знали, кто спас их отца.

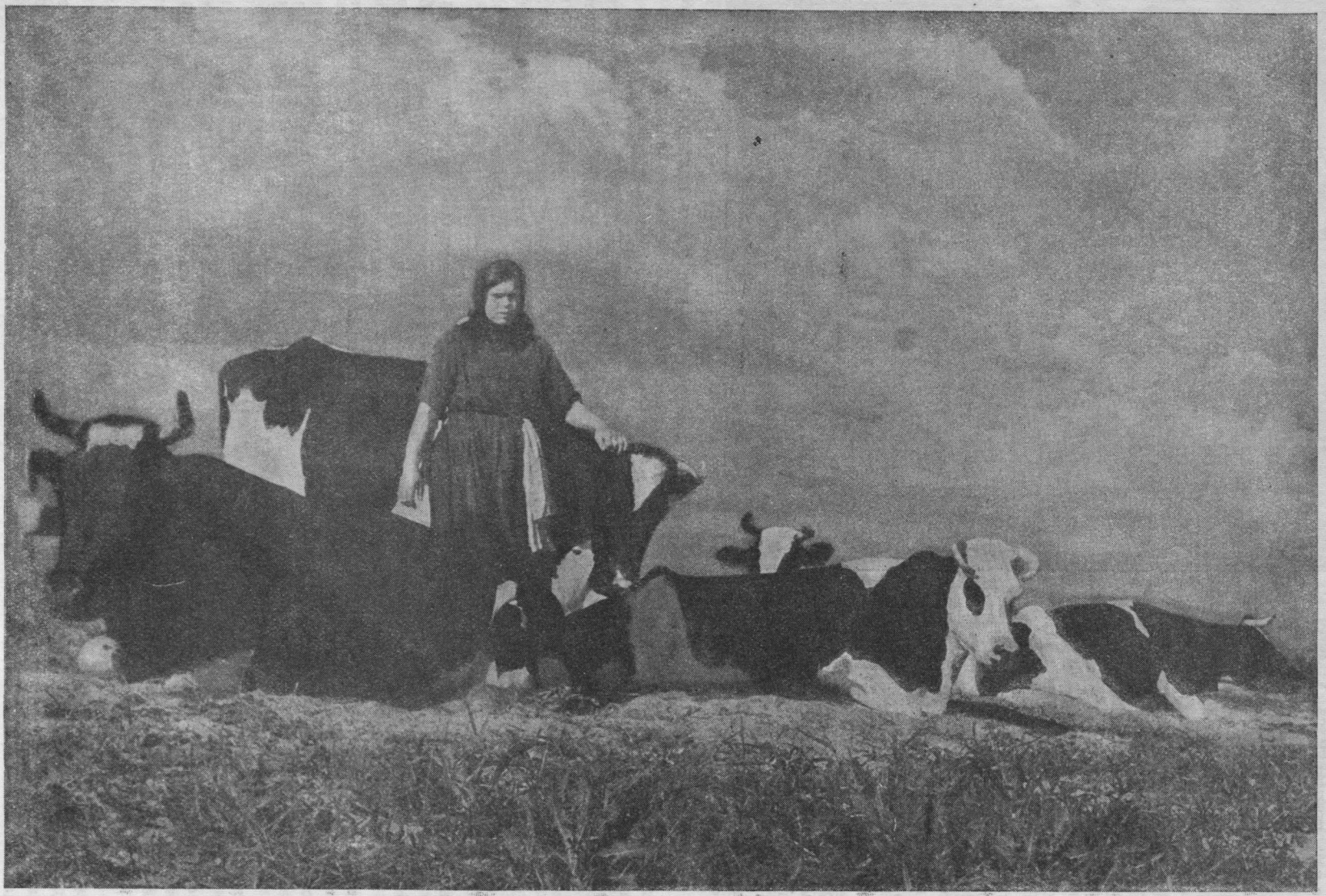
И Синдбад отправился к нему в дом и прожил у него столько, сколько нужно было, чтобы отдохнуть, а потом он продал свои драгоценные камни, нанял караван верблюдов и, навьючив их египетскими товарами, вернулся в Багдад.

Родные уже не надеялись его видеть, и, когда Синдбад рассказал им, что с ним случилось, они очень удивились и обрадовались, что он остался жив.

— Теперь я уже не пущу тебя больше путешествовать!—сказала жена Синдбада.

И Синдбад дал ей клятву, что никогда не уедет из Багдада.

И опять стали приходить к Синдбаду его приятели, чтобы послушать, какие он пережил приключения. И вот все, что случилось с Синдбадом в неведомых землях и в далеких морях.



ХОЛМОГОРСКИЕ КОРОВЫ

Тася Прокофьева работает дояркой в Холмогорском племенном совхозе.

Холмогоры — старинное богатое село на Северной Двине — славится своими коровами. По Двине, по ее рукавам и притокам много заливных лугов. Тут прекрасные пастбища. Весной на влажной, напитанной полой водой почве подымаются могучие травы. Повсюду блестит вода: то озерко какое-нибудь, то речка — приток полноводной Двины. Спокойно пасутся сытые красавицы-коровы. Степенные, медлительные, рослые. И все, как одна, черные с белым. В Холмогорском районе тысячи коров, в каждой деревне большое стадо, но ни в одном дворе не найдется ни одной рыжей или бурой коровы, даже ни одного самого маленького рыжего пятнышка нет на холмогорских коровах. Такая уж порода.

Но, конечно, холмогорки получили известность не за масть. Они славятся тем, что дают очень много молока. Гораздо больше чем обыкновенные, непородистые коровы.

Поэтому в Холмогоры приезжает много колхозников, часто очень издалека, чтобы купить породистых, холмогорских коров. Эти коровы улучшают совхозные и колхозные стада, передавая потомству по наследству свои хорошие качества.

Все холмогорские коровы дают больше молока чем простые, но некоторые дают особенно много. Такие коровы называются рекордистками. Тасина воспитанница — корова «Радость» — всесоюзная рекордистка. Бывают дни, когда она в сутки дает 51 литр молока. Во всем Советском союзе ни одна корова той же породы и в том же возрасте, что и «Радость», не дает столько молока.

Тася Прокофьева выращивает коров-рекордисток. Она ухаживает за ними бережно, как за детьми. Четыре раза в месяц Тася устраивает своим коровам «баню»: моет их с ног до головы. Каждый день чистит коров щеткой. Поэтому они такие красивые и гладкие. Коровы должны дышать свежим воздухом — и зимой Тася ежедневно водит их на прогулку. А весной коровы на целое лето переселяются в луга — на курорт, как шутят в совхозе.

Тася Прокофьева за свою прекрасную работу награждена орденом Ленина.

На снимке: Тася на пастбище среди своих коров.

П О Ч Т А

Муравьиные дорожки

Письмо Коли Гукленгофа

Станция Крюково, ул. Ворошилова, д. 21

Все лето я спал в сарае. Но в начале сентября начались заморозки, и однажды я проснулся от холода.

Как я ни закапывался поглубже в сено, мне все-таки было холодно. Решил прогуляться, встал, отряхнулся и вышел во двор. Светало. От земли поднимался густой туман. Кое-где был виден блеск инея на траве. Мне расхотелось спать, и я решил пойти за грибами. Взял корзинку, спички, завтрак и пошел в лес.

Было очень тихо, как бывает всегда в первые часы рассвета. На востоке я увидел розовую зарю. Я вошел в лес и стал собирать грибы. Грибов было много: тут были подосиновые, сыроежки, опенки, грузди, козлята, маслята, белые. Увлекшись сбором грибов, я не заметил, как быстро пролетело время. Уже взошло солнце, и в лесу слышался птичий писк. Я набрал полкорзины грибов. Мне захотелось есть. Я развел костер и стал завтракать. Покушав, я решил часок отдохнуть и прилег на сухой валежник. Проснулся я от резкой боли в руке. Я вскочил на ноги. Костер сильно разгорелся и трещал. Искорки разлетались во все стороны. Одна, наверное, попала мне на руку. Я потушил костер и пошел через большую полянку в дубовый лес. Здесь росли великаны-дубы, но грибов было мало: попадались одни грузди. За лесом была другая полянка, поросшая мелким осинником и колючей ежевикой. Здесь было очень много опенок, но рвать было трудно из-за колючих кустарников ежевики. Вспугнув выводок рябчиков, кормившихся опавшими ягодами ежевики, я вошел в хмурый хвойный лес. В лесу было темно и сыро. Мох доходил мне до щиколотки. Везде стояли громадные муравейники, и от них в разные стороны тянулись муравьиные дорожки. По дорожкам бегали красные лесные муравьи.

Дорожки были так хорошо утоптаны и пропитаны муравьиным спиртом, что ни одна травка, ни одна былиночка не росла на них; шириной они были примерно в 15 сантиметров. Некоторые дорожки тянулись по всему лесу, пересекая его в разных направлениях, не видно было их конца.

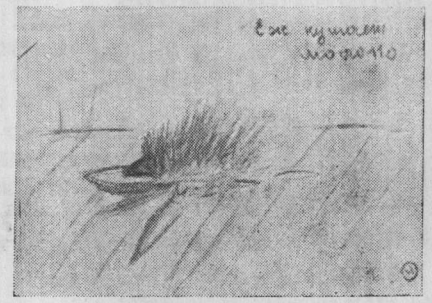
Вскоре я наткнулся на несколько белых грибов, потом еще на несколько. Солнце скрылось за серую тучу, и небо заволоклось облаками. Пройдя немного в глубь елового леса, я заметил белку. Мне захотелось поймать ее, и я стал к ней тихо приближаться. Когда я был от нее в десяти шагах, белка почуяла меня и бросилась бежать. Схватив корзинку, я стал ее преследовать. Скоро мне надоело ее догонять, и я остановился, сел на пень. Я посмотрел на небо: оно было серо, солнце закрыто облаками.

В погоне за белкой я потерял дорогу. Я пошел вперед, в неизвестном мне направлении. Шел я долго. Но дороги домой я не узнавал. Вдруг я вспомнил, что север можно узнать по лишаям на северной стороне дерева; я подошел к дереву и увидел, что оно со всех сторон одинаково было покрыто лишаями. Я сел на пень, стал думать, как быть. В это время меня кто-то больно укусил в плечо. Я сунул руку за воротник и вытащил оттуда муравья. И тут меня осенила мысль: «Надо найти муравьиную дорожку и идти по ней к муравейнику, а муравейник своими ходами и своим построением (это я читал в рассказе М. Пришвина) расположен к востоку. Зная одну часть света, можно определить остальные». Я так и сделал. Нашел муравьиную дорожку. Пришел к муравейнику и пошел по правильному пути домой.

Мой ежик

Письмо Шуры Котельникова
Москва, Малая Бронная, д. 10, кв. 40

Однажды я сидел у окна и смотрел на улицу. Шел дождь. Я бросал кусочки замазки в лужи, и там появлялись радужные кружки. Вдруг раздался звонок. Я от-



Ежик пьет молоко.

крыл дверь и вижу: стоит дядя, а в руках у него фанерный ящик с дырочками.

Дядя вошел в переднюю и передал мне фанерный ящик. Я побежал в комнату и поставил ящик на окно. В ящике кто-то заворочался. Я осторожно открыл маленькую дверцу и отскочил... В ящике сидел зверек.

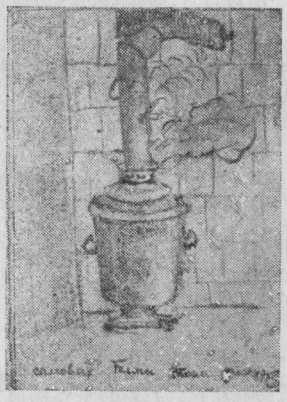
Дядя сказал:

— Этого ежика мы с папой поймали в Крыму.

Спустя неделю ежик у нас совсем освоился. Мы с сестренкой Ниной надевали перчатки, брали его на руки. Ежик бегал по комнатам, залезал в шкафы и буфет. Один раз он залез ко мне в рукав пальто. Я сильно укололся, когда надевал пальто. Ежик выпрыгнул из рукава и убежал под диван.

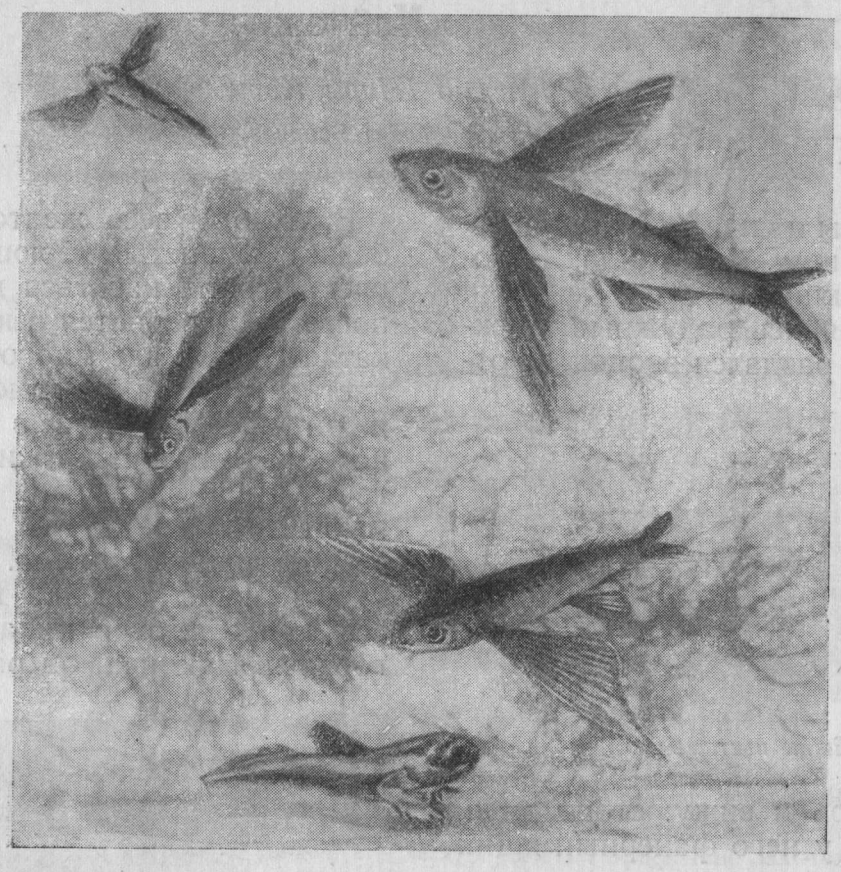
Ежик был весь желто-серый с белым пушистым брюшком. Он очень любил кататься в листьях по земле. Свернется в комочек и катается там, где много опавших листьев. Листья пристают к нему, и он превращается в большой ком из листьев. Ежик любил греться на солнышке и ловить мышей.

Приближалась зима. Как-то утром наша соседка поставила самовар. Самовар никак не разгорался. Наконец, он разгорелся,



Самовар стал дымить.

стал сильно дымить, и запахло чем-то паленым. Соседка догадалась, что в самоварной трубе что-то есть. Потушила самовар, и тогда из трубы выпал серый комочек. Это все, что осталось от нашего ежика. Ежик на зиму залез в трубу, видно, думал, что это его нора. Так погиб мой хороший ежик.



Это летающие рыбы на планете «Ялмез».

Вернулись на Землю!

Письмо Гели Крастина

Москва, Кузнецкий мост, д. 10, кв. 22

С тех пор как мы бросили письмо с планеты на Землю, прошло много времени. Сейчас мы уже спустились на Землю и снова стали нормального роста и толщины.

Как мы попали обратно на Землю?

Вы помните, как мы остановились перед стеной колючек. Долго мы выдергивали колючки, потом Шура сказал:

— У нас так ничего не выйдет. Хорошо бы чем-нибудь их разрубить.

И тут мы вспомнили: ведь почва «Ялмеза» тверда, как металл. Я взял кусок почвы, он был похож на каменный топор.

Я начал рубить им загородку. Но странное дело! Только я ударю по изгороди, тут же она опять зарастает. Мы начали рубить вдвоем. Стоило нам на минутку передохнуть, как мы оказывались во власти колючек, они опутывали нас со всех сторон. Среди колючек мы увидали странное животное: оно было похоже на змею, но с длинными густыми волосами. Видно, оно запуталось в колючках и не могло пошевелиться.

Когда мы, наконец, пробрались через стену колючек, одежда наша была изорвана, а лицо и руки исцарапаны.

Мы увидели необычайно высокие колючие растения. Стоило прикоснуться к какому-нибудь растению, как оно начинало расти вверх. Это, вероятно,—такое средство самозащиты.

Вдруг мы увидели необычайно высокое растение. Оно поднималось все выше, скоро переросло всех.

— Что-нибудь коснулось его, — сказал Шура, — давай посмотрим.

Мы побежали к этому растению. На верхушке прямого и гладкого ствола не было никакой зелени. Там лежало что-то темно-коричневого цвета. Шура пополз по дереву, но оно было такое гладкое, что он с'ехал вниз.

Тогда я начал рубить дерево нашим каменным топором. С дерева упал большой кожаный мешок. В нем мы нашли письмо Бориса Фадеева, фотоаппарат и все для того, чтобы спуститься на Землю. Как мы были рады.

— Ура! Летим обратно! — закричали мы. От радости мы запрыгали и запели.

— Сфотографируй эту местность,— сказал я Шуре.

И он сделал несколько снимков. Вдруг раздался страшный рев. Неподалеку от нас стояло страшное черное чудовище. Чудовище не двигалось с места и отчаянно ревело. Шура от страху нажал кнопку «лейки».

Мы очень испугались и легли на землю. Потом я тихонько подкрался к чудовищу. Оно зарычало, и тогда я увидел большое черное яйцо, которое оно защищало. Я подошел ближе. Чудовище вытянуло свой страшный хобот, и я почувствовал, что меня засасывает в его рот. Я убежал. С нами случилось еще много приключений, но если начать о них рассказывать, то это будет долго.

Мы наполнили воздушный шар теплым воздухом (тут нам помогла спиртовка), развернули корзину, сели в нее и пустились в воздушное путешествие. Шар начал быстро подниматься, и мы скоро потеряли из виду планету, которую мы назвали «Ялмезом». Шар попал в сильное воздушное течение, и от ударов воздуха мы потеряли сознание.

Очнулись мы от каких-то приветственных криков и увидели себя в центре летящих на землю парашютистов: это был парашютный праздник.

Чудовище вытянуло свой страшный хобот...

Тайный ход

Письмо Бори Воробьева

Москва, Б. Пироговская ул., д. 51, кв. 183

Летом я жил в пионерском лагере на станции Расторгуево. Недалеко от лагеря был большой старинный парк. Мне рассказали, что раньше здесь был густой лес, но бывший владелец граф построил на этом месте дом и устроил парк с многочисленными прудами. На середине одного пруда возвышался островок. Добраться до островка очень трудно, можно только доплыть. Говорят, что у графа на островке была псарня. Как он перевозил туда собак, я узнал из одного случая.

Однажды мы с группой ребят бродили по парку. От графского дома осталась только невысокая стена да груда кирпичей. Вдруг Миша, по прозванию «Пузырь», крикнул: «Смотри: дыра!» Мы подбежали к нему. Миша разворотил кирпичи, мы увидели небольшое отверстие, которое шло в сторону. Отобрав пять человек, я полез в отверстие. Вдруг под ногами осыпалась земля, и я полетел куда-то вниз. Ударился я не сильно, смотрю: до отверстия метров пять. Зажег спичку и увидел, что лежу на куче земли в просторной комнате. Я начал звать ребят, но они почему-то не откликались. Минут через пять я увидел головы ребят. Ко мне спустили лестницу, и трое ребят спустились в подземелье. Мы пошли вдоль хода. Один мальчик зажег факел. Факел хорошо освещал стены, и мы увидели, что они выложены кирпичом. Вдруг я споткнулся обо что-то и упал. Из земли торчал кусок железа. Ребята вытащили его. Это оказался заржавленный пистолет с длинным дулом. Скоро впереди себя мы увидели свет. Каково же было наше удивление, когда оказалось, что мы вышли на островок посреди пруда. Наверно, этим ходом граф отправлял собак на островок.

Мы решили использовать этот подземный ход во время военной игры и устроили штаб на островке. Отверстие было очень хорошо замаскировано в кустах, и мы потеряли следы хода, а поэтому проиграли военную игру.

Сто этикеток

Письмо Тани Прозоровой

Москва, Арбат, Плотников пер., д. 10, 12

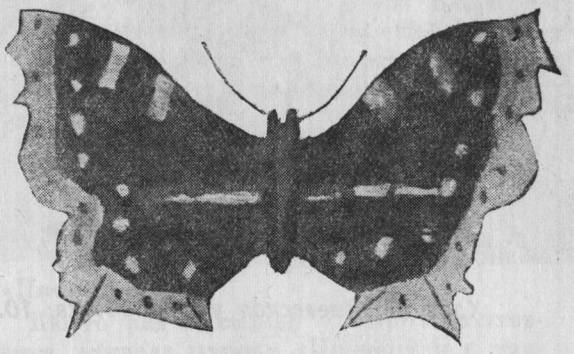
Многие ребята собирают коллекции марок. А я собираю коллекцию этикеток со спичечных коробок. У меня есть очень красивая коробка, на которой нарисованы спички ввиде поваров. Я собрала уже сто этикеток, и очень трудно достать новые этикетки, которых нет в моей коллекции. Если кто-нибудь из читателей «Пионера» тоже собирает спичечные этикетки, пусть напишет мне, и мы будем обмениваться ими.

Как я ловила бабочек

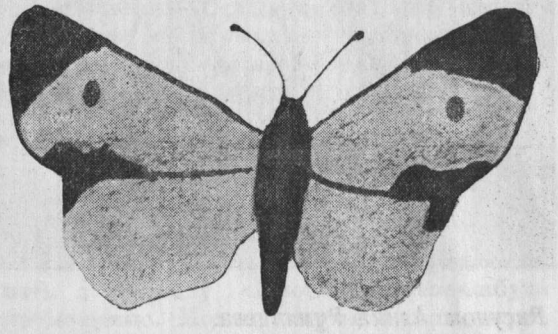
Письмо Ларисы Ястребовой

Село Тумботино, Павловский район, Горьковский край.

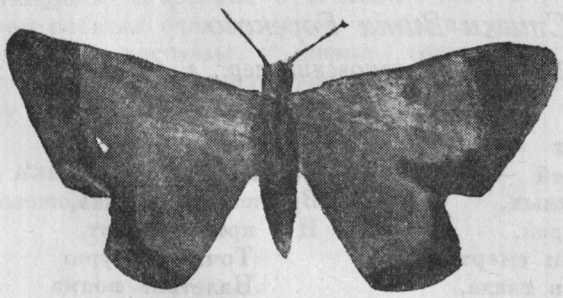
Летом я собрала коллекцию бабочек. Их я наловила, когда была в лагерях. Наш лагерь расположен в сосновом лесу, а недалеко от лагеря — озеро «Пионерское». У этого озера есть маленький заливчик, в котором вода очень чистая. В ней деревья отражаются, как в зеркале. Когда я ходила купаться, я обязательно брала коробочку для бабочек. Их уж там очень много. Около пляжа есть маленькая полянка, которая покрыта разными цветами, там много бабочек. В солнечный день они порхают, как разноцветные снежинки. Там и желтенькие совки-гаммы, и пестренькие медведицы, и красивые яркокрасные крапивницы. А в лесу, где нет цветов, на деревьях (больше всего на осине) сидят бабочки-траурницы. Бабочки сидят группами. Если они сидят низко, так надо подойти тихо-тихо, тогда поймаешь несколько, а если спугнешь хоть одну, так потом их не поймаешь.



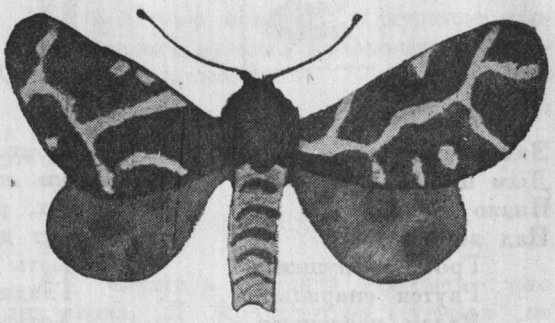
Траурница.



Капустница.



Совка-гамма.



Медведица обыкновенная.

В огородах я наловила бабочек—боярышниц и капустниц. Потом я составила коллекцию из собранных мной бабочек, к этой же коллекции я отнесла гусениц бабочек. Коллекцию бабочек я поместила в застекленную коробку и она хранится у меня до сих пор.

Рисунок Алика Румянцева. *Харьков, Змеевская ул., д. 14, кв. 10.*

За свободу

Стихи Вити Горского

Москва 49, 2-й Спасоналивковский пер., д. 6, кв. 2

Залпы гремят,
Дым пороховой
Низко стелется
Над землей.
Грохают пушки,
Рвутся снаряды,
Вдали наступают
Вражьи отряды.
Не отступать!
Стоять до конца!
Крепко и дружно
Бить врага!
Взрывы и смерть
Не страшны бойцам,
Хоть и звучат они
Тут и там,
Хоть убивают
Десятки людей —
Близких, родных,
Убивают друзей,
Хоть они смерти
Глядят в глаза,
Хоть над ними
Нависла гроза.
Грохот и свист
Кругом раздается,
А впереди
Лавина несется.
Стреляют бойцы,
Не хотят отступать,
Хотят до конца
Мадрид защищать.
Один за другим
Залпы звучат.
Враги уже близко
И с криком летят,
Точно в бурю
Налетает волна
И хочет разбить,
Раскрошить берега,
Но неприступен
Утесов гранит.
Хочет волна
Гранит разбить —
С бешеным ревом
Волна несется
И злобно о берег
Гранитный бьется.

И разбивается
В тысячи брызг
О неприступный
И твердый гранит.
Вот уже видны
Лица врагов,
Вот уже блещет
Сталь штыков.

Тучи нависли
Над головой,
Близок, близок
Час роковой.

Вот уже враг
Позорно бежит,
За ним вдогонку
Пуля летит.

Так врагов
Испанский народ отражает,
Так геройски
В бою побеждает.

Наши предложения

В прошлом номере мы просили ребят написать, о чем они хотели бы прочитать в журнале в 1937 году. Мы получили очень много всяких предложений. Самые интересные мы печатаем. Если у кого-нибудь из ребят есть еще предложения,— пусть присылают. Все эти предложения мы обсудим на совещании редакции и самые лучшие постараемся осуществить.

Здравствуйте, редакция журнала «Пионер»!

Как-то раз я сидела у одного колхозника, увидела журнал «Пионер» и с жадностью стала его читать. Рассказы, помещенные в журнале, я прочитала на сборе звена, и это был очень интересный сбор. В первом номере журнала «Пионер» были помещены «Рассказы о Ленине». Мне и всем ребятам очень хочется, чтобы вы напечатали рассказы о жизни товарища Сталина. Очень просим вас исполнить нашу просьбу.

Таня Котова

с. Климово,
Новоторжский район

В четвертом номере журнала был напечатан очерк «Страна-перекресток» С. Третьякова. Почему бы не печатать очерки и о других странах? Это было бы очень интересно.

Борис Крейзель

Киев, ул. Артема, 58

Я и все мои товарищи просим давать к журналу «Пионер» какое-нибудь приложение. Можно картины или игры. Очень просим это сделать.

Коля Матвеев

Углич, Ярославской области

Предлагаю печатать в журнале картины великих русских художников и обязательно в красках.

Надя Пешкова

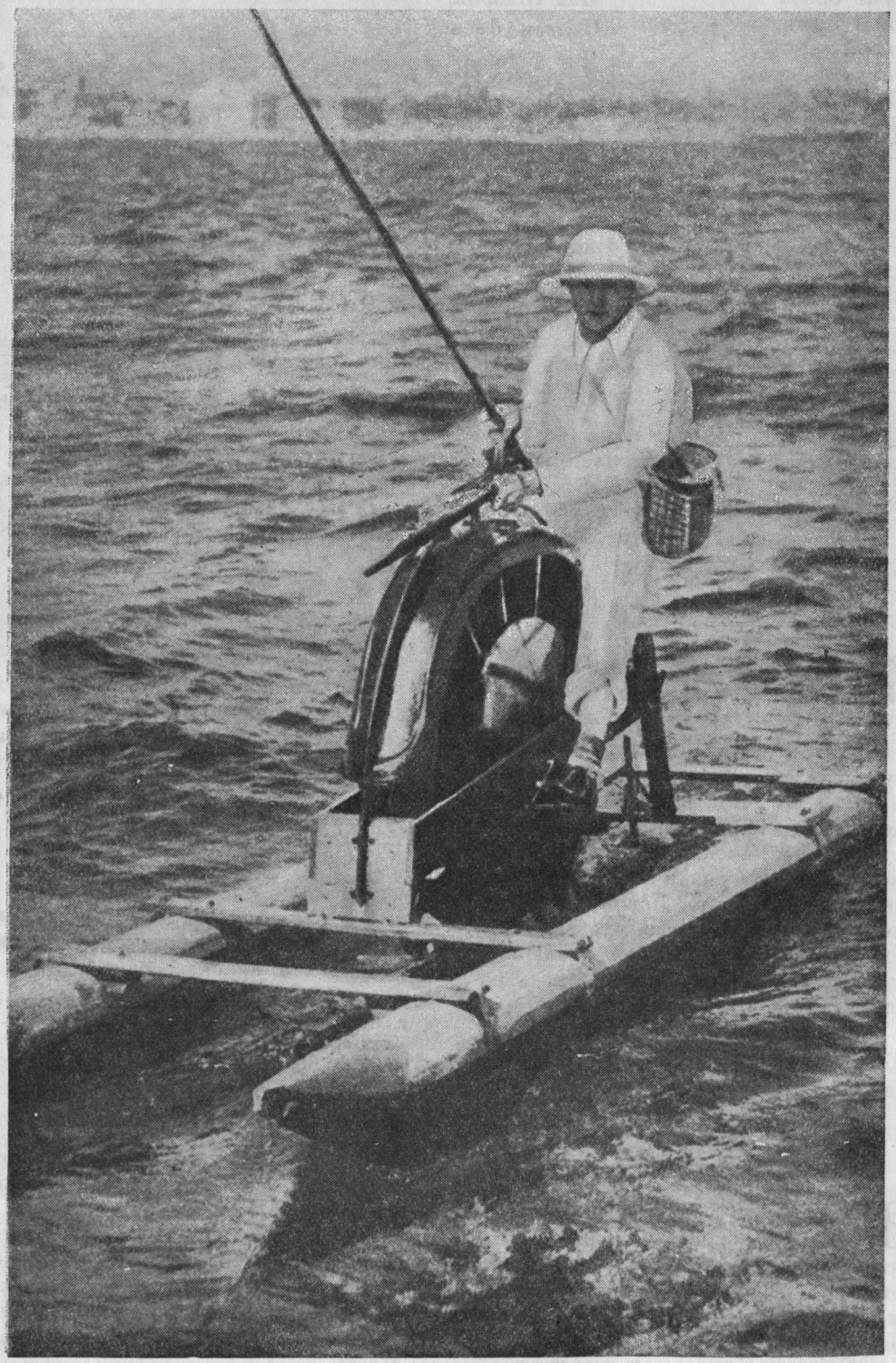
г. Киров,
ул. Воровского, 39

Я читатель журнала «Пионер» уже два года. Я прочитываю журнал от корки до корки, и мне в нем все нравится. Но самое лучшее — это отдел «Рассказы орденоносцев». Я бы хотел, чтобы в журнале «Пионер» рассказывали о древних войнах и великих полководцах — о Наполеоне, Александре Македонском.

Н. Борисов

Архангельск

Водный велосипед



Это самый настоящий однокопесный водный велосипед. Его построил Барней Фрой, житель Южной Калифорнии, страстный рыболов-удильщик. Колесо с лопастями вертится от педалей, как в обыкновенном велосипеде. Деревянные поплавки ввиде полозьев удерживают велосипедиста на воде. В тихую погоду на таком велосипеде можно ехать по морю со скоростью 16 километров в час.

Любимая игра испанцев

Эта игра немного напоминает теннис и называется «пелотэ». Изобрели ее в незапамятные времена баски.

Представьте себе белую стену метров в 15 высотой. Перед стеной большая цементная площадка зубчатой формы. Внутри площадки с двух сторон находятся полосы земли. На них мячи не должны падать.

Играют две партии по два человека в две очереди. По одному игроку из каждой партии становится перед стеной. Кто начинает, — стоит ближе к стене. Начинающий подходит вплотную к стене и ударяет о землю большим каучуковым мячом. Когда мяч отскочит от земли, игрок особым ударом кулака катит мяч вверх по стене. Докатившись до места, рассчитанного игроком, мяч отпрыгивает от стены и падает на площадку. Второй игрок отбивает его опять на стену.

Счет ведется не по хорошим ударам, а по ошибкам. Ошибки одной партии считаются плюсами другой.

Мяч можно отбивать и особой лопаточкой, и дубинкой, и кулаком в кожаной перчатке, и, наконец, с помощью chistera — это согнутый плетеный из соломы или кожи жолоб с расширением на конце. Он надевается на руку, и по жолобу катится мяч, когда его принимают.

□ □ □

Рекордный выстрел из лука

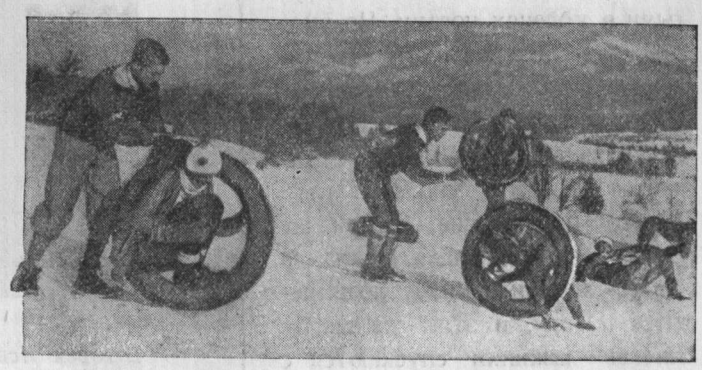
Сто лет назад ученый Спасский нашел в Сибири расколотую пополам каменную плиту. На плите было пять полустертых строк монгольской надписи.

Ученые выяснили, что надпись была сделана между 1187—1206 годами. Тогда в Монголии между племенами, населявшими ее, происходили большие войны; они кончились победой племени монголов. Все побежденные племена приняли его название, означающее «великолепные» или «храбрые». Вождем всех монголов был избран Темучин с титулом «Чингис-хан» — великий князь.

Около ста лет ученые бились над расшифровкой надписи. Один ученый прочел: «Когда Чингис-хан после нападения на хивинцев возвратился и положил конец вражде всех монгольских племен, то всем 335 демонам в знак изгнания поставил этот памятник».

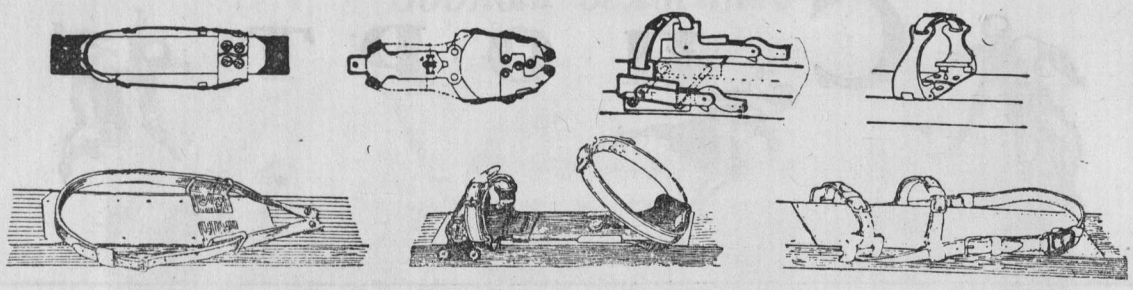
Другой ученый просидел над надписью около трех лет и прочел следующее: «Когда Чингис-хан после победы над Хорезмом возвратился и люди всех монгольских поколений собрались в урочище Бута Сучигай, то Исункэ получил в удел 335 воинов хонгородских». Исункэ — это племянник Чингис-хана.

Совсем недавно за надпись взялся советский ученый Клюкин. После нескольких лет работы он, наконец, добился верной расшифровки надписи. Вот что она говорит: «Когда Чингис-хан, одолев могуще-



Новый вид зимнего спорта придумали в Швейцарии — спуск с горы в автомобильной шине.

Существуют сотни систем лыжных креплений. Некоторые из них мы вам здесь показываем:



Верхний ряд (слева направо): Лейке, Автоматик, Еркова, Бергендаль; нижний ряд: Шустер-Хока, Бильгерн, Хютфельд.

Новая техника лыжного бега

Большинство лыжников заграницей во время состязаний применяет новую технику лыжного бега с большой скоростью. Эта техника требует большой тренировки и выносливости всего тела. Польский лыжник Ян Склад так рассказывает об этой новой технике:

— Когда вы смотрите на лыжное состязание, вам с трудом верится, что это бегут на лыжах. В технике бега лыжников преобладает обычный шаг, как в ходьбе: левая нога — правая палка, правая нога — левая палка, попеременно, в темпе обычного шага. Шаги делают большие, вроде выпада с согнутыми в коленях ногами. Но вместе с тем эти же шаги напоминают конькобежные: в момент шага только одна лыжа находится на снегу, другая же отрывается от снега. Такими шагами бегают по равнине. Таким же шагом, не уменьшая темпа, а лишь укорачивая шаг, поднимаются в гору, и этим же шагом многие лыжники спускаются с горы.

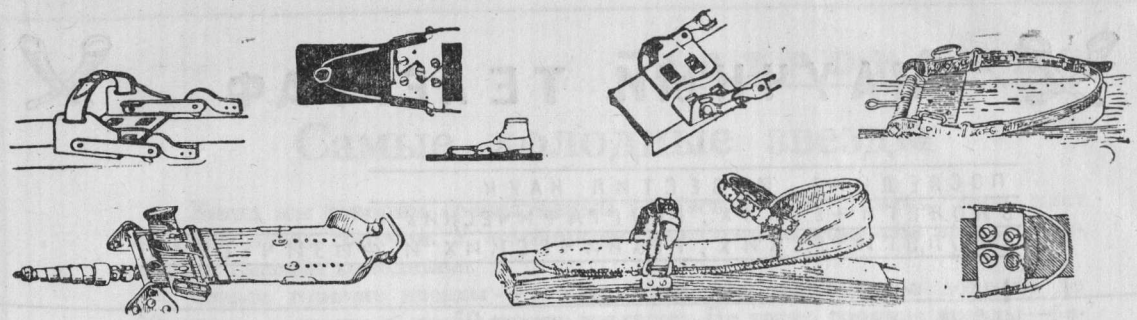
□ □ □

ство народа сартагул [1], вернулся в орду и собрал всех полководцев монгольского народа на призовые состязания в стрельбе из лука, то Исункэ стрелял и попал в цель на расстоянии 335 алданов».

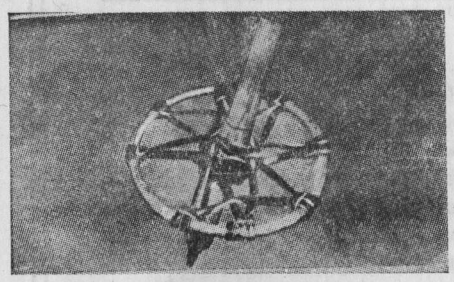
Эта надпись говорит о мировом рекорде стрельбы из лука. Стрела из лука Исункэ пролетела 713 метров и вонзилась в цель. Пуля из современного нагана пролетает всего 700 метров.

[1] Народ сартагул жил в Средней Азии.

В горах Испании выпал глубокий снег. В горы из Барселоны отправляются команды бойцов-лыжников для борьбы с фашистскими мятежниками.



Верхний ряд: Хауг I, Роттефелла, Хауг II, Мюллер; нижний ряд: Лилиенфельд, «Галоша», Лангрен.



Хорошее оплетение кольца на лыжной палке.

„Муртомаа“

Самыми распространенными лыжами в СССР являются лыжи «муртомаа», или, как чаще их называют, «муртома». Эти лыжи средние между узкими беговыми и широкими горными. Они приспособлены для пересеченной местности и одинаково хорошо идут по равнине и по горам.

Родина их — Финляндия, где они появились в начале 1920 года. «Муртомаа» по-фински значит разнохарактерная земля, почва.

Так надо правильно надевать на руки ремни лыжных палок.

Лучший легкоатлет мира

Негр Джесси Оуэнс установил редкий рекорд: он поставил в один день, 25 мая 1935 года, три мировых рекорда.

Прежде всего Джесси прыгнул в длину с разбега на 8 метров 13 сантиметров. По сантиметрам отвоевывали прежние рекордсмены первенство, а Оуэнс перепрыгнул рекорд японца Намбу на целых 15 сантиметров.

220 ярдов (201 метр) с барьерами он пробежал за 21,5 секунды.

В беге на 100 метров Оуэнс первым из людей показал необыкновенное время — 10,2 секунды. Но этот рекорд ему засчитан не был: в спину Оуэнсу дул легкий ветер. По международным правилам, при ветре, дующем в спину со скоростью больше двух метров в секунду, рекорд не засчитывается.

На международной олимпиаде в Берлине в 1936 году Оуэнс в финале бега на 100 метров повторил мировой рекорд—10,3 секунды.

Вот как описывает один журналист второй круг полуфинала на 100 метров:

«Задержавшись немного на старте, Оуэнс поднимается последним, сразу перекладывает тяжесть тела вперед и неудержимо летит по ровной дорожке. У него идеальная постановка туловища в беге на короткие дистанции, гармоничная работа мускулов. Шаг за шагом он догоняет вырвавшихся конкурентов, равняется с ними и сразу выходит вперед. Просвет растет. На финише Оуэнс отбрасывает своих противников на 5 метров и спокойно рвет грудью ленточку. Когда Оуэнс бежит, создается впечатление, что внутри этого человека мотор, до того спокойно его лицо.

На олимпиаде Оуэнс также занял три первых места: бег на 100 метров, на 200 метров и прыжок в длину с разбега.

Победителей на олимпиаде награждали лавровыми венками. Но когда очередь дошла до негров, которые выиграли семь первых мест по легкой атлетике, Гитлер, присутствовавший при награждении, удрал.

Его теория о превосходстве арийцев была побита Оуэнсом и его товарищами — неграми.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ, ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

ЗООЛОГИЯ

Рыба во льду

25 лет назад русский ученый П. И. Бахметьев доказал, что многих мелких животных можно замораживать и затем, осторожно оттаивая, оживлять снова. Бахметьев говорил, что скоро будут замораживать пчел на зиму, чтобы они не поедали мед, накопленный в улье, а весной размораживать. А когда-нибудь — так думал Бахметьев — научатся и домашний скот сохранять зимой, во время бескормицы, в замороженном состоянии.

Профессор Бахметьев умер в 1913 году. Много из того, о чем он мечтал, наука не умеет сделать и до сих пор.

Но вот какие замечательные опыты были произведены осенью этого года на Оранжерейном промысле вблизи Астрахани.

В воде охладили 5 живых осетров. При 0° осетры прекратили движение и дыхание. Казалось, что они заснули. Они производили впечатление замороженной рыбы. Тогда они были вынуты из воды, уложены на лед и на барже отправлены в лабораторию. Там через 28 часов после начала опыта ящик был вскрыт, помещенные в воду осетры, за исключением одного, сильно пострадавшего при перевозке, ожили.

Затем инженер Платонов поставил еще более смелый опыт. В Саратове были охлаждены стерляди и сазаны. 3 ноября они были упакованы на льду в ящики. 4 ноября Платонов вылетел на самолете из Саратова в Москву. Однако аэроплан совершил вынужденную посадку. Пришлось заночевать в Рязани. Только 5 ноября, в 10 часов утра, самолет доставил рыб в Москву.

Тут инженер Платонов и профессор Шмидт решили опустить рыб в аквариум. И вот на глазах у всех рыбы ожили. 7 стерлядей и 1 сазан стали плавать в аквариуме, искать корм. Рыбы прожили в полузамерзшем, угнетенном состоянии 52 часа.

Возможность останавливать жизнь, а потом снова возобновлять ее увлекала многих ученых. Еще задолго до Бахметьева, в 1843 году, английский анатом Гентер мечтал о том, чтобы продлить жизнь человека, заморозив его на 100 лет, а потом оттаивая. «Представьте себе,—писал Гентер:— проснуться через 100 лет и посмотреть, как тогда станут жить люди!»

Опыты Шмидта и Платонова не дают, конечно, никакого права предполагать, что мечты Гентера осуществятся. Но совершенно несомненно, что в ближайшее время советские лаборатории найдут способ и разработают технику временного приомраживания рыбы и быстрой перевозки ее в таком состоянии во все концы Советского союза.

АСТРОНОМИЯ

Самые холодные звезды

Когда мы говорим «раскаленный докрасна», это значит, речь идет о чем-то очень горячем. У астрономов раскаленные докрасна звезды считаются самыми холодными.

Самые горячие звезды — это голубые. Их температура доходит до 30 тысяч, а иногда и до 50 тысяч градусов. Не такие горячие звезды—белые. Еще холоднее желтые звезды. А температура красных, самых холодных,— какие-нибудь тысячи три градусов.

Правда, астрономы догадывались, что есть еще более холодные звезды. Но так как они совсем или почти совсем не светятся, то их никто никогда и не видел.

Первый человек, которому удалось увидеть несколько недель назад эти невидимые звезды,— американский астроном Эдлер. И то он увидел не звезды, а только их фотографии.

Как же удалось ему снять невидимое? А вот как.

Звезды, снятые Эдлером, не совсем холодны. Их температура несколько сот градусов. Света они не дают, но тепло от них идет.

Вот Эдлер и взял для с'емки не обыкновенные фотографические пластинки, чувствительные к свету, а особенные, чувствительные к тепловым лучам. Когда эти пластинки проявили, на снимке между давно известными звездами оказались еще новые, никем никогда не виданные. Это и были самые холодные из известных людям звезд.

Теперь Эдлер, а с ним и другие астрономы будут снимать новым способом все небо, чтобы разыскать и исследовать все «холодные» звезды.

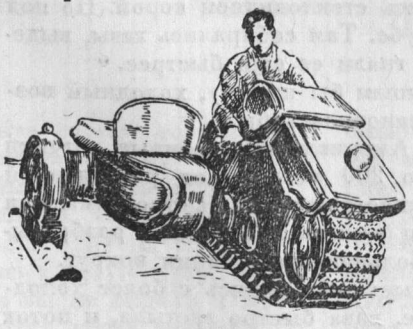
Сейчас самой близкой к нам звездой считается Альфа Центавра. Пролетая в секунду 300 тысяч километров, свет доходит от нее к нам за четыре с третью года! Видимых звезд ближе к нам нет.

Но, может быть, есть невидимая «холодная»? Эдлер думает, что есть, и надеется ее отыскать.

ТЕХНИКА

Снежный мотоцикл

Мотоцикл — прекрасная и удобная машина. По хорошей, летней дороге на нем можно мчаться со скоростью больше 100 километров в час.



Но зимой мотоцикл сразу увязает в снегу. Он делается почти бесполезным...

Сейчас заграницей выпускаются мотоциклы с резиновой гусеницей. Она надевается на колеса, в верхней части машины проходит под седлом и вдоль рамы, там, где обычно находится бензиновый бак. А бак поставлен над передним колесом, впереди руля.

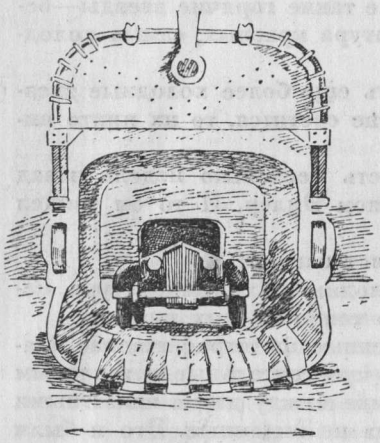
Такой мотоцикл не вязнет в самом рыхлом снегу и может ходить зимой так же, как обыкновенная машина летом. Только, конечно, медленнее. Одно только

плохо: гусеница мешает двигать рулем, и мотоцикл становится довольно неповоротлив.

К гусеничному мотоциклу можно прицеплять и коляску для пассажира, надев на ее колесо лыжу.

А выйдя на твердую дорогу, гусеницу нетрудно снять.

Такие мотоциклы — вездеходы — будут очень полезны за городом и почтальону, и врачу, и многим другим, не говоря уж о том, какую пользу они могут принести на войне.



Гигантский экскаватор

Экскаватор —это большая машина с длинной подвижной «рукой», на конце которой ковш. Этим ковшом она загребает землю.

Но такого экскаватора, какой работает в Америке на каменноугольных копях, в штате Иллинойс, у нас еще не видали. Такой громадины нет больше нигде в мире.

На нашем рисунке показан один только ковш этого гиганта. Но и он так велик, что в него свободно входит большой автомобиль.

Две «пригоршни» земли или угля, высыпанные такой «рукой» в большой товарный вагон, наполняют его доверху.

ГЕОЛОГИЯ

Борьба с извержением вулкана

Замечательный случай произошел на острове Гавайи, Гавайского архипелага. Ученые, изучающие вулканы, почти за два года предупредили население острова, что предстоит извержение вулкана Мауна-Лоа.

Извержение началось 21 ноября 1935 года. Сначала потоки лавы потекли на север, по ненаселенным местам. Но на другой день поток неожиданно повернул на восток, прямо на главный город острова Гило. Правда, благодаря предупреждению население успело приготовиться, и все спешно покинули город. Но посевы и сам город, казалось, были обречены на неизбежную гибель.

Неужели нельзя остановить огненную реку? Ее изучали с самолетов. Сверху лава быстро остывала и покрывалась стекловидной корой. Но под этой корой лава текла как по огромной трубе. Там собирались газы, выделявшиеся из лавы. Они давили на лаву и гнали ее еще быстрее.

Вот если б разбить эту кору? Газы вышли бы наружу, холодный воздух остудил бы лаву, и огненная река остановилась бы...

Вот тут на помощь пришла авиация. Американские военные летчики смело снижались сверху до высоты всего 200 метров над раскаленной массой, сбрасывали бомбы весом по 136 килограммов и быстро взмывали кверху. Тяжелые бомбы пробивали кору и взрывались в лаве, разбрасывая ее во все стороны и ломая кору на большом расстоянии вокруг.

Дальше все пошло, как ожидали ученые: смешавшись с более холодной корой и оказавшись прямо на воздухе, лава быстро застыла, и поток остановился. Город и поля были спасены.

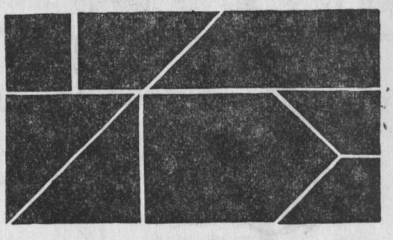
Загадки, задачи, игры и фокусы

Волшебные кусочки

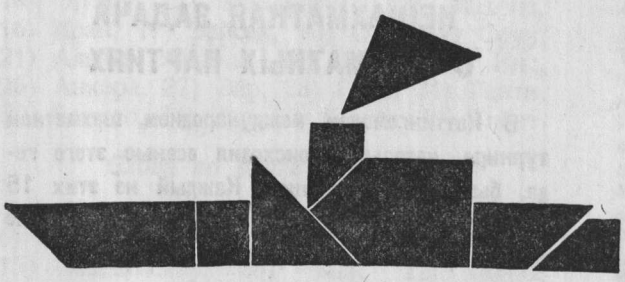
Однажды доктор Каррабелиус рылся в чемодане и нашел там кусок линолеума. Он долго думал над тем, как попал этот кусок в чемодан, ни до чего не додумался и хотел было уже выбросить его, как вдруг ему в голову пришла одна мысль. Он наточил нож и разрезал линолеум на 8 кусочков.

«Из этих кусочков,— сказал сам себе доктор Каррабелиус,— я могу сделать все, что захочу».

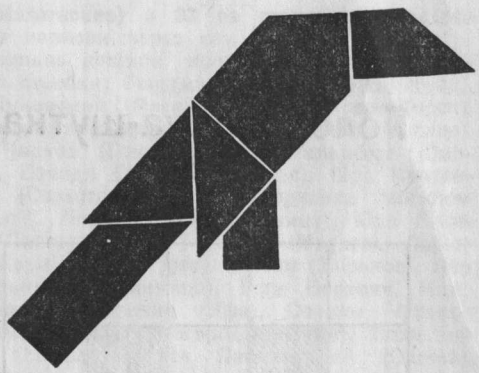
И он тут же сложил около ста различных фигурок. Потом ему надоело это занятие, и он прислал кусочки линолеума и фигурки в редакцию. Здесь мы печатаем две фигурки доктора Каррабелиуса: ворону и пароход.



Сделайте себе такие же кусочки и попробуйте складывать фигурки. Можете прислать фигурки или рисунки с них в редакцию.



Пароход.



Ворона.

Две монеты

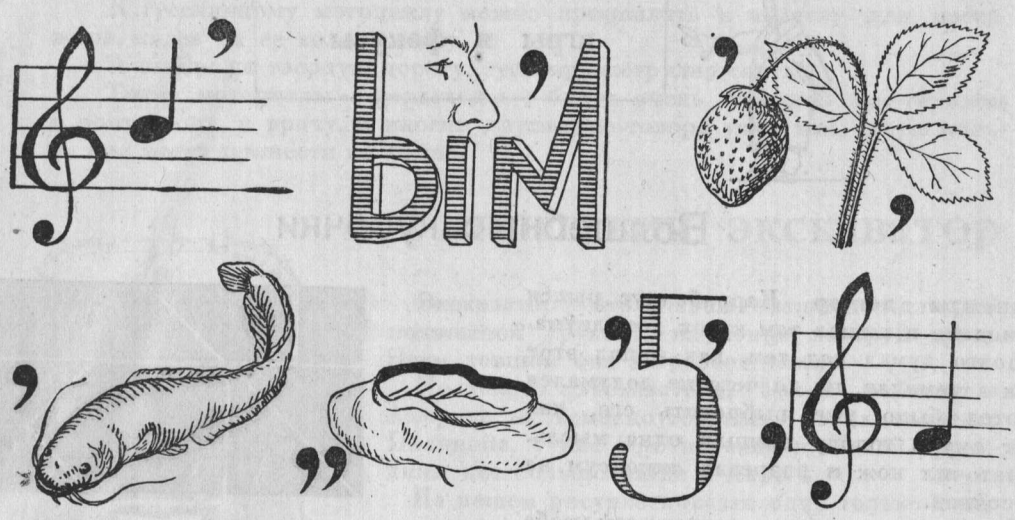
(фокус)

Дайте своему товарищу две монеты: одну в три копейки, другую в две — и скажите, чтобы он зажал их: одну в правую, другую в левую руку, так, чтобы вы не видели в какой руке какая монета.

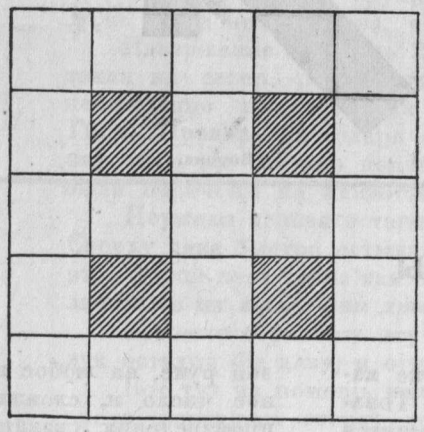
Теперь скажите ему, что можете угадать без ошибки, в какой руке какая монета лежит. Товарищ, конечно, усомнится в этом.

Тогда попросите его помножить число копеек, находящихся в правой руке, на какое-нибудь четное число, а число копеек, находящихся в левой руке, на любое нечетное число и, сложив оба произведения, сказать вам сумму. Если в сумме получится нечетное число, то, значит, двухкопеечная монета находится в правой руке; если же — четное, то, наоборот,— в левой.

Ребус



Головоломка-шутка



Возьмите двенадцать букв «О», пять «Т» и четыре «П» и расставьте их в клетках этой фигуры так, чтобы, откуда бы вы ни подошли, снаружи вас встретил шум копыт, а внутри оказалось слишком много воды.

НЕШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА О ШАХМАТНЫХ ПАРТИЯХ

В Ноттингемском международном шахматном турнире, который происходил осенью этого года, было 15 участников. Каждый из этих 15 участников сыграл по 14 партий. Сколько всего партий было сыграно?

• • •

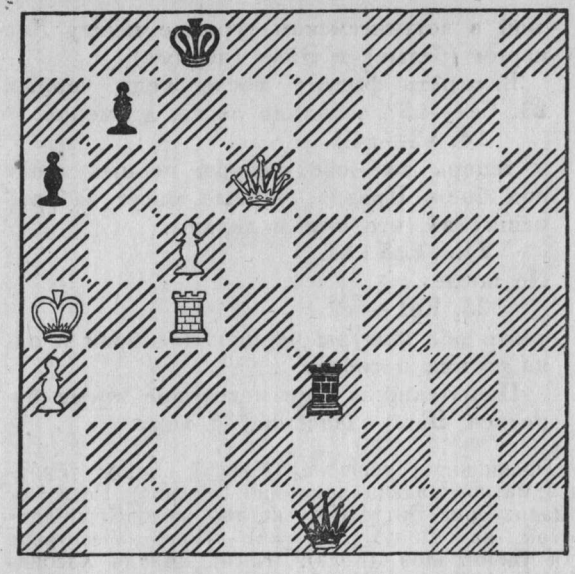
КАК ЭТО СДЕЛАТЬ?

Шашечная головоломка (присланная Игорем Лебедевым из Костромы)

Расставьте на шашечной доске шашки так, чтобы чужая шашка могла побить за один ход девять шашек противника.

Сделать это можно даже несколькими способами, но вы найдите хотя бы один.

•



Редкий случай

В положении, изображенном на диаграмме, партнер, игравший черными, сделал ход: в7—в5, об'явил мат и... тут же сам сдался.

Его противник улыбнулся такой шутке и в знак того, что сдается, снял своего короля с доски.

Это очень редкий случай, когда партия заканчивается поражением обоих противников.

Не об'ясните ли вы, в чем тут дело?

Ответы на задачи, помещенные в № 10

Решение географического кроссворда

Слова по горизонтали:

1) Кипр, 3) Австрия, 8) Тобол, 9) Ява, 10) Луара, 12) Никарагуа, 13) Мадрид, 16) Иран, 17) Зайсан, 18) Ока, 19) Сочи, 21) Альпы, 23) Нил, 24) Вайгач, 25) Инд, 26) Анкара, 27) Эйр, 28) Горн, 31) Гаити, 33) Борнео, 34) Чад, 37) Канин, 38) Тибет.

Слова по вертикали:

1) Китай, 2) Рион, 4) Волга, 5) Эльбрус, 6) Сахара, 7) Баку, 11) Аден, 14) Диксон, 15) Мадагаскар, 20) Чили, 22) Прага, 26) Аргентина, 29) Тайга, 30) Гвиана, 32) По, 35) Памир, 36) Нигер.

В географическом кроссворде Володи Саппак было две ошибки. В 15 по вертикали написано «Остров у восточного побережья Черного моря», вместо «Остров у восточного побережья Африки» (Мадагаскар) и 33 по горизонтали остров Борнео написан через «а».

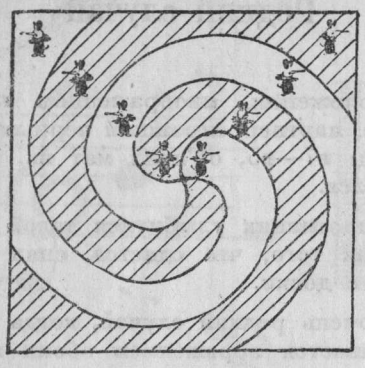
Правильно решили кроссворд, исправив указанные ошибки: Георгий Воронцов (Ленинград), Юра Лукомский (Москва), Алина (Новосибирск), Д. Гольдберг (Москва), Ира Троицкая (Москва), Толя Чирков (Гомель), Сема Гольдберг (Смоленск), Володя Овчаренко (Киев), Юра Контендантов (Севастополь), Лена Марченко (Могилев-Подольск), Боря Петров (Винница), Юра Яковский (Павлоград), Э. Гильман (Москва), Льбенская (Пермь), Игорь Дворниченко (Харьков), Лев Красильников (Винница), Гога Борович, Нина и Толя Базилевские (Уфа), Сережа Чубаров (Горьковский край, Богородский р-н), Боря Баранов (Москва), Котя Палиховский (Одесса), Барковский и Ошевенский (Ленинград), Оля Мещерякова (Харьков), Вова Гавронский (г. Горький), Нина Клейн (Орехово-Зуево), Осик Ершов (Москва), Ира Торговникова (Орехово-Зуево), Шура Острой (Белая Церковь), Даня Подоплек, Ира Куличихина (ст. Нахабино, Калининской ж. д.), Нюма Прайсман (Белая Церковь), Андрей Баратов (Москва), Володя Авраменко (Моршанск), Софа Сарангова (Курск).

Яблоки

Всего колхозник продал 200 яблок.

Правильно решили задачу: Шура Ковалев (Ирбит), Олесь Киналь (Киев), Эдик Круцко (Казань), Геля Загоскин (Ульяновск), Коля Ермаков (г. Горький), Ж. Сдобников (Москва), И. Лаптецкий (Киев), Аркадий Кустарев (Москва), Леня Духовный (Москва), Фаня Грановская (Киев), Гриня Хай (Ленинград), Вова Непомнящий (Ленинград), Илья Слуцкер (г. Мглин), Ваня Чугунов (Рязань), Гриша Маршев (Гомель), Ося Энтин (Москва), М. Титков (Калинин), Миля Верников (Николаев), Мося Смелянский (Москва), Белла Мозель (Минск).

Головоломка



Вот как надо разрезать этот квадрат с Тут-Итамами на четыре части одинакового размера и формы.

Головоломка оказалась очень трудной. Правильное решение прислал только один из наших читателей — Коля Татаринцев (Бугуруслан).

О турнире в Ноттингеме

Вот решение вопроса о выигрыше белыми фигуры у черных в партии, игранной в воттингемском турнире между Ласкером (белые) и Эйве (черные)

Выиграть фигуру после хода черных 23. Сс7—а5? довольно легко, а именно:

24. в2—в4!!

и теперь уже обе фигуры черных стоят под боем. Правда, черные могут забрать пешку в4, что они и делают.

24... Са5 : b4.

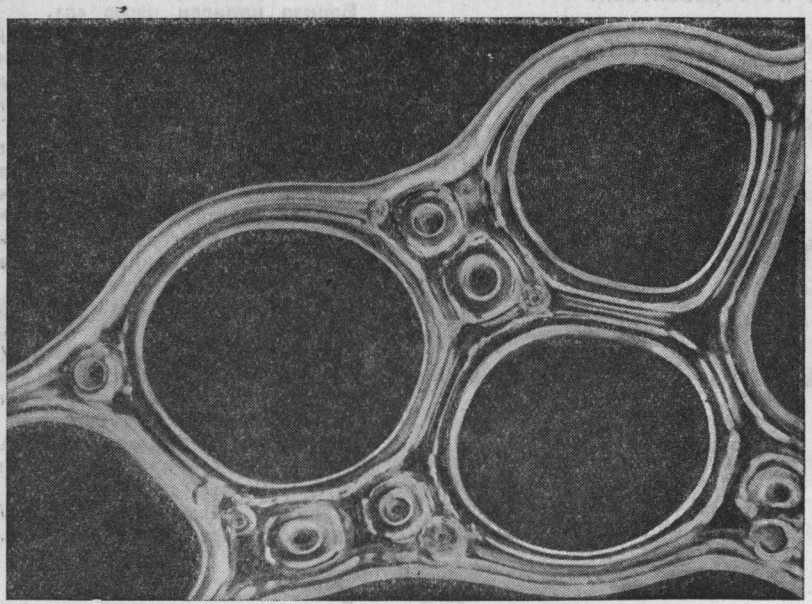
Но после

25. Ке1 — с2

опять обе фигуры черных под боем и одна из них погибает.

Попытавшись еще некоторое время бороться, Эйве сдался на 33 ходу.

Правильное решение шахматной задачи прислали: Эрик Битте (Ростов на Дону), Витя Виноградов (Киев), Юра Рябиков (Киев), Пава Горелов (Одесса), М. Коломенский (Москва), Володя Холстов (Ленинград), Игорь Власов (Москва), Давид Бергер (Каменец-Подольск), Б. Столов (Минск), Борис Рябикин (Москва), Петя Чекатило (село Карпиловка), Доля Левитанус (Киев), Володя Хлебников (Елабуга), Яша Естрин (Москва), М. Польский (Москва), Юра Грабарь (Ленинград), Бума Выгоднер (Орел), Боря Большаков (Сызрань), Яша Елькин (Витебск).



Что это такое?

не Х-5680

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Зам. редактора **В. Фраерман** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**
Сдано в набор 9/XII 1936 г. Подписано к печати 29/XII 1936 г. Изд. № 1162
Уполномоченный Главлита № Б—32052. 82×110—1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.
Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 2669. Тираж 75 000

Ц. 193[illegible] г.
Акт № 210
Выдан. л.